

РОСТЕР

10 ОКТЯБРЬ 1974

КОСТЁР

10
ОКТАБРЬ
1974

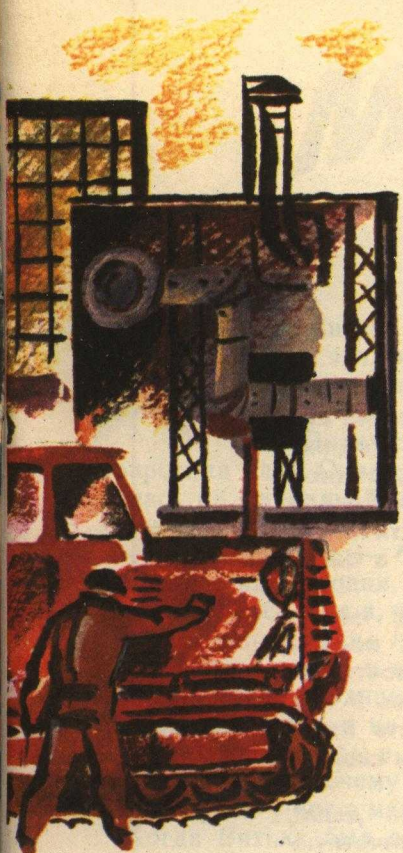
Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Издается с 1936 года
© „Костёр“, 1974 г.

Оформление А. Аземши

**ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА,
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ
ЦК КПСС
ТОВАРИЩУ
ЛЕОНИДУ ИЛЬИЧУ
БРЕЖНЕВУ**

Мы, посланцы большой и дружной пионерской семьи, собрались в Артеке на свой VI слет, посвященный 50-летию присвоения имени В. И. Ленина комсомолу и пионерской организации.

Полвека на нашем пионерском знамени — бессмертное имя Владимира Ильича Ленина. Мы, пионеры семидесятых, как и все пионерские поколения, верны ленинским заветам. Обещаем, что не уроним чести священного знамени, всей своей жизнью, учебой, трудом оправдаем высокое звание юных ленинцев.

Мы — дети прекрасной, счастливой и могучей страны. Каждый день, каждый час мы чувствуем, как по-отечески заботятся о нас Родина, Коммунистическая партия, Советское правительство.

Какой праздник был у всех ребят, когда мы узнали, что для нас будет построено еще больше Дворцов пионеров, станций юных техников, натуралистов и туристов, пионерских лагерей. Еще интереснее и содержательнее станут наши каникулы!

Спасибо, родная Коммунистическая партия, за щедрость, доброту и любовь к советским ребятам!

Спасибо Вам, дорогой Леонид Ильич, за то, что Вы так много уделяете внимания юным пионерам, заботитесь о нас!

Мы горды, что с высокой трибуны XVII съезда комсомола прозвучало отеческое слово партии о пионерии.

Под руководством нашего старшего вожака — комсомола будем воспитывать в себе трудолюбие, честность, благородство, уважение к старшим, настойчивость в учебе, умение

применять знания в жизни, любовь к своей Родине, беззаветную преданность ленинской партии.

У советского народа впереди светлый праздник — 30-летие Победы в Великой Отечественной войне.

Мы — внуки тех, кто в грозные годы войны бесстрашно сражался с врагами за честь, свободу и независимость народов. Все ребята знают, что трудными дорогами войны от первого дня до победного салюта прошли и Вы, Леонид Ильич.

И сегодня, в этот мирный, радостный день, приносим сердечную благодарность всем мужественным защитникам нашей Родины, тем, кто подарил нам безоблачное, счастливое детство.

В Артеке, вместе с нами, — ровесники из многих стран мира. У нас разные языки, разные имена, разные песни. Но все мы ненавидим войну, ненавидим фашизм, все мы мечтаем о мире, хотим быть друзьями и товарищами. Мы шлем наше общее артековское спасибо, сыновнюю благодарность Коммунистической партии, Советскому правительству, Вам, дорогой Леонид Ильич, за неутомимую борьбу за мир, укрепление дружбы между народами, счастье детей трудящихся всех стран. Пусть всегда будет солнце!

Да здравствует наша любимая Родина — Союз Советских Социалистических Республик!

Да здравствует мир!

К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза всегда готовы!

Делегаты VI Всесоюзного слета пионеров. Артек, август 1974 года

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Московский район

ул. Галстунга, 37

тел. 63-60-62

ОБРАЩЕНИЕ

ДЕЛЕГАТОВ VI ВСЕСОЮЗНОГО СЛЕТА ПИОНЕРОВ В АРТЕКЕ КО ВСЕМ ЮНЫМ ЛЕНИНЦАМ СТРАНЫ

Пионер! Товарищ! Друг!

К тебе обращается VI Всесоюзный пионерский слет, три тысячи его делегатов. Вместе с тобой, со всеми ребятами нашей великой Родины мы говорим сегодня слова благодарности советскому народу, родной Коммунистической партии, нашему вожатому комсомолу за любовь и заботу, за счастье жить и расти в Союзе Советских Социалистических Республик, где перед каждым из нас открыта светлая дорога в большую жизнь.

Где бы ты ни жил, пионер, в большом городе или в селе, ты видишь яркий пример служения Отчизне, пример коммунистов, комсомольцев, героев труда. У них будем учиться свято хранить верность ленинским заветам, Красному знамени Октября, делу коммунизма. У них будем учиться самоотверженно трудиться, любить и защищать нашу Родину, как защищали ее наши отцы, герои-комсомольцы, наши сверстники пионеры-герои.

Вырастем такими, как они, продолжим их революционное дело! Воспитаем в себе замечательные ленинские черты: коммунистическую идейность, трудолюбие, честность, благородство, настойчивость в учении, любовь к труду, беззаветную преданность великой ленинской партии.

Выполним Наказ XVII съезда комсомола!

Будем хорошо и отлично учиться, крепко дружить, помогать друг другу. Мы знаем, что нас ждет творческий, радостный труд на благо нашей Отчизны. Мы готовимся к этому. И сейчас хотим внести свой пионерский вклад в девятую пятилетку. Мы зовем всех: включайтесь в операцию «Байкало-Амурской магистрали — пионерские рельсы!» Выйдем в большой поход по сбору макулатуры и полимерных материалов «Миллион — Родине». Будем беречь и украшать дом, в котором мы живем, школу, в которой мы учимся, природу, которая нас окружает.

Пионеры! Будем готовы к труду и обороне Родины! Все станем значкистами ГТО!

Страна готовится к большому празднику — 30-летию Победы над гитлеровским фашизмом. Окружим заботой и вниманием ветеранов Великой Отечественной войны, семьи погибших воинов! Будем ухаживать за памятниками воинам-освободителям, посадим самые красивые цветы. Каждому ветерану подготовим пионерский подарок!

Наша Коммунистическая партия учит нас дружить с детьми трудящихся всего мира, крепить единство с пионерами социалистических стран. Вырастем патриотами-интернационалистами! Еще активнее будем участвовать в международном движении солидарности с теми, кто борется против империализма, колониализма, фашизма и реакции, кто борется за мир на земле. «Свободу политическим заключенным!», «Нет — фашистской хунте в Чили!», «Свободу товарищу Луису Корвалану!», «Пусть всегда будет солнце!».

Наш слет дает старт новому этапу Марша «Всегда готов!». Мы посвящаем его 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Девиз Марша — «Салют, Победа!».

Пионер! Звено! Отряд! Дружина! Выходи на старт Всесоюзного марша! Отличной учебой, успехами в труде, спорте, общественной работе ответим на отеческую заботу Родины, партии, народа!

К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будем готовы!

МАМИНО ЗНАМЯ

РАССКАЗ

Ада Левина

Рисунки В. Топкова

тром Витька поссорился с матерью. Ссора эта, как и все другие в последнее время, произошла из-за пустиака.

— Витя, сходи за картошкой, — попросила мать. Она была уже в пальто: собиралась на фабрику. В первую смену она всегда выходила затемно.

— Некогда мне, — буркнул Витька. — Экскурсия у нас сегодня, в музей идем. И вообще, почему все я да я, как ишак.

Мать взглянула на него растерянными распахнутыми глазами и вышла. Витька слышал, как скрипнула входная дверь, как простучали под окнами шаги, и на душе у него сделалось мутно, как всегда в последнее время после таких ссор. Ну, почему вот так получается, а? Ведь прежде у них с матерью было все хорошо.

Когда Витька был совсем маленький, мать даже брала его иногда с собой на фабрику, чтоб не запирали одного. На фабрике Витьке очень нравилось. Сначала его как бы оглушала тишина. За окном бежали трамваи, проносились грузовики и гудели электрички — и только здесь, в вышивальном цехе, все было тихо, и время уже не несло на всех парах, а словно висело в воздухе. Тесно, бок о бок друг к другу стояли здесь деревянные станки — пильцы. Белели дорожки проборов на склоненных головах вышивальщиц, звякали, покотившись на пол, наперстки, поблескивали в солнечных лучах нитки и мишура, и всюду — куда ни глянешь, куда ни повернешь голову — налево, направо, — всюду было красно. В цехе вышивали знамена. Знамена были разные — на одном в центре разноцветными нитками вышивали паровоз, на другом — подъемный кран, на третьем — серп и молот.

Здесь, в цехе, прочел Витька первые слова. Было так. Он стоял возле пялец матери и складывал буквы, медленно выползающие из-под ее проворной руки: «П», «Р» — «ПР», «О»...

— Мама, а что это такое — пролетарий?

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь! — это лозунг такой, на каждом знамени вышивается.

А мамина подруга тетя Клава тоненькой серебряной ниточкой вышивала на знамени портрет, и Витька смотрел, как вдруг рождалась из сплетения нитей мягкая и памятная улыбка.

— Это Ленин, — узнал Витька.

Он любил слушать старушку в очках тетю Фросю и ее рассказы, как еще до войны вышивали они чайку на занавесе МХАТа, и как их потом пригласили на спектакль, и они сидели в самом первом, аж перед сценой, ряду, и

чайку было хорошо видно — «каждый стежок».

А еще Витька любил смотреть, как мать вышивает метку. Перед тем, как снять с пялец уже готовое знамя, мать выворачивала наизнанку узенький рукав — продержку, сквозь которую потом проденут древко, и петляющим, тонким, как струйка, швом выводила тринадцать букв — «Анна Кузнецова». Эта метка была так знакома Витьке! Когда он уезжал в пионерский лагерь, мать вот так же старательно вышивала на его панamaх, трусах и майках — «Кузнецов Виктор».

А какие были у них с матерью разговоры. Про войну, про песни. Из всех маминых рассказов Витька особенно помнил один. Он слышал его, когда был еще совсем маленьким, даже в школу не ходил.

Рассказывала мать так:

«Было это в сорок первом году, осенью, фронт аж под самую Москву подошел. Работали мы в подвале, окна накрест заклеены, чтобы стекла от бомбежек не вылетели. Девчонки мы были, из восьмого класса пришли, ростом маленькие — рукой до середины пялец дотянуться не могли — так и работали вдвоем — одна сверху шьет, а другая под пальцами сидит — иголку ловит, нитку тянет, вверх протыкает.

Однажды в ворота фабрики влетел газик — грязный весь, забрызганный, пулями пробитый: фронт-то рядом. Вышел из газика боец и вынес в чехле знамя. Осторожно вынул его, развернул — все так и ахнули. Знамя-то истерзанное, звезда пробита — это, говорит, осколком, а дыр пулевых круглых — не счесть. Все полотнище в потеках, в пятнах — это, говорит, кровь запеклась. Кровь она только когда льется красная, а потом даже и на красном знамени темная, почти черная. Дырки уж и зашиты кое-где, только нитки зеленые, защитные, да и неумело, мужской рукой.

Развернул боец знамя и спрашивает:

— У вас вышивали?

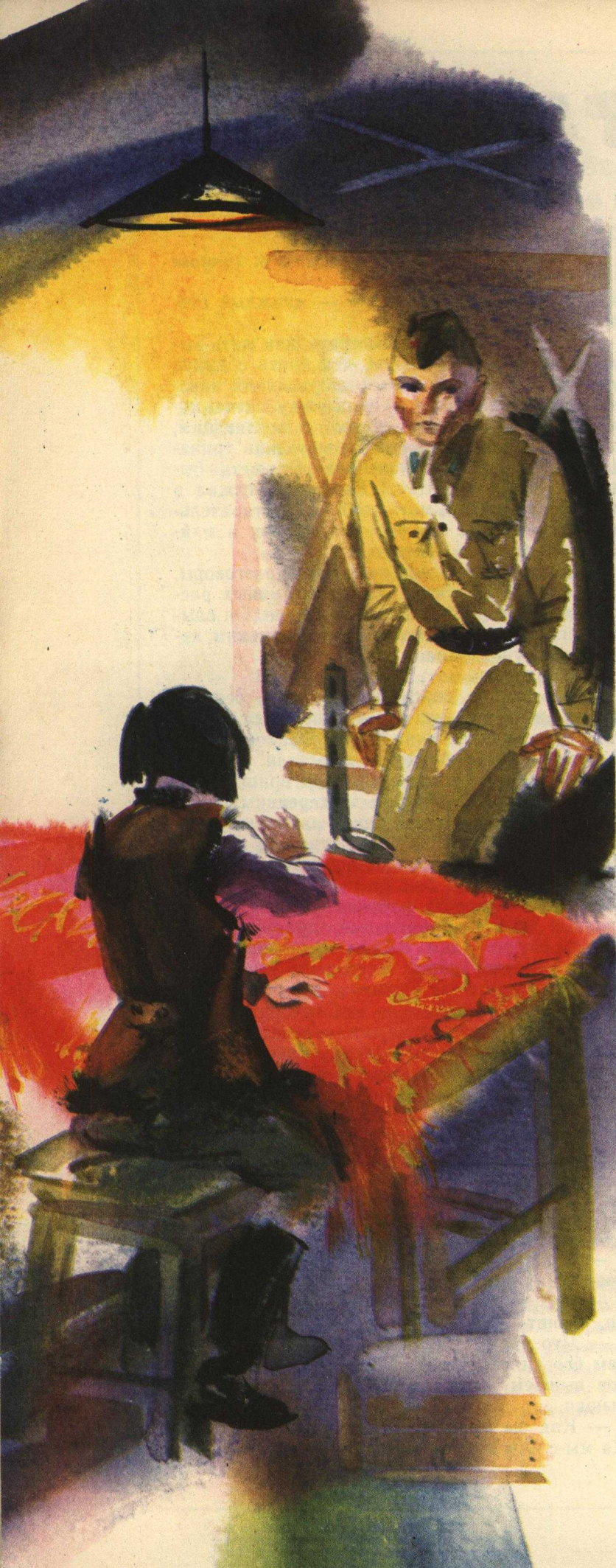
Отогнули девчонки уголок у древка и метку прочитали.

— У нас, — говорят. — Нюра, иди сюда, твое знамя привезли.

— Ну, — говорит боец, — раз вы вышивали, значит, вы и починить сможете.

— Что вы, — отвечают девчонки, — да зачем его чинить такое порванное, мы вам новое вышьем, целое, чистое, без единого пятнышка.

— Как вы можете так говорить: «Новое!» Да мы с ним в бой шли, из окружения вышли,

на груди спасали, такие люди погибли! Это, это знамя нам надо! И к утру надо. Я обещал, к утру вернусь!

Осторожно натянули раненое знамя на пальцы, и стала Нюра вышивать новую звезду вместо прежней, осколками порванной.

Час, два работает, головы не поднимает. А боец сидит рядом, автомат на коленях держит.

— Да ты иди пока, — говорит ему девушка, — отдохни, все будет в порядке.

А он отвечает:

— Не могу. Я знаменосец и буду при знамени безотлучно.

Все девчонки давно домой ушли, а она все шьет и шьет, только иголки меняет — то потолще — для шва, то потоньше — для вышивки.

А боец сидит и смотрит на ее руки — внимательно так смотрит.

— Ишь, — говорит, — и не представлял, что такой сложности это дело. — Дай хоть нитки в иголку тебе вдевать буду — и то помошь.

Взял он иголку, а она у него в пальцах гнется, взял нитку и так чудно держит, как проволоку.

— Ладно уж, — говорит, — помочь я тебе не могу, хочешь, почитаю?

— А что считаешь? У тебя и книжки никакой нет.

— А на память, стихи.

Ночь стоит у взорванного моста.

Конница запуталась во мгле...

Парень, презирающий удобства,

Умирает на сырой земле...

Так и читал он — до самого утра — ни в какую книжку не заглядывая, и все стихи, и все про войну, про революцию, про любовь. Удивительно ей было, что человек может столько стихов в памяти держать. Раньше, в школе-то, она стихов не любила, учительница уж больно скучно их объясняла. А тут хоть и не все понятно ей было, зато так бы и слушала все время без конца, словно музыку.

Так всю ночь они и сидели — она шила, а он читал. А утром кончила девушка чинить знамя, сняла его с палец, метку проверила и подала солдату.

Сложил боец знамя и спрятал его в чехле на груди.

— Жив буду — сюда вернусь!

Сел в забрызганный газик и повез на фронт починенное знамя.

А когда отогнали немцев от Москвы, пришло на фабрику письмо, и на конверте было написано: «Девушке, починившей наше знамя». Потом были еще и еще письма — много писем за четыре года войны — и с фронта, и из госпиталя, и опять с фронта.

— Мама, — спрашивал Витька, — а больше он никогда не приезжал, этот знаменосец?

— Приезжал, один раз, — тихо говорила мать. — Всего один раз, на один день. Проездом из госпиталя, сразу после войны, в Германию, службу кончать.

— А он жив остался? — спрашивал Витька. — Или нет?

— Не знаю. И никто не знает — похоронную только женам и матерям приносят, а у него мать умерла, а жены еще не было...

На всю жизнь запомнил Витька и этот рассказ, и то, какое у матери тогда было озабоченное лицо. У нее и потом, правда, бывало это особое выражение. Его сохраняли глаза. Удивительные у матери глаза! Ни у кого из женщин их двора нет таких. У тети Глаши со второго этажа, когда она вешает во дворе белье и простыни тяжело, мокро вздыхают под ветром, в глазах — густая усталость. У Любки из соседней квартиры, когда она идет в институт с портфелем, в новых сапогах, в глазах одно и то же «туфельное», как определил Витька, выражение: «Ах, на мне новые сапоги!»

А вот у матери никогда не было такого! Бежала ли она с сеткой, полной картошки, развешивала ли во дворе Витькины майки или ступала новыми нехоженными подметками по весеннему асфальту, глаза ее все равно сохраняли какое-то свое, нездешнее выражение. Слово думала она в эту минуту о чем-то совсем другом, не о том, что делали руки, куда бежали ноги, словно прислушивалась к чему-то, словно ждала чего-то.

Но чем старше становился Витька, тем больше отдалялся он от матери, словно они ехали в двух поездах, расстояние между которыми все увеличивалось. Витька перестал после уроков прибегать на фабрику, а шел прямо домой, забрасывал портфель, грел засунутые между рамами щипы и убегал во двор к ребятам.

Неожиданно Витька стал замечать то, чего не замечал раньше. Почему это мать, которой уже сорок шесть лет, никто во дворе не зовет по имени и отчеству, как других, а все просто Нюра да Нюрка, словно она девчонка какая. Может, и его поэтому никто во дворе не звал Кузнецов или Виктор, а просто Нюркин сын.

Однажды услышал, как шепелявая Кутузиha, которую он не любил, говорила соседке:

— Ты на Нюрку погляди. До чего непрактичная! Какие парни ходили — не надо ей! Все этого ждала, военного. Мальца завела — так уж тут тянись! Нет, не хочет. Дома койки путевой нет. А могла бы заработать — ремесло в руках, портниха, а придешь, попросишь: «Скрой, Нюра!» — «Занята я!» А чем занята? Книжку читает. Занятие какое!

В тот вечер, ложась спать, Витька долго ворочался на скрипучей койке. Но когда мать, глянув на него от раскрытой книжки своими распахнутыми глазами, спросила: «Ты что, Вить, не заболел?», он буркнул: «Нет! Читай себе!» Утром он посмотрел на заглавие книги — «История московских улиц». Ну, действительно, зачем ей это? Выищет же что-нибудь такое, что люди не читают... А то вдруг письма старые усядется перечитывать.

Однажды Витька тоже проявил интерес к этим письмам. Было это давно, классе в пятом, когда все мальчишки у них увлеклись марка-

ми. У всех уже были дорогие альбомы, редкие марки. И Витьке тоже захотелось козырнуть чем-то необыкновенным. Он похвастал, что принесет завтра марку Отечественной войны, самую настоящую, с военным штемпелем. Дожидаться, когда мать придет с фабрики и спросить у нее, не хватило терпения.

Витька знал: письма лежат в синем материнском портфельчике, наверное, она еще в школу с ним ходила, теперь таких не делают. В этом портфельчике хранились у матери все документы — паспорт, Витькина метрика, деньги. Портфельчик запирался маленьким ключом, но ключ этот висел тут же, на белой нитке, и Витька отпер его без труда. Но когда развернул бумагу, в которой лежали письма, он увидел: не было ни марок, ни конвертов. Просто листки бумаги, сложенные треугольниками. И множество печатей и штампов: «Полевая почта № ...». И всюду крупно выведен адрес: «Третья швейная фабрика. А. Кузнецовой». Витька рассеянно раскрыл один треугольник. Там было совсем не письмо, а какие-то, как в хрестоматии, стихи:

*Ты вышивала наше знамя.
Пусть сталь иглы — не сталь штыка,
Ты в бой уходишь вместе с нами
Незримой меткой у древка.*

*Как помню я ту ночь над пальцами —
Переплетенье швов и слов,
Твои исколотые пальцы —
И как светло звучал Светлов.*

*И, может быть, кому-то странно,
Но для меня тут, под огнем,
Твое простое имя «Анна» —
Как имя Родины на нем...*

Надо же, — удивился Витька, — ни тебе «здравствуй», ни «прощай», просто стихи и подпись «Виктор». Надо же!

Он аккуратно сложил все письма обратно в бумагу и запер портфельчик на ключ. Матери он ничего не сказал. А чего, собственно, говорить: марки не оказалось, и он ничего и не взял. Все осталось как было.

В последнее время они вообще не разговаривали, словно порвалось, растворилось что-то между ними. Когда после очередной тройки или разбитой соседской форточки мать принималась стыдить Витьку, ее слова проходили мимо его сознания, как нитка, на которой забыли завязать узелок. Они жили с матерью вместе, связанные общим бытом, а слова были только такие: «Купи хлеба», «Почини ботинки», «Вставай, опоздаешь». И на каждое Витька огрызался. Вот и сегодня — ну, зачем, зачем он сказал, что ему некогда идти за картошкой, что у него экскурсия в музей!

— Витька! Кузнецов! Алло! — это кричал со двора приятель Генка Рябинкин. — В музей идешь? Тогда выходи! А то опоздаем!

И вправду — они с Генкой догнали ребят уже у музея.

Вообще экскурсоводов Витька не любил — ему казалось, что все они говорят заученно, и было такое чувство, словно им самим уже надоело повторять одно и то же. Но на этот раз в военном музее им, кажется, повезло. Отставной капитан, который вел их по залам, нравился Витьке.

С особенным, торжественным молчанием ввел он ребят в Знаменный зал. Зал этот и вправду был весь в знаменах снизу доверху. На полу лежали поверженные фашистские стяги со свастикой, а над ними — древко к древку — стояли красные знамена гвардейских полков. Их было больше тысячи, и от этого зал словно пылал. Витька сразу вспомнил, где впервые видел такое красное шелковое знаменное пламя — в детстве, у мамы в цехе. Только там знамена лежали, а здесь — стояли как в строю, и лишь одно висело на стене.

Это было особенное, раненое знамя. Все в осколочных ранах, пробоинах, в темных оспинах пороховых ожогов, как лицо сапера, в коричневых, обугленных по краям дырочках от пуль. На табличке, которая висела под ним, было написано: «Боевое знамя Н-ской стрелковой ордена Суворова части. С этим знаменем часть прошла славный боевой путь от города Белый Смоленской области до города Магдебург на реке Эльбе в Германии. На боевом посту погибли знаменосцы — солдаты Морозов и Берестов. В боях против немецко-фашистских захватчиков знамя получило 129 осколочных и пулевых пробоин».

Экскурсовод подошел к пробитому знамени и сказал негромко:

— Это знамя, можно сказать, в знаменном госпитале было. Честное слово. Звезду у него пробил, вырвало осколком совсем, так его на фабрику знамен возили — чинить. Вот видите, — и он осторожно отогнул продержку у самого древка. На изнанке стали ясно видны две метки, вышитые выцветшим от времени желтым шелком. Длинная — «Анна Кузнецова» и вторая, короткая, в две буквы — «А. К.»

Едва Витька увидел эту метку, он узнал золотистые, знакомые буквы. Мамино знамя! Он чуть не сказал этого вслух. Что-то внутри него сдвинулось, перевернулось в эту минуту. Словно капитан не продержку от знамени, а его, Витьку Кузнецова, вывернул наизнанку.

...Домой Витька шел один. Задумался и отстал от ребят. Они отправились смотреть новый фильм, а он не захотел. Он шел полный каких-то новых, непривычных мыслей обо всем — о себе, о жизни, о матери.

Витька подошел к дому и еще издали увидел — окно открыто. Сквозь тюлевые занавески на первом этаже было все отчетливо видно. Мать сидела у стола и читала. И лицо у нее было то особенное, словно она узнавала величайшую тайну. И в первый раз Витька ощутил не раздражение, а удивившую его самого гордость оттого, что у него такая мать.

— Мама! — крикнул он в окно. — Открой! Это я.

Дмитрий Кикин

Сказка о хохломском мастере

Жил-был дед
И много лет
Делал то, что деда дед,
Да и деда деда дед
В жизни много долгих лет:
Резал плошки,
Резал ложки,
Резал чашки и баклажки,
Липу резал, как умел,
Резал белую посуду,
Продавал ее повсюду,
Кроме плошек,
Кроме ложек,
Кроме чашек и баклажек,
Ничего он не имел.
И решила как-то ночь
Деду бедному помочь —
Дверь без стука отворила
И посуду почернила,

И вошли из темноты
Птицы, травы и цветы:
Оставили по перышку,
по зернышку,
по венчику,
По листику,
по маковке,
по ягодке-бубенчику.

Приоткрыло утро глаз,
Дед проснулся:
— Вот те раз! —
И зажмурился от света:
С лавки ярче самоцветов
Блещут плошки,
Блещут ложки,
Блещут чашки и баклажки...
Говорят, что правда это.
Дед-то был нешуточный,
Хохломской был — тутошний.

Петька

Петька был большой чудацк,
Петька делал все не так:
По жаре ходил в овчине,
Босиком — по холодку,
Спать любил не на перине,
А на собственном боку.

Доставал луну из речки,
Открывал ворота лбом,
Вместо мыла у крылечка
Шею тер половиком...

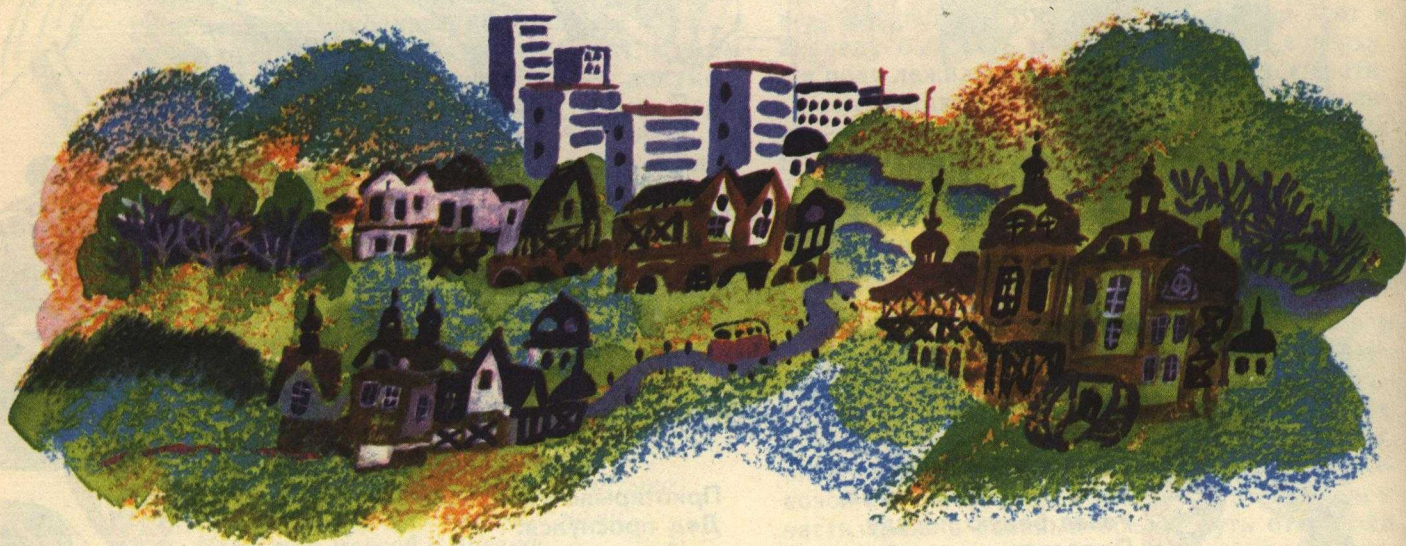
Может, он с ума сошел?
Нет!
Наш Петька был козел.

Рисунки Б. Семенова

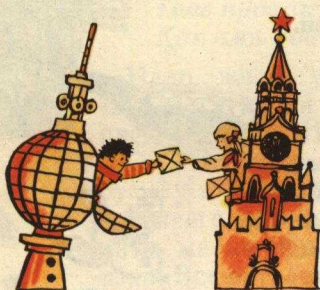

ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ — 25 ЛЕТ

Сегодня ГДР — одна из наиболее высоко-развитых стран мира. Но самым главным своим достижением наши немецкие друзья считают крепнущую год от года дружбу с Советским Союзом.

Все знают о братских связях, которые установились между городами-побратимами: Карл-Маркс-Штадтом и Иркутском, Магдебургом и Донецком, Лейпцигом и Киевом, Ленинградом и Дрезденом.

Дружат не только города.
«Здравствуй, дорогой совет-ский друг!

Я живу в городе Герлице, в ГДР. Мне двенадцать лет. Я учусь в шестом классе. Очень хочу узнать о твоей жизни. Пожа-луйста, напиши мне о Ле-нинграде. Жду ответ и желаю тебе всего хорошего.

С пионерским приветом Хель-га Меерхайм».

Дружат школы со школами.

В школу № 31 Лейпцига каждый месяц приходит почта из СССР.

Дружат заводы с заводами. Как, например, Киевский завод «Крас-ный экскаватор» и Лейпцигский за-вод имени С. М. Кирова. Продукцию завода имени С. М. Кирова хорошо знают не только в Советском Союзе, но и во многих странах.

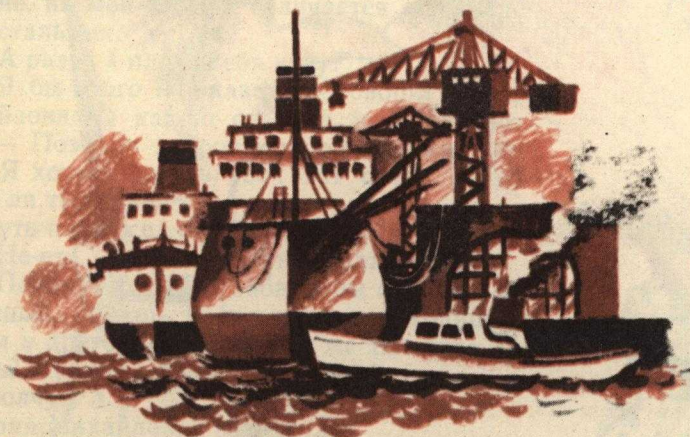
Дружат бригады с бригадами. И не только дружат, но и вместе работают. Уже несколько лет Ленинградское объединение «Электросила» и Дрезденское предприятие «Заксенверк» обмениваются производственными бригадами.

Новая тепловая электростанция в ГДР. Вместе с немецкими рабочими и инженерами ее сооружают и советские специалисты.

«Рекой дружбы» называют в Германской Демократической Республике нефтепровод из Советского Союза.

Росток — главные морские ворота и судостроительная верфь Республики. Многие корабли, спущенные со стапелей в этом городе, построены по заказу Советского Союза.

У памятника Советской армии в Дрездене. Рядом со своими старшими братьями в почетном карауле стоят советские и немецкие пионеры.

ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО

В марте Иван Сергеевич привел в класс новенького.

— Вот, — говорит, — вам пополнение. Думаю, что этого хлопца вы уже видели.

— Видели, — отвечают из класса. — Знаем.

— Ну, а кто не знает, сообщаю — зовут Илларионом, фамилия Жолудев.

Иллариона этого мы уже дня три в поселке видели и все удивлялись: почему он в школу не ходит. Знали, что он из города и что его отец приехал в совхоз главным инженером.

Пока новенький прошел от двери до своей парты, наследил, как лягушка. На ногах у него не сапоги, а ботиночки. У нас весной по улице в ботиночках не пройдешь, разве только рано утром, когда подморозит. А Илларион этот прямо по лужам, наверное, шлепал.

Посмотрел директор на эти следы, но ничего не сказал. Не дурак же новенький, сам понимает. Но Батон опять вылез.

— Что-то у нас в классе сегодня сыро...

Продолжение. Начало в «Костре» № 9, 1974 г.

— Мелков, — говорит директор. — Жолудев у нас новичок. А ты хозяин. Только плохой хозяин.

— Да я только хотел... — говорит Батон.

— Знаю, что ты хотел, — перебил его директор. — Опять ты к доске хотел.

— Нет, я не то хотел.

— Хорошо. Тогда иди сюда и расскажи нам, что ты хотел. Разумеется, по-немецки.

Выполз Батон к доске, стоит, хлопает ушами.

— Вы этого не задавали!

— А теперь задаю. Словарный запас у тебя достаточный. Ну, и так: «Я хочу рассказать...»

Мы сидим тихо. Интересно, как Батончик будет выкручиваться.

— Их... — быстро начал Батон и умолк.

— Ну?..

— Их виль? — спросил Батон. — Так, Иван Сергеевич?

— Так. «Я хочу...» Дальше.

Батон задумался и стал потихоньку чесаться спиной о доску.

— Эрцелен, — подсказал директор.

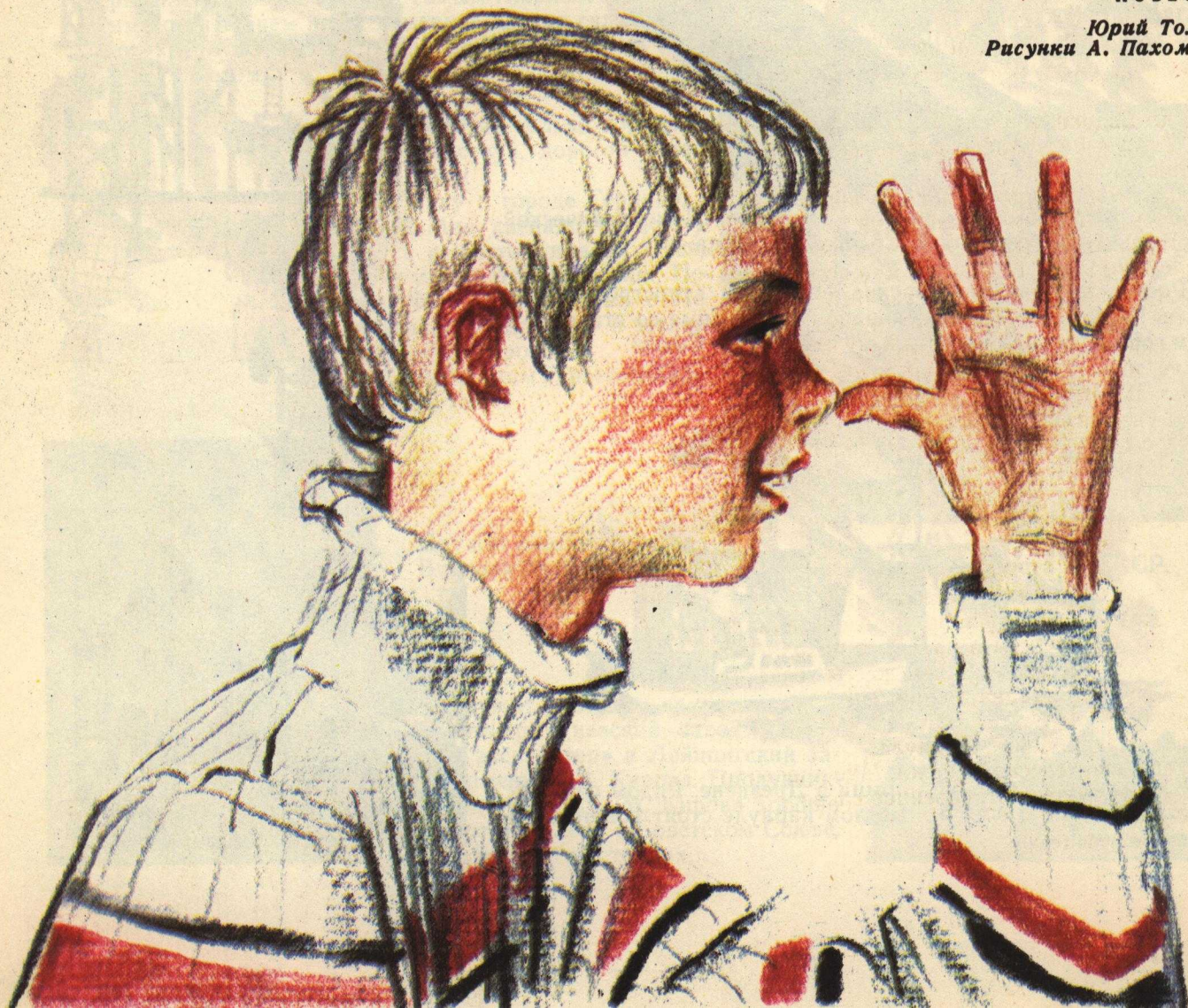
— Эрцелен, — согласился Батон и снова затих.

ВИТЬКА МУРАШ—

ПОВЕСТЬ

Юрий Томир

Рисунки А. Пахомова

— О чем же? — спросил директор.
Батон молчал. Глаза у Батона были грустные, как у телки. И вдруг я увидел, что он что-то надумал.

— Вспомнил, Иван Сергеевич, — обрадовался Батон.

— Давай! Скажи нам хоть что-нибудь.

— Их либе дих!* — выпалил Батон, глядя прямо на директора.

Мы прямо под парты полезли от смеха. Директор тоже захохотал. Он навалился на стол грудью и трясся от смеха. Батон стоит у доски с таким видом, будто ничего не сказал. Батончик он хитрый. Он все соображает...

— Это ты и хотел мне сообщить? — спрашивает директор и вытирает глаза платком. — Ладно, иди садись.

Директор начал спрашивать домашнее задание, а мы с Колькой принялись соображать, где и как нам достать вару. Нужно не меньше ведра. В магазине вар не продавали. Получалось, что достать — это значит украсть. Например, на стройке коровника. Воровать мы не хотели.

— Пойдем к Евдокимычу, — предложил Колька.

И я решил сказать Марии Михайловне откровенное слово.

— Мы со Стукаловым будем чинить лодку. И нам сейчас нужно идти за варом. Вот о чем я думаю, Мария Михайловна.

Мария стала сразу грустная, и я понял, что сейчас она меня отпустит.

— А я тебе мешаю, — сказала она. — Что ж, это можно понять. Ты даже по-своему прав. Беда только в том, что и я тоже права. Разумеется, моя беда. Иди, Мурашов.

Я выскочил во двор.

— Чего она тебя? — спросил Колька.

— Про стихи спрашивала и про что думаю.

— А меня, — говорит Колька, — она тоже недавно спрашивала. Про то, кем я буду, когда вырасту.

— А ты сам знаешь?

— Нет, — говорит Колька. — Но ей я сказал, что летчиком. Здорово она тогда обрадовалась. У нее муж был летчик. Погиб в войну.

— У нее — летчик?! У такой старой?

— Тогда-то она не старая была.

— А ты в самом деле хочешь на летчика учиться?

ПОБЕДИТЕЛЬ ВСЕХ

Евдокимыч — наш бывший школьный завхоз. Сейчас он на пенсии и столярничает у себя дома.

Но до Евдокимыча мы в тот день не добрались. Так уж получилось, будто все нам нарочно мешали.

Только мы вышли из класса после уроков, навстречу — Мария Михайловна.

— Мурашов, можно с тобой поговорить одну минуту? Может быть, тебе мой вопрос покажется странным, но ты постарайся ответить. Ученики в вашем классе, разумеется, разные. Ведут они себя тоже по-разному. Но твое поведение, на мой взгляд, отличается от поведения остальных.

— А разве я плохо себя веду?

— Я бы этого не сказала, — говорит Мария Михайловна и как-то странно на меня смотрит. — Поэтому вопрос мой тебя может удивить. Я хочу спросить тебя вот о чем: не пишешь ли ты стихи?

Я чуть не присел от удивления.

— Не-ет... А почему вы подумали?

— Потому что вид у тебя, я бы сказала, отрешенный. Сидишь ты в классе, а находишься совсем в другом месте. О чем же ты тогда думаешь? Ну, вот сегодня, например?

Я молчу.

Мария Михайловна вздохнула.

— Тебе неинтересно? Скажи. Мне просто хотелось бы услышать откровенное слово.

* Я люблю тебя (нем.)

— Я же тебе говорил — не знаю, — и опять Колька смотрит на меня задумчиво.

До водокачки, где живет Евдокимыч, нам осталось уже немного, когда из проулочка выполз к нам навстречу Женька Спиридонов.

— Стой, Мураш, есть один разговор.

Женька стоял перед нами такой, как есть — главный в поселке красавец. Брюки у него снизу расклешены и хлюстают по ботинкам. На штанинах болтаются цепочки. Куртка нейлоновая. Но главная Женькина красота — причесочка. Волосы длинные, расплзлись по плечам и по спине. Если он головой мотнет, чтобы причесочку свою поправить, волосы его эти по спине — хлясь! Точь-в-точь как лошаадь хвостом машет, когда слепней отгоняет.

Женькины родители эту прическу жутко не любят.

Но Женька не поддается. Ему эти лохмы дороже, наверное, жизни.

Вот такой у нашей Людки жених. Хотя никакой он еще, конечно, не жених, потому что кончил нашу восьмилетку только в прошлом году. Учиться дальше нигде не стал и сейчас болтается около пилорамы. На работу его не оформляют по возрасту, но какие-то там папочки подносят разрешают.

А вечером Женька надевает нейлоновую курточку и со своими дружками ходит по улицам или толчется возле клуба. На веревочке через шею у него висит гитара с наклейкой. Женька лупит по струнам, и получается у него «чух-чух», вроде как насос на водокачке работает. А дружки его поют. Только слов не понять, получается какое-то «бала-бала».

Когда Женька меня остановил, я думал, что он про Людку будет спрашивать. А он говорит:

— Мураш, будь другом, купи сигарет.

— Нам некогда, — говорю я. — Сам, что ли, не можешь?

— Не могу. Мать в магазине сказала, чтобы мне не продавали.

— Мне-то и подавно не продадут.

— А ты скажи, что для отца.

Посмотрел я на Кольку, тот ничего не говорит. Посмотрел на Женьку.

— Ладно, — говорю, — давай деньги.

Женька заулыбался и положил мне руку на плечо, как будто я Людка.

— Весь смысл, Мураш, в том, что у меня и денег нет. Но я же отдам — зуб даю. Купи «Памир», он всего десять копеек стоит.

Зашел я в магазин.

— Тебе что? — спрашивает тетя Клава.

— Сигарет пачку, «Памир».

Тетя Клава положила на прилавок пачку «Памира» и вдруг — цап ее обратно.

— Курить уже начал?

— Да я отцу.

— Он «Беломор» курит, — говорит тетя Клава. — В жизни «Памира» у меня не брал. А тебе совестно курить с таких лет.

— Тетя Клава, я не курю. Честно.

— Кому же берешь тогда?

— Отцу.

— Опять врешь.

— Вам жалко, что ли?

— Жалко, — говорит тетя Клава. — И не тани из меня душу. Иди гуляй. А то еще матери скажу. Она тебе устроит «Памир». И что за молодежь такая растет! Это ж только удивляться надо.

Вышли мы с Колькой из магазина. За углом Женька стоит.

— Что так долго?

— Если долго, иди сам покупай, — отвечаю.

— Ладно, давай «Памир».

— Не дали мне никакого «Памира». Возьми свои деньги.

Сунул я Женьке в руку десять копеек и пошли мы с Колькой к Евдокимычу. Идем, а Колька вдруг как захохочет.

— Мураш, а ты зачем ему десять копеек отдал?

— Не нужны мне его десять копеек.

Колька еще сильнее хохочет.

— Они же твои, десять копеек. У него ведь денег не было.

Тут только я сообразил, что от злости отдал Женьке свой гривенник.

— А ты-то что радуешься? — спрашиваю я Кольку.

— Я не радуюсь. Смешно просто.

— Умный ты очень.

— Не заводись, Мураш, — говорит Колька. — Если тебе обидно, я тут ни при чем.

— А ты не воображай, что если лодка твоя, то я буду перед тобой на коленках ползать!

— При чем тут лодка? Я тебе говорил про лодку?

Колька спросил очень спокойно. Из-за этого-то я часто и злюсь, что он такой спокойный. Получается, что я всегда неправ, а он прав. Пускай бы мы поровну ошибались, а то получается, что только я один. Но у Кольки мозги как-то совсем иначе работают, чем у меня.

— Мы будем лодку чинить? — спрашивает Колька.

— Не знаю.

— Но мы договаривались?

— Ну, договаривались.

— Тогда идем к Евдокимычу. И кончай психовать.

— Дурак! — сказал я.

Колька засмеялся. И было понятно, что дурак-то как раз я сам.

Больше я ничего не сказал Кольке. Просто я подошел к берегу бухты и вышел на лед. Провалиться на нем — раз плюнуть. Сам не знаю, зачем мне это нужно было, только я протопал почти до самой промоины. Когда я повернул обратно, то увидел, что Колька стоит на берегу. В руках у него была жердина. Испугался, значит, собрался спасать.

Но я не провалился и вышел обратно.

— Дурак! — сказал Колька.

Теперь засмеялся я. Мне было совсем не обидно.

А когда мы пришли к Евдокимычу, то дома его не застали.

ТЯЖЕЛЫЙ ПУНКТ

Пионервожатый у нас на все старшие классы один — Леха Сысоев. Работает он на спасательной станции. Зимой там особенно делать нечего, вот ему и дали такое общественное поручение.

Вообще-то Леха парень не вредный. Если кто из наших зайдет летом на спасательную, то он обязательно прокатит на полуглиссере, даже за штурвал даст поддержаться. Но спасательная — в Приморске, и поэтому Леху мы видим редко. Вообще-то он должен приезжать каждую субботу. Но вся беда в том, что Леха — охотник. Только у нас начинается учебный год, объявляют охоту на уток. Тут уж ни в субботу, ни в воскресенье Леху не увидишь. Потом — охота на тетерева. Вот уже первая четверть кончается, первый снег выпал — самая охота на зайца...

Главная беда в том, что Леха еще и рыбак. В декабре — январе он ловит плотву и окуня, в феврале — налима, в марте и апреле начинает брать корюшка...

Зато в мае, когда лед подтает, Леха приезжает к нам каждую субботу.

Сегодня мы с Колькой подошли к школе, а Леха уже стоит возле крыльца.

— Как рыбка? — спросил я.

Леха махнул рукой.

— Какая тебе рыбка! Не видал, что ли: ледокол прошел, лед поломал! Ты вот что, Мурашов... Или нет, лучше — Стукалов... На, возьми, спиши на доску, — и Леха протянул Кольке какую-то бумажку.

Через плечо Кольки я прочитал:

«Сегодня после уроков состоится собрание класса на тему: «Чем я могу помочь своему совхозу?»

После уроков Леха пришел в класс, сел за учительский стол и показал на доску, где было написано объявление.

— Ну, придумали что-нибудь?

Все молчали.

— Давайте, давайте, — сказал Леха. — А то мы с вами здорово все подзапустили.

— А ты почему всю зиму не приходил? — спросил Батон.

— Почему, почему... Дела были.

— Охотился?

— Было дело.

— А зайцев много убил? — поинтересовался Батон.

Леха заулыбался.

— Пять штук, — сказал он. — Один до того здоровый — загонял меня совсем. Я его в первый день не взял, пришлось в лесу ночевать.

— Зажарили? — спросил Батон.

— Да уж не выбросили.

— А мама в духовке тушит. Тушеный вкуснее, — сообщила Наташка.

В дверь заглянул Иван Сергеевич.

— Очень интересно, — сказал он, поглядев на доску. — А можно мне с вами посидеть?

Леха вскочил.

— Садитесь сюда.

— Спасибо, — сказал директор, но сел на заднюю парту.

Глядя через наши головы на директора, Леха сказал:

— Вот такая у нас тема...

— Считайте, что меня здесь нет, — ответил Иван Сергеевич.

— Как же нет, когда вы здесь, — выскочил Батон.

— Это только кажется, Мелков. А чтобы ты поверил, я больше не произнесу ни слова.

— А если произнесете?

Директор промолчал. Все рассмеялись. Леха фыркнул было, но тут же сделал серьезное лицо.

— Я, конечно, понимаю, что у вас конец года и всякое такое, — сказал он. — Но если мы этот пункт не выполним, то он над нами повиснет. А он и так уже висит с прошлого года.

— Было бы лето, — сказал Умник, — можно бы прополоть чего-нибудь.

— Псымаешь вас летом, — вздохнул Леха. — Надо сейчас выполнять.

— А может, не надо? — спросил я. — Ты зачеркни этот пункт, запиши что-нибудь другое.

— Вы сами принимали. О чем же вы тогда думали?

— Да мы и не думали, — сказал я.

— Ты, Мурашов, за себя говори, — вылезла Наташка.

— Давай выскажись, — ответил я. — Все ждут не дождутся твоего умного слова.

— И скажу! У нас все как-то сами по себе. Мальчишки только и знают что свой хоккей! А девочки... — Наташка умолкла.

— Ну, что девочки?

— Ничего.

— Давай наоборот, — предложил я. — Вы будете в шайбу играть, а мы в куклы.

Батон повернулся и посмотрел на директора, остальные тоже завертели головами. А директор сидел спокойненько. Вид у него был такой серьезный, будто мы говорили жутко умные вещи.

— Ладно, — сказал Леха, — видно, что к собранию вы не подготовились. Я, конечно, тоже виноват, но ведь и вы не маленькие. Давайте на сегодня закончим, а к следующей субботе вы подготовьте предложения.

Леха встал, посмотрел на доску, на директора, вздохнул и тихо, чуть не на цыпочках, вышел из класса.

Все молчали. Целых двести лет, наверное, молчали. А потом стали орать. И все про Леху. Что вожатый он плохой. Что редко бывает. Что из-за него работа не ведется. Я слушал-слушал и тоже заорал.

— Работать вам захотелось?! А кто мешает? Руки у всех есть, валяйте работайте. А если человек ушел, то орать про него — совесть надо иметь.

— Значит, у тебя одного совесть есть? — спросила Наташка.

— Значит, так. Да вот у Кольки еще. Он тоже молчит.

Тут, конечно, все набросились на меня. Но мне на это чихать, я привык.

— Иван Сергеевич, давайте нам другого вожатого! — заорал Батон.

— Он ведь спасателем работает? — спросил Иван Сергеевич.

— Ага.

— Значит, моторы знает — и подвесные и стационарные. Это раз. Имеет права судоводителя. Это два. Умеет обращаться с аквалангом. Это три. Да разве можно такого вожатого отпускать?

МЫ — ЛЮДИ НИЗКОЙ КУЛЬТУРЫ

В понедельник у нас был очень интересный урок литературы. Не целый урок, а только половина: вторую половину мы нормально занимались. Зато в первую половину мы чуть со смеха не лопнули. А получилось все, конечно, из-за меня. Из-за того, что я Наташку Кудрову по макушке стукнул.

У нее с парты карандаш упал. Не знаю, нарочно она его свалила или просто так получилось. Но поднимать она карандаш не стала, наоборот, закатила ногой под парту и начинает его там подошвой катать. Карандаш граненый. И я слышу: ррык-ррык, ррык-ррык.

Я говорю:

— Перестань.

Она перестала.

А через минуту опять: ррык-ррык, ррык-ррык.

Но тут уж я обернулся и ляпнул ей по макушке.

Мария Михайловна замолчала и посмотрела на меня с удивлением.

— Чем тебе помешала Кудрова?

— Ничем.

— Тогда за что ты ее ударил?

— Просто так.

Мария Михайловна сняла очки и положила их на стол. Потом вздохнула. Потом говорит:

— Просто так... Мурашов... Да и не только Мурашов, я ко всем обращаюсь. Я вас всех спрашиваю: как можно просто так ударить девочку? Разве может мальчик ударить девочку? Вообще ударить, не говоря уж о том, что просто так.

Мы сидим, молчим. Почему же не может? Очень даже может. Особенно, если заслужила.

А Мария Михайловна покачала головой и говорит:

— Эх вы, молодые люди... Неужели вы не представляете, какую большую роль играют девочки в вашей жизни?

Мальчишки захихикали. Девчонки выпрямились за партами и на нас поглядывают так, будто мы полные идиоты.

Вовка Батон спрашивает подлым таким голосом:

— Мария Михайловна, расскажите, пожалуйста, какую?

Мальчишки опять хихикают.

— Хорошо, Мелков, расскажу. Ты замечал когда-нибудь, что тебе неудобно ходить при девочках в грязной одежде?

— Почему? — отвечает Батон. — Вон у меня штаны все в мелу испачканы. А я хожу.

— Ну, ты, Мелков, вообще человек особенный, — говорит Мария Михайловна. — С тобой мы вряд ли договоримся. А остальные ребята, если подумают, то, наверное, вспомнят, что при девочках их поведение меняется. Им хочется быть более подтянутыми, более опрятными, более сильными и смелыми.

— Что же получается, Мария Михайловна? — опять влезает Батон. — Значит, если девчонка рядом стоит, то у меня мускулов прибавляется?

— Я совсем не о том, — говорит Мария Михайловна. — Я о том, что вы и сами часто не замечаете, как девочки на вас влияют. Они и одежду свою держат в порядке, и ходят по-человечески, а не как вы — ногами по земле шаркаете. А вы, может быть, невольно им подражаете. И от этого становитесь лучше.

— Ха! — Батон больше ничего не мог сказать.

— Мелков, конечно, со мной не согласен, — говорит Мария Михайловна. — А остальные тоже не согласны?

И вдруг вылезает новенький.

— А я согласен.

Мария Михайловна жутко обрадовалась.

— Я так и знала: найдется хоть один ученик, который не постесняется признать правду. Ты откуда приехал?

— Из Ленинграда.

— Тогда понятно, — говорит Мария Михайловна. — Ленинград — это город высокой культуры.

— А наш поселок, значит, низкой культуры? — спрашивает Батон.

— Когда говорят о городе, — отвечает Мария Михайловна, — то прежде всего имеют в виду его жителей. Если вы позволяете себе бить девочек по голове, то, очевидно, вы люди низкой культуры.

Я сижу и вижу, что все смотрят на меня. Смотрят как на человека низкой культуры.

Я спросил Иллариона:

— А в твоём прекрасном Ленинграде девочек не трогают?

— Трогают, — отвечает Илларион. — Но я считаю, что это нечестно. Мы вообще к ним несправедливо относимся.

Тут девчонки загалдели все разом.

— Тихо, тихо, — говорит Мария Михайловна. — Не надо так кричать. Я надеюсь, что мальчики все-таки кое-что поняли.

Я говорю Кольке:

— Дадим Иллариону после уроков?

— Не стоит, — отвечает Колька.

А Илларион этот, хоть он и высокой культуры, как будто почувствовал: не успели мы после звонка портфели собрать, а его уже нет.

Вышли мы с Колькой на крыльцо, смотрим, куда он делся. За нами выходит Наташка. Остановилась возле нас и стоит, улыбается.

Я говорю:

— Знаешь что, Кудрова, хоть ты в моей жизни роли не играешь, но если ты еще будешь карандаши катать, то я уж тебя не пожалею.

Улыбаться Наташка перестала и смотрит на меня так, что прямо в глазах у нее написано, что я человек низкой культуры.

— Буду катать, — говорит Наташка.

— Получишь.

— Хоть убей, все равно буду, — говорит Наташка. Спрыгнула с крыльца и побежала по улице.

Я стою и не понимаю, что это ей вдруг так весело стало. Смотрю, как она бежит по улице, и вдруг увидел Иллариона. Он уже ушел далеко. А не заметили мы его сразу потому, что он шел вдоль забора, где не так грязно. Там он на свои ботинки не два пуда грязи наберет, а на полпуда меньше.

— Вон человек высокой культуры, — показываю я Кольке.

Бежать мы за ним не стали. Просто пошли побыстрей.

Догнали мы его у самого пятиэтажного дома, как раз где Колька живет и Илларион тоже, потому что им там дали трехкомнатную квартиру.

— Стой, — говорю я, — дело есть.

Илларион остановился у самой парадной. Посмотрел на нас спокойно. Я даже подумал, что не удирал он от нас, а просто ушел пораньше, да и все.

— Какое дело?

— Насчет высокой культуры, — говорю я. — И насчет низкой тоже.

— А я тут при чем? — спрашивает Илларион. — Я про культуру ничего не говорил. А за свои слова про девчонок я отвечаю. Могу и сейчас повторить.

— Тут не в девчонках дело. Дело как раз в ребятах. Ты нашего класса не знаешь. Ты вообще еще никого не знаешь. Откуда ты взял, что мы несправедливые? У тебя есть право целый класс обвинять?

— Никого я не обвинял, — отвечает Илларион. — Сказал, что думаю.

— Сейчас я тебе тоже скажу, что думаю, — говорю я. — Давай только отойдем отсюда.

Илларион посмотрел на меня как-то очень спокойно.

— Драться я не буду.

— Да и мы драться не будем, — говорю я. — Дадим тебе по паре банок, и пойдешь домой к маме.

— Вы, может, и дадите, а я не могу. Мне запрещено драться.

— Мама запретила или папа?

— Я боксом занимался в Ленинграде. У меня разряд.

Колька засмеялся.

— Да ты нас не пугай.

— Я не пугаю. Просто боксерам запрещено драться. Вы меня можете бить, а я вас нет.

Для проверки я все-таки ткнул Иллариона кулаком в грудь. Вполсилы. Но попал я не в грудь, а в ладонь, которую Илларион успел подставить.

Я говорю:

— Колька, а он и вправду боксер.

Только я это сказал, из парадной выходит женщина. Смотрит на нас и улыбается, как будто мы ей самая родная родня.

Я сразу догадался, что это мать Иллариона.

Она говорит:

— Здравствуйте, мальчики. Ларик, я вижу, у тебя уже здесь друзья появились?

Я думаю: пожалуется или нет? Если пожалуется, то лучше ему было в наш поселок не приезжать.

— Это из нашего класса, — говорит Илларион.

— Вот и хорошо, — она как будто еще больше обрадовалась. — Идемте к нам все вместе обедать. Ларик, что же ты стоишь, приглашай своих друзей.

Илларион говорит тихонько, чтобы она не услышала:

— Идите, она вас все равно непустит.

И мы пошли, вот что удивительно!

В передней было так чисто, что я долго искал, куда бы поставить портфель, и засунул его за ящик под вешалкой.

Пока Илларион показывал нам свой разрядный значок и грамоты от спортшколы, пока мы примеряли его боксерские перчатки — все было ничего. Я даже подумал, что зря мы собирались надавать ему банок. Может быть, он не хуже нас, только у него мозги в другую сторону работают.

Но потом хозяйка Валентина Павловна позвала нас обедать.

На столе была белая скатерть. Это мне сразу не понравилось. У нас белую скатерть мать накрывает только когда гости.

Мы сели, и я вижу, что Колька потихоньку отодвигается вместе со стулом, чтобы скатерть коленками не запачкать.

Валентина Павловна начинает разливать суп, а я вижу, что на столе стоит лишняя тарелка. Ну, думаю, сейчас главный инженер придет, только этого еще не хватало.

Валентина Павловна кричит:

— Наташка!

Из той комнаты, в которой мы не были, выходит эта самая Наташка.

— Наташа, — говорит Валентина Павловна. — А это Витя и Коля — друзья Ларика.

Я вообще на девчонок внимания не обращаю. И на эту Наташ... То есть я хочу сказать, что до этой Наташи мне тоже дела никакого нет. Она стоит себе и меня разглядывает —

меня почему-то одного, а на Кольку не смотрит. А я на нее смотрю и чувствую, будто у меня внутри холодок какой-то.

Прическа у нее вроде как у Женьки Спиридонова, только у нее получаются не лохмы, а нормально. Прическа мне тоже до лампочки. Мне вообще все равно, кто как одевается. А устоялся я на нее потому, что на ней был пояс. Широкий кожаный пояс с двумя рядами дырочек и заклёпками. О таком поясе я мечтаю уже сто лет, еще с прошлого года. Мне этот пояс для ножа нужен — для рыбацкого ножа в ножнах, который я нашел около причала.

Наташа усмехнулась, дернула подбородком и спрашивает:

— Ты чего на меня так смотришь, Витя?

А я почему-то растерялся и говорю:

— Здравствуйте.

Все засмеялись. Наташа говорит:

— Привет, Витя.

И все опять засмеялись, и даже Колька.

Валентина Павловна говорит:

— Наташка, не дури.

Наташа пожала плечами и села за стол. Пояса мне уже не видно, и я перестал на нее смотреть.

После обеда мы с Колькой сразу заторопились.

Валентина Павловна проводила нас до двери, а Ларик спустился вниз.

— Твоя сестра будет в нашем классе учиться? — спросил я.

— Нет, она в девятый переходит.

— У нас же нет девятого.

— С осени здесь будет десятилетка.

— А твоя мама учительница?

— Русский язык и литература, — отвечает Ларик.

— А как же Мария Михайловна?

— Она на пенсию уходит. Разве вы про это не знали?

— Не знали, — говорю. — Это ведь ты все знаешь. А мы мало знаем.

Тут Колька говорит:

— А где твой портфель?

Смотрю — нет портфеля. Так я торопился уйти, что портфель у них дома забыл.

Побежал назад, позвонил. Дверь открыла Валентина Павловна. В руках у нее мой портфель.

— Спасибо, — говорю, — до свидания.

Я сбежал по лестнице. Внизу Колька разговаривал с Лариком. Когда я подошел, Колька говорил:

— Завтра после уроков приходи на берег. Там лодка смоленая. Найдешь.

— Приду, — сказал Ларик и протянул Кольке руку.

Потом он протянул руку мне. Я сунул ему ладонь, и он ушел.

— Ты еще, может, весь класс позовешь? — говорю я Кольке.

— Не нужно было тогда к ним заходить.

— Вот бы и не заходил.

— А ты зачем пошел?

— Сам не знаю, — говорю.

— Вот и я не знаю, — говорит Колька. — Я, пока за столом сидел, вспотел даже. Но Ларик ведь не виноват, он нас не звал.

— Какой еще Ларик? Илларион, что ли?

— Не строй из себя дурачка, — говорит Колька. — Обыкновенный Ларик.

ВСЕ НАДО И НАДО...

Один раз в конце урока Иван Сергеевич позвал всех к окну и показал на двор.

— Угадайте, что там лежит?

— А чего? — сказал Батон. — Ну, кирпич... Уже два дня валяется.

— В том-то и дело, что валяется. А валяется там, друзья, спортивный зал, четыре классных помещения и столовая.

— А им лишь бы сгрузить, — сказал Батон. — А что валяется — наплевать.

— Это верно, — согласился директор.

— Дождь пойдет — пропадет цемент.

— И это верно.

— В сарай бы сложить.

— Хорошо бы, — сказал директор. — Только как? Собрание, что ли, провести на тему: как доставить цемент в сарай?

— Это мы запросто, — сказал Батон.

— Собрание? — спросил директор.

— Да что вы все про собрание! Перенесем запросто.

— Об этом я не подумал, — сказал директор.

Вот так мы и поработали. А мешочки, между прочим, по пятьдесят килограммов. По одному их только директор и физрук носили, а мы по четверо, на носилках.

Дома вечно тоже дела хватает.

Отец затеял крышу перекрывать резиновым шифером. Мать ему говорит:

— Обдерешь ты сейчас крышу, а если дождь?

— Мы с Витьком за два вечера сделаем. Правда, Витек?

Это значит, что мне еще два дня на крыше сидеть.

У отца свое «надо», у матери свое.

— Вы бы лучше огород под картошку вскопали.

— Пора кончать с огородом, — говорит отец. — Нам картошки десять мешков — за глаза. По осени купим.

— А где их взять, деньги?

— Заработаем.

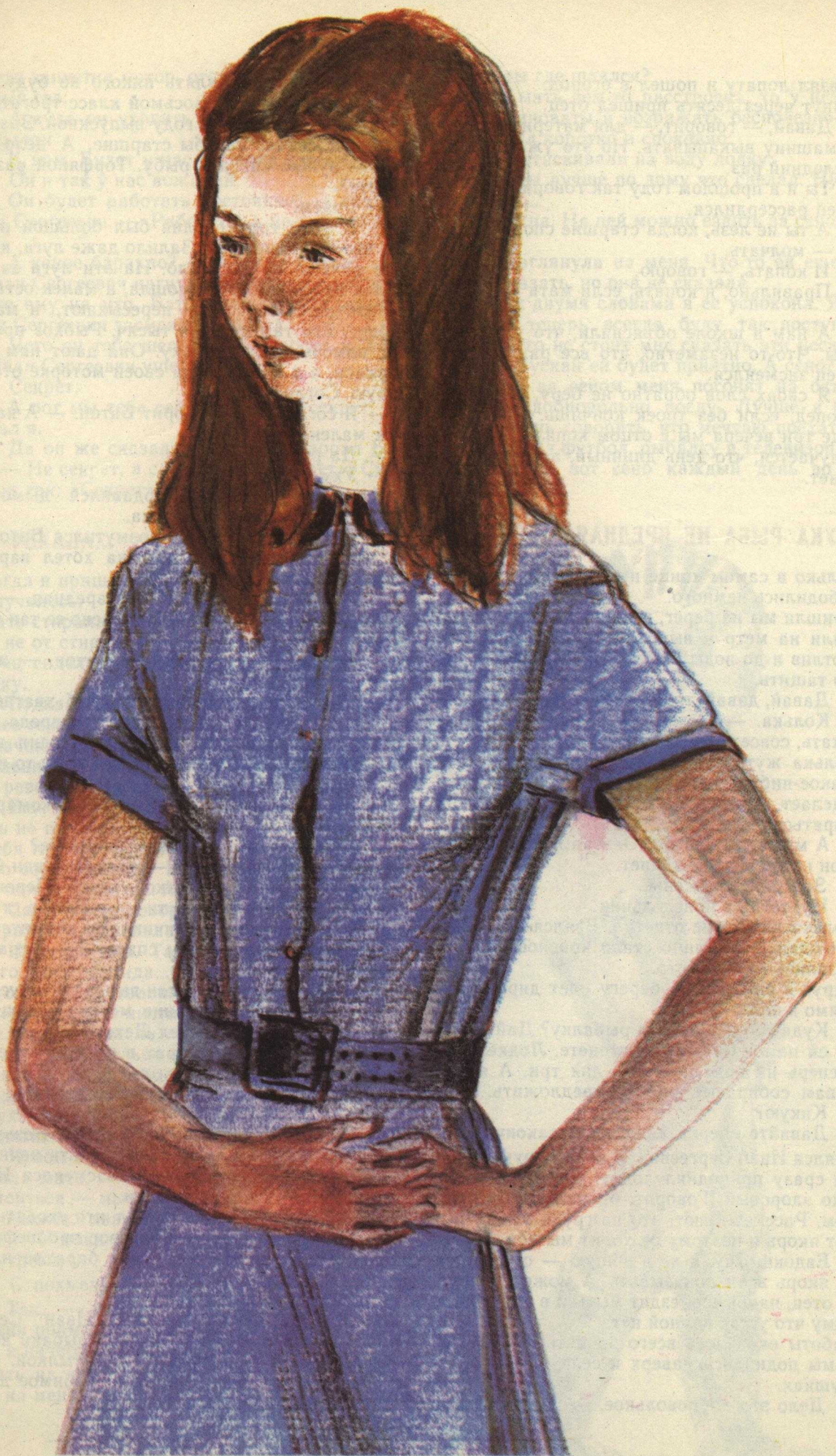
— Ты сначала заработай. А то только и слышишь: «Дай, дай!» Этой сапожки, тому мопед. А у меня тоже желания имеются. Сейчас стиральные машины привезли, в кредит продают.

— А мне-то что, — пожимает отец плечами. — Давай покупай.

— И куплю, — говорит мать.

Людка весь этот разговор слушала молча, а тут как вззоет.

— А сапожки?!

Я взял лопату и пошел в огород. Минут через десять пришел отец.

— Давай, — говорит, — для матери стиральную машину выкапывать. Но это уж точно — в последний раз.

— Ты и в прошлом году так говорил.

Отец рассердился.

— А ты не лезь, когда старшие спорят. Твое дело — молчать.

— И копать, — говорю.

— Правильно, и копать, если мать приказывает.

— А нам в школе объясняли, что у нас все равны. Что-то незаметно, что все равны.

Отец засмеялся.

— Я своих слов обратно не беру. Будет тебе мопед, если без троек кончишь.

Еще три вечера мы с отцом копали. Вот так и получается, что день длинный, а времени не хватает.

А ЩУКА РЫБА НЕ ВРЕДНАЯ

Только в самом конце недели мы с Колькой освободились немного.

Пришли мы на берег, взяли за лодку. Протащили на метр и выдохлись. А на море как раз отлив и до воды шагов сто. Так нам ее неделю тащить.

— Давай, давай, тащи, чего встал, — командует Колька. — Нельзя ее больше на берегу держать, совсем рассохнется.

Колька жутко упрямый. Если он возьмется за какое-нибудь дело, то не остановится, пока не сделает. А я чувствую, что нам тут до утра ковыряться.

— А может — завтра? Завтра я отца попрошу, он ее трактором дернет.

— Завтра воскресенье.

— Ну, тогда в понедельник.

Колька ничего не ответил. Взялся за лодку, тянет один, даже лицо стало красное. Мы тоже взяли — еще метр.

Вдруг я смотрю, по берегу идет директор — и прямо к нам.

— Куда собрались? На рыбалку? Дайте сначала ей намокнуть, а то потонете. Лодке нужно теперь на воде постоять дня три. А я как раз вам собираюсь работу предложить.

— Какую?

— Давайте сперва ваше дело закончим.

Взялся Иван Сергеевич за корму двумя руками и сразу приподнял лодку. Директор у нас жутко здоровый. Говорят, он раньше был моряком. Рассказывают, что на груди у него выколот якорь и поэтому он ходит мыться в баньку к Евдокимычу, а не в общую — стесняется свой якорь всем показывать. А может, и врут. Мой отец, например, ездит мыться в Приморск, потому что у нас парной нет.

Работы оказалось всего на пять минут. Потом мы поднялись наверх и сели отдыхать на камушках.

— Дело это добровольное, — говорит Иван

Сергеевич, — заставляя никого не буду. Но вся надежда на вас. Восьмой класс трогать не стоит, он у нас в этом году выпускной. Значит, вы у нас сейчас как бы старшие. А дело такое — нужно спасать рыбу. Торфяной разлив знаете?

— Знаем.

— В этом году разлив был большой потому, что зима снежная. Залило даже луга, которые раньше не заливало. На эти луга зашел малек из залива. Вода сошла, а малек остался в низинах. Сейчас они пересыхают, и малек гибнет. Его там десятки тысяч. Рыбхоз просит нас помочь этому мальку. Они дают нам два баркаса, а я вас туда на своей моторке отбуксирую. Согласны?

— Я согласен, — говорит Батон. — А какой там малек, крупный?

— Да разный.

— Уху можно варить?

Директор захохотал, подавился дымом и стал кашлять. Я пнул Батона.

— Чего пинаешься? — возмутился Батон. — Я, может, из вредного малька хотел варить, может, из щучьего!

— А щука как раз рыба не вредная, — говорит Иван Сергеевич. — Напрасно ее так обижают.

— Ну да, — не согласился Батон, — жрет всех подряд.

— Она в основном больных рыб хватает и слабых. От нее пользы больше, чем вреда. Вообще, в природе мало кто только один вред приносит. Все на своем месте, все кому-то нужны.

Батон шлепнул у себя на щеке комара и спрашивает:

— Комары тоже, скажете, полезные?

— Это как посмотреть, — отвечает Иван Сергеевич. — Прodelали такой опыт. Перевели комаров в одной местности — рыбы не стало. Малек-то комариными личинками кормится.

— Комара тоже будем спасать? — спрашивает Батон.

Но насчет комаров Батон выяснить не успел. С бухты донеслось гудение мотора. За штурвалом полуглиссера сидел Леха.

Леха остановился метрах в пяти от берега.

— Привет! — крикнул он.

— Привет! — сказал Иван Сергеевич. — Что нового?

— Начальник упирается, говорит: «Возьму я над ними шефство, они сразу грабить начнут».

— Правильно говорит, — засмеялся Иван Сергеевич. — Ты на него жми.

— Я и жму. Я ему не сказал, что уходить собираюсь. Пускай сначала договор про шефство подпишет, а уж там мы у них барахла наберем!

— Завтра-то пойдешь с нами?

— Завтра же воскресенье, Иван Сергеевич, — сказал Леха. — Завтра рыбаки косяком пойдут. А некоторые — с бутылкой. Они как выпьют, для них тонуть — любимое дело. Завтра я патрулирую.

Леха запустил мотор, отошел от берега и дал полный газ.

— А куда он уходит собирается? — спросил Батон.

— К нам. Будет у нас в школе вожатым.

— Он и так у нас вожатый.

— Он будет работать постоянно, — сказал Иван Сергеевич. — Работать, а не в гости ходить.

— А какое барахло? — спросил Батон.

Иван Сергеевич нагнулся к Батону и шепнул что-то ему на ухо. Батон захолопал глазами. Иван Сергеевич засмеялся и встал.

— Чего он тебе шептал? — спросил я, когда Иван Сергеевич ушел.

— Секрет.

— А вот мы тебе сейчас устроим секрет, — сказал я.

— Да он же сказал: «Секрет»! — заорал Батон. — Не секрет, а слово такое «секрет»! Сказал он так: «Секрет», понятно тебе?!

ОНА УЕХАЛА...

Когда я пришел домой, то сразу понял — что-то случилось.

Мать стирала белье, но лицо у нее было красное не от стирки, я уж ее знаю.

Отец сидел за столом, курил и смотрел на Людку.

А Людка ревела так, что у нее слезы даже по шее текли.

Сначала я подумал, что она получила направление на работу. Но все оказалось не так. Она ревела из-за своего лохматого жениха.

— Еще раз тебя с ним увижу — домой можешь не приходить, — сказала мать. — У самой-то тебя глаза есть, уши есть? Сама-то хоть немного соображаешь? Все люди как люди, кто работает, кто учится. А этот...

— Сама же ты говорила, что пастух нужен? Говорила? — завопила Людка.

— Ну, говорила. Так я думала пенсионера какого или инвалида... О молодежи и говорить нечего — все поголовно учатся, кто на механизаторов, кто в институте. А тут — на тебе, нашелся благодетель.

Тут я окончательно понял, в чем дело.

У нас в поселке коровы не у всех, но штук двадцать наберется. И каждый год хозяйки с пастухом мучаются. Двести рублей в месяц предлагают, а все равно никто не идет.

— Чтобы я в жизни ему корову доверила! — сказала мать. — У такого пастуха она не то что доиться — мычать перестанет.

— Может, хватит на сегодня, — говорит отец. — У меня от ваших женских проблем голова трещит.

— С похмелья она у тебя трещит!

— Так... — говорит отец. — Теперь, значит, за меня примешься? Какое же такое похмелье, если я ничего в рот не брал?!

Мать на это ничего не ответила, а накинулась на меня.

— А ты где шлялся?

Когда мать чем-то расстроена, то у нее все кругом виноваты и возражать бесполезно.

Я сказал коротко и спокойно:

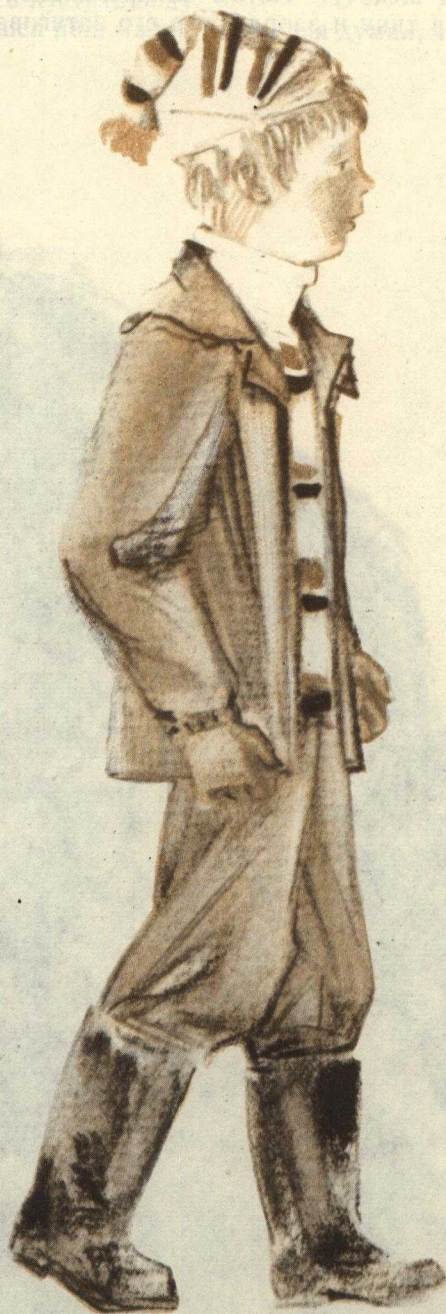
— Мы стаскивали на воду лодку.

— Ты бы лучше по дому что сделал. Нужна эта лодка...

— Нужна. На ней можно ездить за сеном на остров.

Мать взглянула на меня. Что-то ей еще хотелось сказать, но она не сказала.

Вот так двумя словами я ее успокоил. Я решил, что теперь всегда буду так поступать. Ведь ничего не стоит мне сказать эти несколько слов. Пускай ей будет приятно. А сено? Так все равно за сеном меня погонят на остров. Лучше я добровольно поеду. Лучше я буду каждый день говорить, что мечтаю поехать за сеном: что на футбол, рыбалку и телевизор мне наплевать, а вот сено каждый день во сне вижу.

Так я решил в тот вечер.

А утром проверил.

— Мам, когда мы за сено поедem?

— Какое сейчас сено, — сказала мать и за-
улыбалась. — Поедем в июне. А сейчас иди гу-
ляй. Не все ж тебе уроки учить и в огороде ко-
паться.

— Гулять мне некогда. Мы сегодня идем
мальков спасать.

— Хорошее дело. Еды тебе собрать с собой?

— Давай.

И мать полезла не в подпол за картошкой,
а в холодильник за колбасой.

А я сказал себе: «Дурак ты был раньше, Му-
рашов, а то был бы у тебя мопед еще в пятом
классе».

Из залива мы заплыли в речку, высадились
на берег и все побежали смотреть мальков. Ба-
тон сразу залез в воду и стал орать, что они го-
лодные, потому что присасываются к его но-
гам и щекочут. Потом он провалился по ко-
лено в тину и заорал, что его затягивает.

Я посмотрел на директора. Тот неторопливо
раздевался и спокойно смотрел, как Батон из-
вивается посреди озера.

— Раздевайтесь и вы, — сказал директор, —
жарко будет.

Затем он зашел в озерко и выдернул Батона
из грязи.

Но мы смотрели не на Батона. Мы смотре-
ли на него самого, потому что еще никогда не
видели нашего директора в трусах. Никакого
якоря у него на груди не оказалось. Зато на
плечах, на спине, на руках были шрамы. Мощ-
ные такие шрамы, как будто их провели плу-
гом.

— Иван Сергеевич, это вас на войне? —
спросил Батон.

— В основном в госпитале, — ответил ди-
ректор.

Нужно было прокопать между озерцами ка-
навки, но так, чтобы оставить между ними пе-
ремычки. И еще одну канавку — к реке. А по-
том разрушить перемычки, тогда вода из озер-
ков пойдет в реку, а с ней уйдут и мальки.

Я свой участок копал вместе с Колькой. Зем-

ля была сырая, много корней — настоящая целина. Самый трудный участок достался, конечно, нам. А все из-за Кольки. Иван Сергеевич считает, что Кольке можно доверить любое дело. А заодно и мне. У меня от этого доверия через час плечо заболело. Я говорю:

— Отдохнем?

— А другие отдыхают?

Я огляделся. Вроде все копают. Даже девочки. Даже культурный Илларион копает. Один Батон разгуливает по лугу.

— Мелков, ты почему не работаешь? — спрашивает Иван Сергеевич.

— Рука болит. Копнул один раз, она сразу заболела. Не верите?

— Верю. Даже ни на секунду не сомневаюсь, — говорит директор. — А есть ты хочешь?

— Ой, давно уже! — обрадовался Батон. — Скоро обедать будем, да?

— Это от тебя зависит. Бери у меня в катере крупу, вари на всех кашу.

— А котел?

— Там же.

— А можно я еще кого-нибудь возьму?

— Бери.

Я говорю Кольке:

— Сходить, что ли? Батончик один не справится.

— Иди, — отвечает Колька.

Нарубили мы с Батоном сухой ольхи. То есть не мы оба рубили, а я один.

Но зато как варить, Батон соображает здорово. Каша у него сначала булькала, потом фыркала, потом пыхтеть начала. Тут Батон ее с огня снял, укутал чехлом от мотора и сказал:

— Теперь пускай отдохнет.

В это время нас позвал Иван Сергеевич.

Я подошел к Кольке и увидел, что он за нас обоих выполнил норму. Мне это не очень понравилось. Получалось, будто я какой-то пенсионер. Но я мысленно пообещал, что, когда мы поплывем на рыбалку, грести буду я.

— Рушь перемычки! — крикнул Иван Сергеевич.

Ребята кинулись как сумасшедшие. Там и копнуть надо три раза, но каждому самому хотелось пустить воду.

И пошел наш малек! Раньше я думал, что его

просто много. А теперь оказалось, что его сто миллионов или миллиард миллиардов. Они так рванулись, будто им впереди бочку с вареньем поставили. Просто удивительно, как они своим малявским мозгом сообразили, что сейчас выплывут на свежую воду.

Когда вода сошла, в углублениях озерков малька осталось еще порядочно. Этих мы тоже спасли. Вычерпали их ведрами и перенесли в речку.

— Шабаш, — сказал Иван Сергеевич, — пойдем кашу есть.

Возле котла было тесно. Каша горячая, глотать ее не так-то просто, а тут еще мне кто-то сзади в ухо дует. Я обернулся — Илларион. Дул он, конечно, не на меня, он кашу на ложке остужал. Но все-таки я ему сказал:

— Ты там потише дуй.

— А что будет?

— А то будет. Дуну так, что рассыплешься.

— Слушай, Мураш, — сказал Илларион, — я ведь тебя не боюсь. Мне только не понятно, чего ты ко мне цепляешься.

— Нужен ты мне, — говорю я. — Не нужны мне ни папа твой, ни мама, ни... Никто вообще. Очень вы все высокой культуры. Если вы такие культурные, чего же сестра твоя на воскресник не вышла?

— Наташка?

— А я помню, что ли, как там ее зовут...

— Она уехала.

— Наташа уехала?! — говорю я. — Зачем?!

— Она год будет в городе заканчивать.

— И не приедет сюда совсем?

— Летом приедет, если в турпоход не уйдет. Я даже растерялся.

— Зачем, — говорю, — ей поход? У нас и без походов тут неплохо.

— А тебе она зачем? — спрашивает Илларион.

— Мне — ни за чем, — говорю, — просто так спросил.

А про себя я подумал, что неважно все получается. Уйдет она в поход, все лето я ее не увижу... За это время у нее пояс кто-нибудь выменяет или стащит. Мне даже как-то скучно стало.

— Ну, братцы, хорошо поработали, — сказал Иван Сергеевич. — Что лопатами, что ложками. За малька вам ничего не будет, кроме благодарности. А вот за осушение совхоз вам начислит по одному рабочему дню.

Стали мы считать — по пятерке на человека, конечно. Получилось сто тридцать рублей. Можно купить для футбольных ворот сетки, которых у нас сто лет нету, пяток мячей и несколько пар бутс. Про бутсы я больше всех кричал, потому что знал — парочка обязательно мне достанется как лучшему игроку.

— Сетку на ворота покупать не стоит, — сказал Иван Сергеевич. — Я возьму у рыбаков старый невод, разрежем его, обошьем — выйдет не хуже. На мячи и на магнитофон у школы деньги есть. Просто мы немного забегались с нашим новым строительством и было не до

этого. А что касается бутс, то поверьте старому футболисту: бутсы вас играть не научат. Начинать играть в бутсах даже вредно, нужно сначала подучиться.

— Вы что, футболистом были? — спросил Илларион.

— Да.

— И моряком? — спросил я.

— Был.

— А кем еще? — спросил Батон.

— А еще я был ребенком. Только поэтому, Мелков, я тебе иногда кое-что прощаю.

ОНА ПРИЕЗЖАЕТ

Последний день занятий! Ура!

Я уже с утра знал все свои отметки — троек нет! Ура!

«До чего же у нас хорошие учителя!» — думал я в тот день. — «До чего они добрые, умные, красивые и вообще!»

Мопеды в магазине еще есть! Ура!

Учителя тоже ходили по школе веселыми и не обращали внимания на наши глупости.

Только Мария Михайловна была в тот день грустная. Она с нами прощалась.

— Я буду к вам заходить, если вы не против, — сказала она.

— Не против! — орали мы. — Заходите каждый день!

— И, пожалуйста, читайте на каникулах побольше, — просила она. — Пушкина читайте, Гоголя, Чехова. Не увлекайтесь приключениями.

— Будем читать! — орали мы. — Каждый день будем!

Иван Сергеевич сказал Батону:

— А ты, Мелков, занялся бы летом немецким. Тройка твоя, в общем-то, условная.

— Будет заниматься! — ответили мы. — Мы проследим! Каждый день будет!

На большой перемене подошел ко мне Ларик.

— Тебе привет, Мурашов.

— От кого еще? — спросил я.

Когда я это спросил, то уже почти догадался от кого. Не от папы же своего, главного инженера, может мне передать привет Ларик.

— От моей сестры.

— Ну и что? — спросил я и пожал плечами.

— Ничего... — сказал Ларик. — Она прислала маме письмо. Там в конце написано: «Привет Вите».

— Почему ты думаешь, что мне?

— Другого Вити она здесь не знает.

— А зачем мне ее привет? — сказал я.

Все, ну все я говорил не так, как думал! Значит, она меня запомнила и думала про меня в своем городе высокой культуры, где одних мопедов, может быть, миллион. Кольке, например, она ничего не передала, а мы ведь рядом сидели...

— Она после экзаменов приезжает, — сказал Ларик. — У них поход отменился.

Я ответил:

— Мне-то что... Пускай отменился.

Я выбежал на крыльцо. Там стоял Колька. Я толкнул его с разбегу, и он ласточкой полетел через три ступени. Колька не обиделся. В этот день у всех было такое настроение, что все толкались и бегали. Колька полез обратно и хотел стащить меня за ногу. Но я уже стал серьезным. Я вообще-то не боюсь ничего. Но тут вдруг испугался, что все заметят, как я обрадовался.

— Стой, Колька, — сказал я. — Дело есть. Давай сегодня на лодке поедем прямо после уроков.

— У нас ничего еще не собрано.

— А мы просто прокатимся, попробуем.

— Можно, — согласился Колька. — Батону сказать?

Я понял, что я сейчас жутко добрый. Мне хотелось, чтобы в этот день всем было хорошо.

— Я сам скажу!

— А Ларику?

— Ладно, скажи, — согласился я.

Колька вздохнул.

— Мураш, — сказал он, — я не про сейчас, а вообще... Когда поедем на два или три дня... Можно тогда и Наташу взять?

Я смотрю на Кольку и ничего не понимаю. И он — про Наташу. Неужели он сам догадался, что я давно уже об этом думал? «Вот это Колька! — подумал я. — Вот это друг настоящий!»

— Можно, — небрежно сказал я. — Жалко, что ли...

Колька обрадовался.

— А правда... — заулыбался он. — Она ведь и обед может сварить...

— Сварит, конечно, — говорю я.

— И грести она может.

— Может, конечно, раз в турпоходы ходит.

— Да в жизни она ни в какие походы не ходила, — говорит Колька.

И тут в моей голове будто какой-то винт повернули и все стало ясно.

— Ты про какую Наташу говоришь? — спросил я.

— Про Кудрову.

— Это зачем еще она нам нужна?!

— Ты же сам говорил... Обед варить...

— Да на что мне ее обед. Я сам не хуже сварю! Или Батон сварит, у него здорово получается. А Наташка тут при чем?

Колька посмотрел сразу и засопел.

— А ты про какую Наташу говорил?

— Ни про какую. Какую-нибудь девчонку можно взять. Только не Наташку.

— Не хуже она твоей!

— Какой еще моей?

— Сестры Ларика!

— Я тебе что-нибудь говорил про сестру Ларика?

— А я и сам не дурак, — говорит Колька.

— Вот как раз ты дурак и есть!

— Ну и пускай, — говорит Колька. — А лодка моя!

Таких вещей я от Кольки никогда не слышал, «мое» или «твое». У нас все было общее. Я так удивился Колькиным словам, что даже не знал, что ответить. И я тут же дал себе честное слово, что никогда даже не прикоснусь к этой лодке, пускай мне дают хоть сто миллионов.

А после уроков Колька сам подошел ко мне.

— Мураш, — сказал он, — ты не злился, она не поедет.

— А мне-то что, — ответил я. — Твоя лодка...

— Она хочет, чтобы ехать, так всем вместе. В общем, ей обязательно нужно, чтобы ты был.

— А ты не спросил, зачем я ей нужен?

— Не спросил.

— Тогда я тебе скажу. Она терпеть меня не может! Она мне отомстить хочет. Поганку какую-нибудь мне в кашу сунет и — привет.

Колька сразу повеселел.

— Ну, тогда ладно... — говорит он. — Ты, Мураш, не злился. Насчет лодки я просто так сказал. Мы же ее вместе красили и смолили. Она общая. А поганку она тебе не сунет. Она не такая.

— Конечно, не сунет, раз не поедет, — говорю я.

— Нет, она поедет, если ты поедешь.

Когда мы шли домой, я думал о том, что все кругом устроено как-то неправильно. Например, если какой-нибудь человек хочет видеть другого человека, так тот обязательно уезжает. А кого он видеть не хочет, тот остается, да еще пристает к этому человеку. Вот я, например... Неужели я такой плохой, что меня нужно поганками травить?

— Колька, — спросил я, — а когда у восьмых классов экзамены кончаются?

— Не знаю. А тебе зачем?

И на этот простой вопрос я ответить ему не сумел.

ПОЧЕМУ У МЕНЯ ВСЕ ВРЕМЯ НЕПРИЯТНОСТИ?

Когда я вернулся из школы, все были дома. На отце была надета белая рубашка и галстук, который он раз в сто лет носит. Отец был веселый, просто сиял, будто его изнутри подсвечивали. А мать надела свою новую заграничную кофту, как для гостей.

И тогда я подумал, что весь этот праздник из-за меня. Мне стало даже как-то неловко.

Отец сказал, улыбаясь:

— Вот так, Витек, жизнь, оказывается, на месте не стоит, идет все-таки...

Я молчу.

— Еще один работник в нашей семье появился, — сказал отец.

— Я еще не работник.

— Ничего, — успокоил меня отец, — придет и твое время. Поздравляй, Витек, Людмилу Васильевну...

Людка вскочила и прошла по комнате,

важно, словно артистка. А сама вся сияет. Подошла ко мне и говорит:

— Можешь меня поцеловать, я разрешаю.

Я стою, голова у меня словно котел. Вижу только, что на ногах у Людки новые сапожки.

— Совсем задурили парня, — сказала мать. — Ничего в простоте объяснить не могут. Назначение она получила, будет работать в нашей столовой. А могли бы к черту на рога усрать.

— Не то говоришь, мать, не то, — сказал отец. — Дело в том, что человек на ноги стал. Это как второе рождение. Понял, Витек, какой день сегодня у нас?

А я стою и чувствую, что сейчас разревусь. Не ревел ведь никогда, разве в детстве только. Но тут стало мне так обидно, что пришлось всю свою силу воли истратить, чтобы не зареветь. Не из-за них, из-за себя, из-за того, что я такой дурак, вообразил, будто все только обо мне и думают.

Я себя сдержал и говорю совершенно спокойно:

— А чего мне радоваться? Кончила она курсы, а теперь поступила на работу — все нормально.

Отец будто даже обиделся.

— Никак не пойму, что вы за народ! И что это за слово такое «нормально»? У вас всегда все нормально! Заболел — нормально; выздоровел — нормально; помер — тоже нормально. Поступи хоть раз ненормально — поздравь сестру.

— Поздравляю, — сказал я.

— Ну и ладно... — отец вздохнул. — Ты, наверное, есть хочешь?

— Не хочу.

— Жаль, жаль, — лицо у отца стало жутко хитрое. Он мне подмигнул. — А мы тут было собрались... В Приморск поедem, в ресторане будем обедать.

Мать тоже вздохнула, но лицо у нее было довольное.

— Выдумал тоже с этим рестораном... Давайте я вам пирог спеку, не хуже будет, чем в ресторане. Чего там хорошего?

— А ты была в нем когда?

— А хоть бы и не была.

— Вот и пойдем. Не все молодежи по ресторанам ходить. Мы с тобой тоже еще не старые. Ну, как, Витек, теперь аппетит есть?

— Я не пойду.

— Почему?

— У нас сегодня собрание. У нас сегодня учебный год закончился.

— А мы на радостях совсем про тебя забыли!

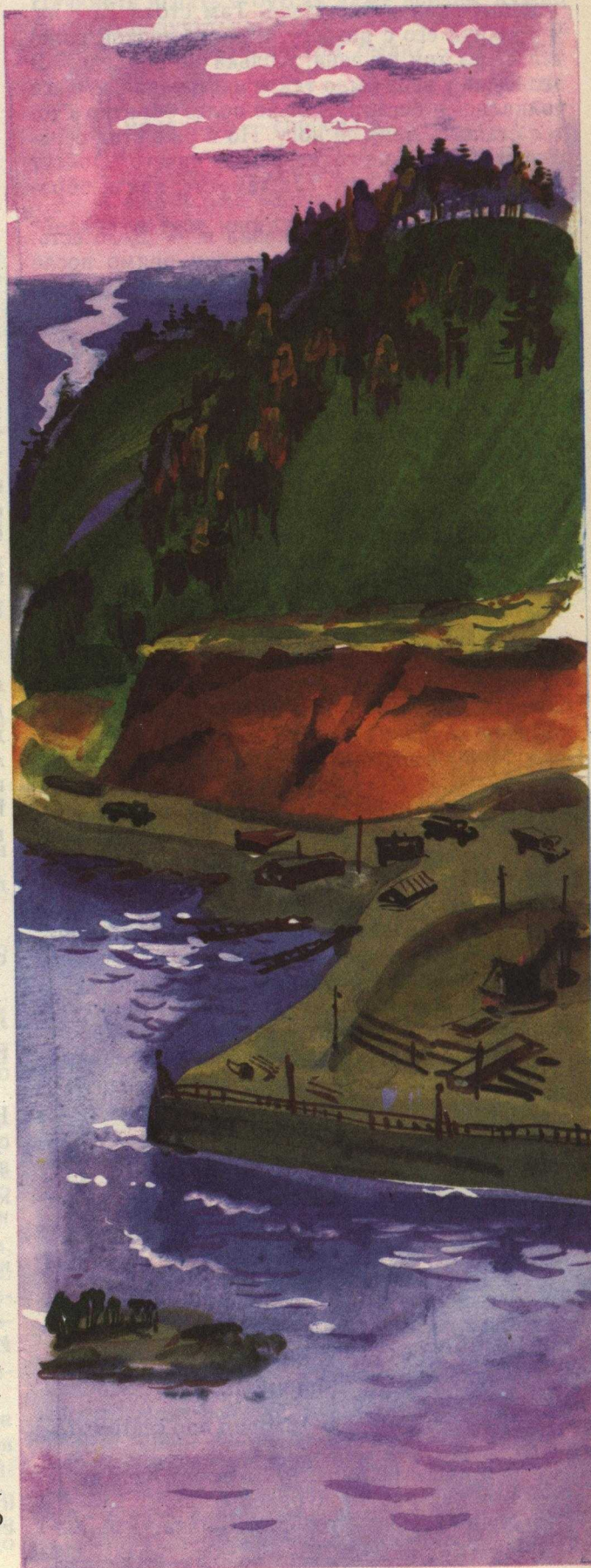
И тут мне снова захотелось реветь, потому что отец сказал как раз то, о чем я в эту минуту думал.

— Тройки есть?

— Нет.

— Витек у нас молодец, — сказал отец. — Обещал — сделал. Ну-ка, выйдем, Витек, во двор.

Окончание следует

Лидия Потапова

ЗЕЯ

ДОРОГА ДО ЗЕИ

— Хочешь увидеть самую красивую на земле реку, самые замечательные леса и горы, самых великолепных людей?

— Хочу. Но такого не бывает — чтобы самое-самое и все на одном месте.

— Бывает! Приезжай на Зею — увидишь.

— На Зею? А где это? И как туда ехать?

Просто. Пересекаешь Уральские горы — увидишь столбик, который отделяет Европу от Азии. Потом будет Байкал, дальше Яблоновый хребет. Выйдешь на станции Тыгда. А отсюда уже близко.

РАССЕКАЮЩАЯ СОПКИ

Плыву впервые по Зее. По реке, которая в переводе с эвенкийского называется «рассекающая сопки». Вот они — сопки. Лесистые, словно плю-

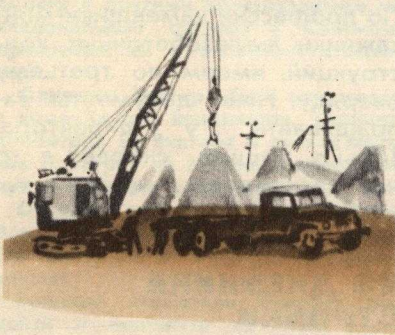

шевые, голые и скалистые, тут же красно-рыжие уступами камни, прозрачной зелени луга. Дома стоят высоко над берегом. От них к крошечным пристаням спускаются ступень-

ки деревянных лестниц. Какие-то низкорослые животные постоянно носятся по берегу. Подпрыгивая, рвут с деревьев листья. Только приглядевшись, узнаю в них коров.

Зея судоходна лишь днем. Ночью, из-за сезонного мелководья, передвигаться по ней опасно. Крошечные теплоходики поздним вечером останавливаются у пристаней и дремлют вместе с пассажирами у раскачивающихся дебаркадеров.

Вот когда уровень воды на реке можно будет, наконец, регулировать, и появится на Зее настоящий флот, и откроют свои богатства земные недра,

и помчатся по рельсам электровагоны, груженные дарами этого края.

Плотина, которая замкнет Зейские ворота, особая. Такая строится в нашей стране впервые. Высота — 115 метров, длина по гребню — 709 метров. И Зейское море, на будущие дни которого сейчас ведутся огромные работы — спиливаются леса, вывозятся за пределы готовящегося водохранилища — тоже одно из крупнейших в стране. Длиной в 22 километра и шириной в 20—24 километра, глубина возле плотины до 93-х метров.

Сегодня только на двух — Братской и Красноярской, турбины мощнее, чем будут смонтированы на Зейской ГЭС.

Братская... Красноярская... Именно оттуда, завершив основные работы, приехали на Зею первые строители.

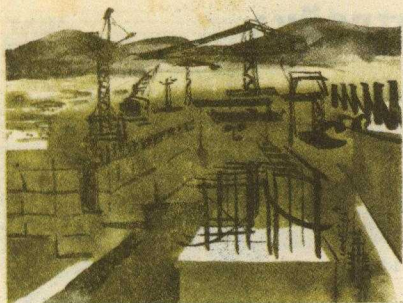

ПИСЬМА И ЛЮДИ

На Зею шли письма. Со всех концов нашей огромной страны туда стремились приехать люди. С Украины и Прибалтики, Камчатки и Средней Азии. Каждый, как умел, доказывал свое право на участие во Всесоюзной ударной стройке.

«...Мы: Ерофеева, Вертякова, Хромова — студенты-заочники третьего курса филологического факультета. Мы все трое изъявили желание поработать на вашей стройке. Правда, мы беспокоимся из-за того, что у нас нет подходящей специальности, но рабочие руки вам будут нужны всегда. Очень просим вас, поймите нас правильно, что мы желаем работать не с одной романтикой в голове. Мы все хорошо обдумали и приняли такое решение. Единственное, что нас беспокоит — сможете ли вы нас два раза в год отпускать на сдачу экзаменов. Если да — это просто здорово! Очень просим вас ответить, согласны ли взять таких товарищей. Мы с нетерпением ждем положительного ответа, но если вы нам не ответите, мы все равно приедем!»

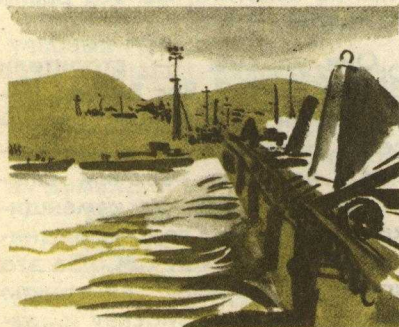
Они упрямые — строители ЗЕЙГЭССТРОЯ. Вот Виктор Нагорянский — местный, из поселка Новобурейск. В шестнадцать лет стал рабочим шпалозавода, через год каменщиком, еще через год — плотником на Иркутской ГЭС. За это время закончил вечернюю школу, поехал в Москву и... за-

валил экзамены в институт. Другой бы махнул рукой, а этот нет! Целый год учился и работал одновременно, но в институт поступил. В Московский инженерностроительный, на гидротехническое отделение.

На ЗЕЙГЭССТРОЕ Нагорянского знают все. Еще бы! Ведь это он со своими ребятами из комсомольско-молодежной бригады в небывало быстрый срок построил мост через главный приток Зеи — реку Уркан. Это было настоящее бедствие — дикая река. И как раз пересекала она дорогу с Тыгды — перевалочной базы ГЭС, базы, куда по железной дороге поступали все грузы. Машины шли сплошным потоком, а перед Уркано — стоп. Пробка. Моста нет — паром. В период весеннего ледохода и осеннего ледостава вообще проезда нет.

И тогда на берегу Уркуна появились зеленые вагончики-домики — бригада Виктора Нагорянского. Назвали они свое новое жилище «поселок Романтик» и начали работать. Когда казалось, что самое трудное уже позади, в

котлован пятой опоры хлынула ледяная вода. Всю ночь ее вычерпывали ведрами, включили насосы, но через день та же участь постигла и котлован третьей опоры. Нужно было сделать все, чтобы преградить путь воде. Круглые сутки без сна работали ребята. От воды и холода сводило пальцы. Но победили! Победили потому, что никто не отступал, не свалил свою работу на другого, победили потому, что добивались победы!

Может быть, и эти люди, письмо которых я сейчас держу в руке, будут такими, как Виктор Нагорянский и его друзья?

«...Здравствуй, товарищ начальник! Мы, т. е. Одеров, Асеев, Сухомяток, нам всем по семнадцать лет, образование восемь классов, члены ВЛКСМ, решили поехать к вам работать. Мы — выпускники ГПТУ-22. По профессии каменщики-монтажники железобетонных конструкций, имеем по третьему разряду. Наши документы запрашивайте у директора. Только пишите скорее, а то нас распределят здесь, а мы очень хотим к вам».

ИЗ ДНЕВНИКА СТРОЙКИ

1968 год. Январь. Гидростроители ступили на дно Зеи. Не у берега. В самую середину Зейских ворот. Мощные экскаваторы зачищали место установки ряжей-исполинов. Долгие годы ряжи будут принимать на себя бешеный натиск реки, крошить ледяные поля.

1970 год. Январь. На два месяца раньше намеченного срока заложен в тело плотины первый кубометр бетона. Заложка доверена бригадам Евсеева и Хвошинского, экипажу экскаватора Куцелапского и экипажу «КРАЗа» Фактулина.

1972 год. 13 октября. Особый день в истории освоения Дальнего Востока. Штурм Зеи. Строители шутили: «Ну и установили дату — тринадцатое, да еще и пятница. А вдруг Зею перекрыть не удастся?» Всю

ночь над Зейскими воротами полыхало зарево. В тесном ущелье установили мощные прожекторы и ксеоновые лампы. Их свет заливал скалы, бетон, сталь и людей, толпы людей, собравшихся на перекрытие Зеи. Ровно в 10 утра началось заседание штаба строительства. На берегах выстроились машины. В десять часов десять минут главный инженер стройки В. В. Конько дал команду начать наступление. Празднично одетые водители двинули машины к прорану. Развернулись по три в ряд и стали обрушивать скалы в стремнину. На узких площадках закружилась карусель мощнейших машин. А на глыбах камней, сбрасываемых в Зею, ярко были выведены надписи: «Ну, Зея, погоди!», «Притормози, красавица!», «Эх, ухнем!». Да, здесь любят пошутить. Недаром Зейская ГЭС — ударная комсомольско-молодежная стройка.

И вот Зея перекрыта. Теперь и монтажники, и бетонщики, и главный инженер стройки мечтают об одном: пустить агрегаты в 1975 году — эта задача записана в Директивах XXIV съезда КПСС.

ГИДРОТЕХНИК — ЗВУЧИТ ГОРДО

Каждый строитель ГЭС независимо от узкой своей специализации, называет себя гордо — гидротехник. Гидротехники строят саму плотину, строят дороги, дома, школы, клубы, детские сады и ясли. «Зачем это вам? — спросит кто-нибудь. — Ведь закончится стройка — и вы все переедете на новую. Оставьте Зейскую ГЭС так же, как когда-то Братскую, Мамаканскую, Иркутскую, Красноярскую и другие».

Не надо об этом спрашивать.

Потому что любой гидротехник-строитель Зеи знает, зачем он все это строит.

Потому что гидротехники — это люди, которые первыми приходят на дикое, необжитое место и преобразуют его.

Рисунки
И. Латинского

ЖИВЫЕ И МУМИИ

Галина Георге

РАЗДАВИТЬ ФАШИЗМ

Кто-то написал этот лозунг давно на одном из домов в Сантьяго, когда призрак фашизма едва возникал над страной. Сейчас фашизм бушует в Чили. Вот почему лозунг на доме в Сантьяго «Раздавить фашизм!» — это задача не только для чилийцев — для всех людей земли.

Мумиями называет чилийский народ нынешних правителей-фашистов.

Способ борьбы с патриотами у мумий один: «убивать!»

И как когда-то из одной страны фашизм расплылся

по всей Европе, так и сейчас он готов перекинуться на другие страны Латинской Америки.

8 мая в близком к Чили Уругвае был арестован Первый секретарь ЦК Коммунистической партии страны Родней Арисменди. Вместе с ним заключены и другие уругвайские коммунисты. Это реакция протянула свои руки к Уругваю...

Один мексиканский журналист писал: «Чили представляется нам лабораторией нового нацистского эксперимента...»

Люди знают уже, к чему приводят такие эксперименты.

О том, как погиб Виктор Хара, рассказывает чилийский писатель Мигель Кабесас, которому удалось бежать из концлагеря, из Чили:

«Его схватили и препроводили вместе с другими арестованными на национальный стадион в Сантьяго, превращенный в огромный концлагерь.

Однажды Виктор Хара встретился с комендантом концлагеря. Офицер посмотрел на Виктора и сделал жест, как бы играя на гитаре. Виктор кивнул и печально улыбнулся.

Офицер позвал четырех солдат. Затем он приказал принести стол. Его поставили на виду у всех заключенных.

Военные приказали Виктору подойти и положить на стол руки. У офицера появился топор...

ЖИВЫЕ

**ВИКТОР ХАРА,
ПОЭТ,
КОМПОЗИТОР,
ПЕВЕЦ**

Окончание

Начало в «Костре» № 9, 1974 г.

CHILE

Шесть тысяч заключенных на трибунах стадиона вскрикнули как один человек!

«Пой же теперь, дьявол, пой!» — прорычал офицер. Беззащитного Виктора избивали, и кровь текла из его изуродованных

рук. Вдруг Виктор востепенел, поднялся на ноги...

На стадионе воцарилась тишина. Тогда Виктор закричал: «Помогите, товарищи! Давайте выполним просьбу господина коменданта!» Он начал, собрав последние силы, петь

«Единство народа». Все подхватили песню.

Этого инквизиторы не могли вынести. Прогрели выстрелы. Виктор наклонился вперед, словно хотел передать свой последний поклон товарищам...

ЛУИС КОРВАЛАН, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧИЛИ

Хунта распространила «черные списки» — списки людей, которых она боится больше всех остальных, а потому торопится от них избавиться.

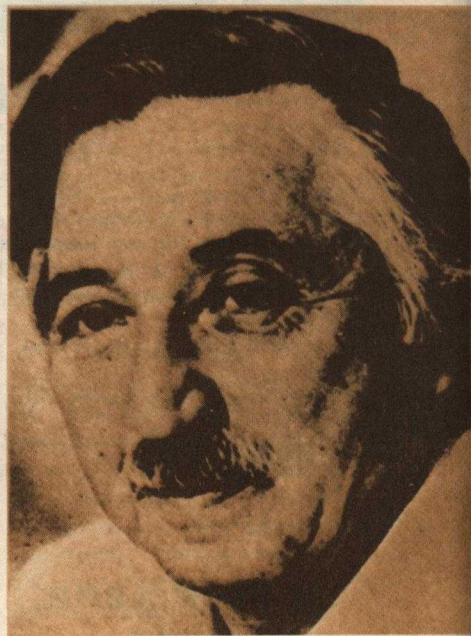
В самом начале этих списков значится Луис Корвалан. Его схватили в Сантьяго.

Луис Корвалан арестован, рабочими прозванный Лучо.

Он даже в подполье светился, как солнца чилийского лучик.*

Арестом Лучо не испугаешь. Он стал коммунистом в шестнадцать лет, а сейчас ему пятьдесят восемь.

* Из стихотворения Евгения Евтушенко «Свободу товарищу Лучо», которое было напечатано в «Правде» 1 октября 1973 года.

МИР ПРОТЕСТУЕТ

ПЛАКАТ —

ЭТО

ТОЖЕ

ПРОТЕСТ!

СССР

МИР ПРОТЕСТУЕТ

Комитет солидарности с народом Чили. США

МИР ПРОТЕСТУЕТ

Международная организация журналистов

„Разрешите, товарищи, с этой трибуны от имени 15-миллионной Коммунистической партии Советского Союза, от имени всего нашего народа выразить глубокое уважение коммунистам всех стран — беззаветным борцам за светлое будущее человечества. И первое слово поддержки и братства — на-

На долгом этом пути были и аресты, и тюрьмы, и подполье.

Чилийские фашисты отправили Лучо в концлагерь.

Они пытаются в какой-то из тюрем сына Корвалана.

Они хотят сломить Лучо, хотят, чтобы он отрекся от дела всей своей жизни.

Фотографии, которые печатают сейчас газеты и журналы, сохранили Лучо спокойным, с удивительными, сияющими глазами.

Обвал в твоей шахте, товарищ, Но в каждом, кто духом не слабый, Свобода светить продолжает Шахтерской несдавшейся

лампой.

доказано еще столько же раз, сколько потребуется».

ГЛАДИС МАРИН, член Политической комиссии ЦК Компартии Чили, Генеральный секретарь Коммунистической молодежи Чили: «Создать единый широкий фронт патриотических сил, организовать сопротивление народных масс с тем, чтобы изолировать фашистских путчиков и нанести им поражение».

...как будто бы может с повинной за образ мыслей крамольный к министрам-капиталистам

явиться октябрьский

Смольный,

как будто бы может с повинной, потупив бесстрашный

взгляд,

явиться для покаянья

к гитлеровцам —

Сталинград.

Многие советские люди видели, слышали Лучо. Он приезжал к нам на совещания коммунистов. Он возглавлял делегации коммунистов Чили на пяти последних съездах Компартии Советского Союза.

Советские врачи были готовы поехать на остров Досон и оказать там помощь заключенным и товарищу Лучо. Но хунта не приняла предложения.

НАРОД СОБЕРЕТ СВОИ СИЛЫ

ЛУИС КОРВАЛАН, Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили: «Коммунистическую идеологию уничтожить нельзя. Это было доказано столько раз, сколько враги трудящихся и предатели народа пытались задуть ее. И это будет

ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ, дочь Сальвадора Альенде: «Мы познали сейчас то, что было пережито советскими людьми в годы войны с фашизмом, — разрушенная родина, горькие судьбы. Но мы убедились на примере СССР, что это не вечно, что если приложить усилия, то все восстановится и будет еще лучше. Это лишь дело времени. Мы победим!»

ЧИЛИЙСКИЙ РАБОЧИЙ, грузчик из порта Вальпараисо (имя этого молодого докера мы не можем сейчас назвать): «Мумии выиграли пока — только потому, что сила на их стороне — самолеты, ракеты, танки. Но народ соберет свои силы, мы не складываем оружия. И когда накопим достаточно сил — сметем мумий».

МИР ПРОТЕСТУЕТ

МИР ПРОТЕСТУЕТ

МИР ПРОТЕСТУЕТ

„Прекратить террор в Чили!“ — требуют трудящиеся разных стран на митингах протеста

шим дорогим товарищам Луису Корвалану и Роднею Арисменди, томящимся в застенках реакции. Мы с вами, друзья, мы помним о вас и сделаем все, чтобы вы обрели свободу“.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева
14 июня 1974 года на встрече с избирателями
Бауманского избирательного округа Москвы

БАБА

ЖУРНАЛ ЮНКОВ «КОСТРА»

ПРО НАШИХ ВЗРОСЛЫХ

ВСТРЕЧА С КОТОВ И М

Мы сидели у телевизора. Вова, я, бабушка и мохнатый щенок. На экране мчалась конница — шел фильм «Котовский». Когда крупным планом показали Котовского, бабушка воскликнула: «Да это он! Я знала его!»

Мы стали расспрашивать бабушку, и вот что она рассказывала:

«Это было в Бессарабии, до революции.

Жили очень тяжело. Нужна была корова. Долгими вечерами мы обсуждали будущую покупку, откладывали копейку за копейкой. Наконец, долгожданный день настал. Мама купила на ярмарке корову.

Но радость наша была преждевременной — корова оказалась слепой! Когда ее выгоняли пастись, она натыкалась на изгородь и жалобно мычала.

Отец заболел, его увезли в больницу. Мама целые дни крутилась по хозяйству... А корову надо было продавать срочно. Пришлось идти на ярмарку мне, старшей.

Ярмарка меня ошеломила. Никто ко мне не подходил, не приценивался. Солнце нещадно пекло голову, горло пересохло, на глаза навертывались слезы.

И вдруг шум базара оборвался. Торгаши спешили закрыть свои лавчонки, все куда-то побежали. Над площадью пронеслось: «Котовский! Котовский!»

...И вот Котовский — огромный

ный сильный человек — стоит передо мной и спрашивает, почему я плачу. А я даже не могу как следует разглядеть его сквозь слезы.

— Корову... не могу продать... слепая она... — я зарыдала еще громче.

Вокруг нас собралась толпа. Котовский, положив крупную свою ладонь на шею коровы, подозвал одного богатея и говорит ему: «Купи корову!»

Богатей в ответ: «Она слепая... Нашел дураков...»

Тогда Котовский говорит громовым голосом: «Эй, богатыри, раскошеливайтесь... И корова слепа, да и ты плохо видишь: я — Котовский!»

Богатей со страху скорее отдал все деньги, взял корову и — дёрнул...

Я и оглянуться не успела, как корова была продана и в моих руках оказались деньги.

А Котовский со своими товарищами исчез так же внезапно, как и появился.

Рассказ бабушки
Лидии Еремеевны Лозовской,
записала внучка Елена Молокова

Читатель критикует и советует:

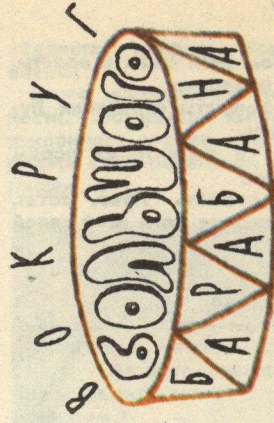
Каждое письмо из отдела «Вокруг Большого Барабана» требует конкретного ответа или дружеского совета. И порой жаль, что ребята оставляют эти письма без внимания, пропускают мимо глаз.

В свою очередь я предлагаю новую рубрику «Из жизни слов». Ребята узнают о происхождении слов и словосочетаний. Я очень люблю русский язык, литературу и интересуюсь историей слов.

Ира Боброва, 7 класс,
г. Горький

Баба это
дружок?

Дорогая редакция, мы с моей подругой Лидой договорились пойти на школьный вечер. Но

потом выяснилось, что у нее платье еще не готово и она идти не может. Тогда я тоже не пошла. Посчитала, что будет подлостью бросить товарища в беде. На следующий день в школу я пришла рано. Лида и еще одна девочка прошли мимо

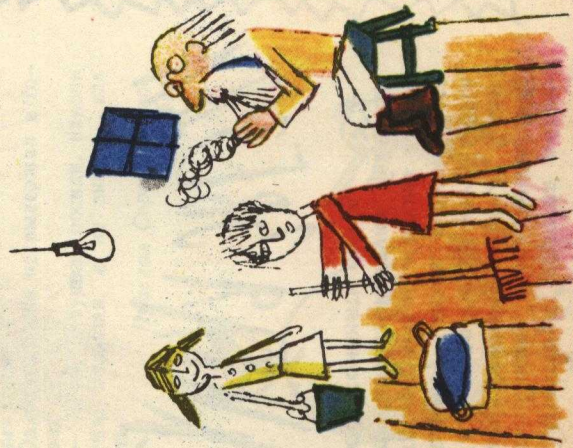
ЕСТЬ В СЕЛЕ ТИМУРОВЦЫ!

«У пенсионера Степана Афанасьевича давно болеет жена. Решили мы помогать дедушке. Первой вызвалась Люда. По субботам она с подружками ходит мыть пол, от их рук пыль нигде не спрячется. А мальчишки снег выгребают во дворе, то же помогают. Так вот уже два года действуют наши ребята...»

Таня Клейн из села Городище Свердловской области часто пишет в редакцию. Эту заметку Таня закончила стихами:

Уж старый дед,
Ему невмочь,
А вот бы деду-то помочь!
Так говорили все на сборе.
Все предложения — на стол!
И вот уже девочки в сборе.
И засиял чистейший пол.

Рисунок по Таниному письму
сделал Леша Кульбин

Я перебирал почту и вот что
нашел:

На чистую поляну,
согретую весной,
упал кусочек неба —
расцвел цветок лесной!

Это написала одиннадцатилетняя Оля Архангельская из Свердловска. И я повторяю ее стишок с большим удовольствием.

ТРУДНОЕ

Таня Севастьянова из Татари написала складно:

На елочку, на елочку
Повесим мы игрушки:
Шарики-фонарики,
Матрешки-погремушки.

Тоже складно, а запоминать не хочется. Почему? Да пустое какое-то стихотворение. Перечислять предметы можно без конца, но ведь кому это интересно? У Оли что хорошо? Она сравнивает цветок с куском неба, и мы радуемся, будто получили подарок... А ведь, наверное, у нее не сразу так хорошо получилось, ей много пришлось подумать, прежде чем она нашла такое удачное сравнение. Таня же говорит о стихах: «Нет ничего сложного их сочинять!» Плохо, что многие так считают и лезутся порабатывать. Вот Саша Ушаков, восьмиклассник из Саратова, написал грустные стихи о прощании со школой:

Скоро, мой друг, покинем
Учебный веселый дом...

Мне очень понравились слова: «учебный веселый дом». «Выучу эти стихи!» — подумал я, но не пришлось, потому что дальше Саша выразился так:

И есть нам будет что
вспомнить
С грустью и смехом о нем.

Троим — ответно

Да, это ужасно, когда мальчишки-пионеры курят. Конечно, с ними надо бороться. Но как? Они должны подумать сами о своей внешности: у курящего человека зубы желтеют и темнеют. Потом зубы разрушаются, и с ними рушится весь организм.

Наташа Минкина, 7 класс,
город Жданов

Предлагаю карикатуру подписать так: «КУРЕНИЕ — ВРАГ ЗДОРОВЬЯ»

Юрий Салий,
город Горловка

Здравствуй, дорогая редакция. Пишет вам ученик 8-го класса Мезенцев Дима. Я живу в городе Риге и учусь в 61-й средней школе. Увлекаюсь астрономией и мечтаю посвятить себя этой науке. Еще пытаюсь сочинять стихи...

БЛИЖАЯ ЗВЕЗДА

Великое Солнце, Галактики звезда —
Король, хозяин полной власти.
Огонь кипящей и бурлящей страсти!
Лучи твои летят к Галактикам года.

О ты, властитель чувства и умов,
Который красотою потрясает,
Зовет к себе космически, без слов,
И страшно светом поражает.

Планеты! Бойтесь Солнца! Это враг!
Приблизиться не смейте ни микрон!
Он позовет — потом лишь прах
Оставит пожиратель Фазтона.

Оформление
Г. Ковенчука

Дорогая Оля, меня попросили ответить тебе. Пробую это сделать, хотя, не зная подробностей твоей жизни, сделать это нелегко.

В твоём возрасте все силы юности прихотливо в движении, ум, душа и тело растут, обгоняя друг друга и нередко «сталиквиваясь» в спешке. В этом возрасте человеку особенно свойственно сомневаться. Юность хочет разом со всем совладать, а разом не выходит. То, что человек приобретает в течение жизни или, по крайней мере, вплоть до зрелой поры, юность хочет приобрести одним махом. И разочаровывается, когда терпит неудачу. В этом ошибка юности, но ошибка прекрасная! Что я хочу этим сказать? То, что не будешь юностью такой: ищущей, сомневающейся, непрощающей — скучно начинать бы свою жизнь человек. И потом: невозможно, Оля, стать взрослым, не набив «синяков и шишек».

У каждого человека есть какая-то самооценка. У одного более или менее точная (это уверенный в себе, спокойный человек), у другого — завышенная (самоуверенный), у третьего — заниженная (как у тебя).

Люди с заниженной самооценкой обычно сомневаются в себе. Им кажется, что они слабые, неудачливые существа, и вообще непонятно, зачем живут

Дорогой «Барабан»! Хочу попросить у тебя совета. В этом году мне исполнилось четырнадцать лет. По-моему, у человека к четырнадцати годам должны выработаться какие-то положительные качества или черты характера. Но у меня, кроме отрицательного, ничего не выработалось. Я абсолютно не уверена в себе, за что бы ни взялась, кажется, не так делаю. И у меня действительно получается не так. У меня совсем разные взгляды на жизнь с людьми. И еще я не считаю почему-то себя за человека. Не могу себя понять. В общем, создается такое впечатление, что я это не я, а какой-то другой человек, далекий от меня. Я каждый раз пытаюсь разобраться в себе, но ничего не получаю. Как мне понять себя, как обрести уверенность — я не знаю. Помогите мне, пожалуйста.

Оля Павлова,
Алтайский край

на свете... Между тем им требуется всего лишь серия удач, маленьких побед над собой и обстоятельств, чтобы самооценка изменилась к лучшему. Недавно я узнал, как один мой школьный друг преодолел в детстве страх высоты и глубины

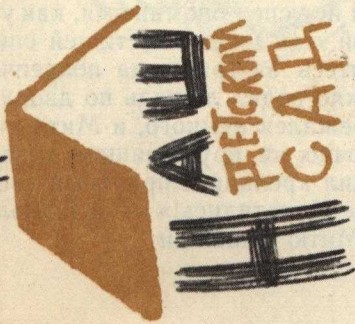
ны. В то время никто не догадывался о его мучительной борьбе с самим собой. Он уходил в лес, на реку, карабкался на высокие деревья, пытался переплыть реку... Порой где-то на середине его охватывало бессилие, сковывал страх, и он возвращался, но потом пробо-вал опять и опять...

Один крупный ученый рассказывал, что в школьные годы не мог отвечать у доски — терялся, робел, мямлил... Учителя махнули на него рукой, считая неспособным. Недостаток этот мог испортить человеку жизнь, если бы человек не восстал против него сам. Как-то вышел отвечать и чувствует: терять мысль... Увидел на учительском столе кнопку, схватил, зажал в кулаке. От боли пришел в себя и разозлился — не поддамся! Первый раз отвел урок четко.

Дело, конечно, не в кнопке. Ты, Оля, понимаешь: что ни человек — то своя судьба, свои трудности и свои пути их преодоления.

Ты пишешь: «У меня совсем разные взгляды на жизнь с людьми...» За этим может стоять многое. Бывает больно, когда расходишься во взглядах с людьми близкими, с друзьями. Если уверен, что прав — защищай свои взгляды. Желаю тебе, Оля, найти себя в жизни, стать стойким и жизнелюбивым человеком.

Тим Добрый

Некоторые ребята записывают всякие смешные случаи, которые происходят с младшими братьями и сестрами, забавные их разговоры. Мы уверены, что многие из тех, у кого дома есть малыши, пришлют свои письма в НАШ ДЕТСКИЙ САД.

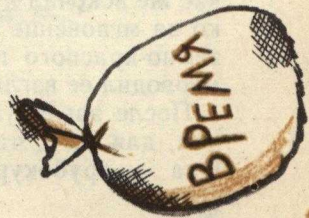
О чем наш Вова ни попросит бабушку, она отвечает:

— Никогда. Нет времени с тобой заниматься.

Однажды Вова не выдержал и говорит:

— А ты, бабушка, посиди, накопи время. Большая, а не знаешь, как быть.

Прислал Сережа Орлов,
Донбасс

— У Луны что, зубы болят? — спрашивает Коля.

— У Луны нету зубов, — говорит мама.

— А почему у нее щека перевязана?

Прислала Маша Козлова,
Москва

Леша говорит:

— Папа, а наш Джек улыбается.

— Пусть улыбается, — говорит папа.

— Да, а может, он только притворяется собакой...

Прислала Лена О.,
Северный Кавказ

Я проходила мимо детского сада и записала там такой разговор:

— Сейчас как дам! — говорит один мальчик другому, который сидел на деревянной ракете.

— А я на ракете улечу, — говорит тот.

— А я все равно дам.

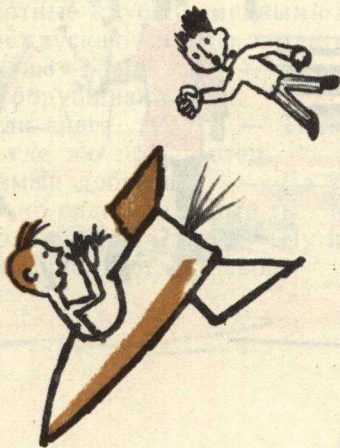
— А я уже улечу.

— А я все равно дам.

— А это не будет считаться.

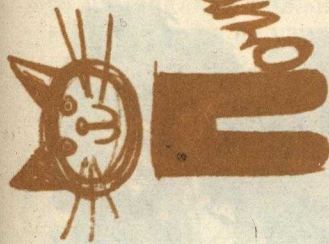
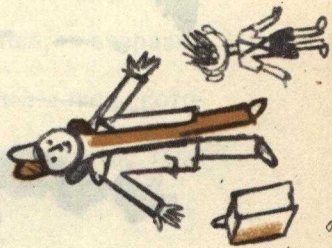
— Ну и трус, от кулака на ракете улетаешь!

Прислала Зина Шудаева
Новосибирск

Папа вернулся из очень долгой командировки. Папа: „Валя, я привез тебе игрушку!“
Валя: „Эх ты, игрушку... Я тебя ждал...“

Прислал Сева Зубов,
Алтайский край

КАРАКОТА

Здравствуй, Каракот! Я получаю «Костер» и всегда читаю про тебя. Мне тоже хочется иметь ученого кота. Когда я иду в школу, мне кажется, что со мной кот, и как мне радостно, что у меня кот! Но кота у меня, по правде, нет, у меня есть морские свинки. Их у меня три: Мальвинка, Боря и еще маленькая, ей только шесть месяцев — Маринка. Они все очень веселые. Когда я иду на кухню, за мной следом идут Мальвинка и Боря, они ученые. Я их учу акробатике. А Маринка плохо поддается дрессировке. До свидания, Каракот!

Ира Литгаревич,
Запорожье

Дорогой Каракот! Я с неугасимым терпением жду новый выпуск «Барабана». У нас прошли выборы пионерского актива. Меня выбрали звеньевой первого звена. А еще я вожатая первого класса.

Аля Бисалова,
Башкирия

ВЕТЕР В СТАРЫХ ЛИПАХ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Владимир Дмитриевский

Рисунки В. Бескаравайного

Это его владения — земля, то одетая в травы, то покрытая мягкой снежной периной. Летом она теплая и пахучая, и хорошо, разбежавшись, броситься на нее грудью и животом. Только надо сперва посмотреть, нет ли тут крапивы. Трава высокая-высокая, и если кто-нибудь пройдет в двух-трех шагах от Мити, то ни за что не заметит. Эта трава похожа на кинжалы светло-зеленой стали.

Прилетела бронзовая стрекоза и села на травинку, качнувшуюся под ее словно кованым тельцем. И так как стрекоза находилась вровень с Митиными глазами, то и ее выпуклый стрекозиный глаз стал непомерно большим. Посмотрев на Митю пристально и недоброжелательно, стрекоза вспорхнула. Митя тотчас же вскочил и побежал за ней следом. Только на мгновение стрекоза присела на лепесток темно-красного пиона и взмыла ввысь. Митя проводил ее взглядом.

После заглянул на птичник, главным образом, для того, чтобы повидать бабу Агафью. Она — трубокурка и ужасная ругательница,

но, шутка сказать, помнит еще нашествие Наполеона. Значит, ей больше ста лет. А Дуняшка — одна из многочисленных ее правнучек. Да и вся-то их Тихвинка — внуки да правнучки бабки.

Дуняшка засмеялась и показала ему язык, а Митя погрозил ей кулаком. Расхаживал по двору: руки в карманах коротких штанишек, белая матроска с квадратным голубым воротником, падающим на спину.

Возле конюшни кучер Николай прогуливал Орлика. «Желательно вам покататься, барчук?» — спросил он, крепкой рукой останавливая коня. «Ну, еще бы! Спасибо, Николай». Митя подбежал и не успел опомниться, как уже сидел на широкой, как шелк блестящей спине Орлика. «Держитесь за гриву, да покрепче!» Николай осторожно водил лошадь по двору, а потом даже пробежался немного, и Митя стал подпрыгивать, точно на пружинящем диване. От Орлика исходил крепкий и приятный запах пота. «Ну, будя... Накатались!» — и Николай осторожно снял Митю с лошади.

А вот если лечь на спину и смотреть вверх, то уж никаких божьих коровок, стрекоз и наземных жуков не увидишь.

Там — небо. Купол, накрывающий землю словно колпаком. А из чего сделан этот колпак, бесконечно меняющий расцветку? Он бывает и бледно-голубым, даже чуть зеленоватым, и такой безмерно яркой синевы, что глазам больно становится. И фиолетово-темным, почти черным ночью. А вечерами, ближе к горизонту, полосатым: желто-малиново-багровым. Иногда совершенно, как говорит папа, абсолютно, чистым — ни пылинки. А то вдруг весь в перьях или вате облаков. И они то едва заметно проползают, точно с трудом карабкаются по скользкой изнанке купола, то бегут, как фрегаты, поднявшие все паруса. А иногда там, за избами Тихвинки или Воскресенского или из-за зеленых вершин верхнего парка вырастают целые горы туч, — черные плотные клубы дыма из жерла небесной печи, они спускаются чуть не к самой земле, почти задевают вершину царицы-ели и шпиль башни и обрушивают на землю потоки дождя, града или снега... И тогда Митя спрашивает себя — где же прячется в это время господь, тот самый добрый белобородый старик, который прочно сидит на пушистом облаке под самым куполом церкви? Вообще с постоянным местопребыванием бога

все очень неясно. Он, как известно Мите, вездесущ, всемогущ, невидим, неслышим да еще триедин: бог-отец — бог-сын — бог-дух святой. Но почему же тогда с него сделано столько портретов?

...Отец как-то сказал:

— Давай-ка погуляем, мальчик. Смотри, какая отличнейшая погода, а до обеда уйма времени.

— С большим удовольствием, папа, — вежливо согласился Митя.

Он был и на самом деле рад — не столь уж часто отец снисходил до общения с Митей, так сказать, с глазу на глаз. Но мог быть и какой-нибудь подвох, отец на такие шутки мастер.

— Куда пойдем, папа? — спросил Митя.

Отец неопределенно взмахнул рукой...

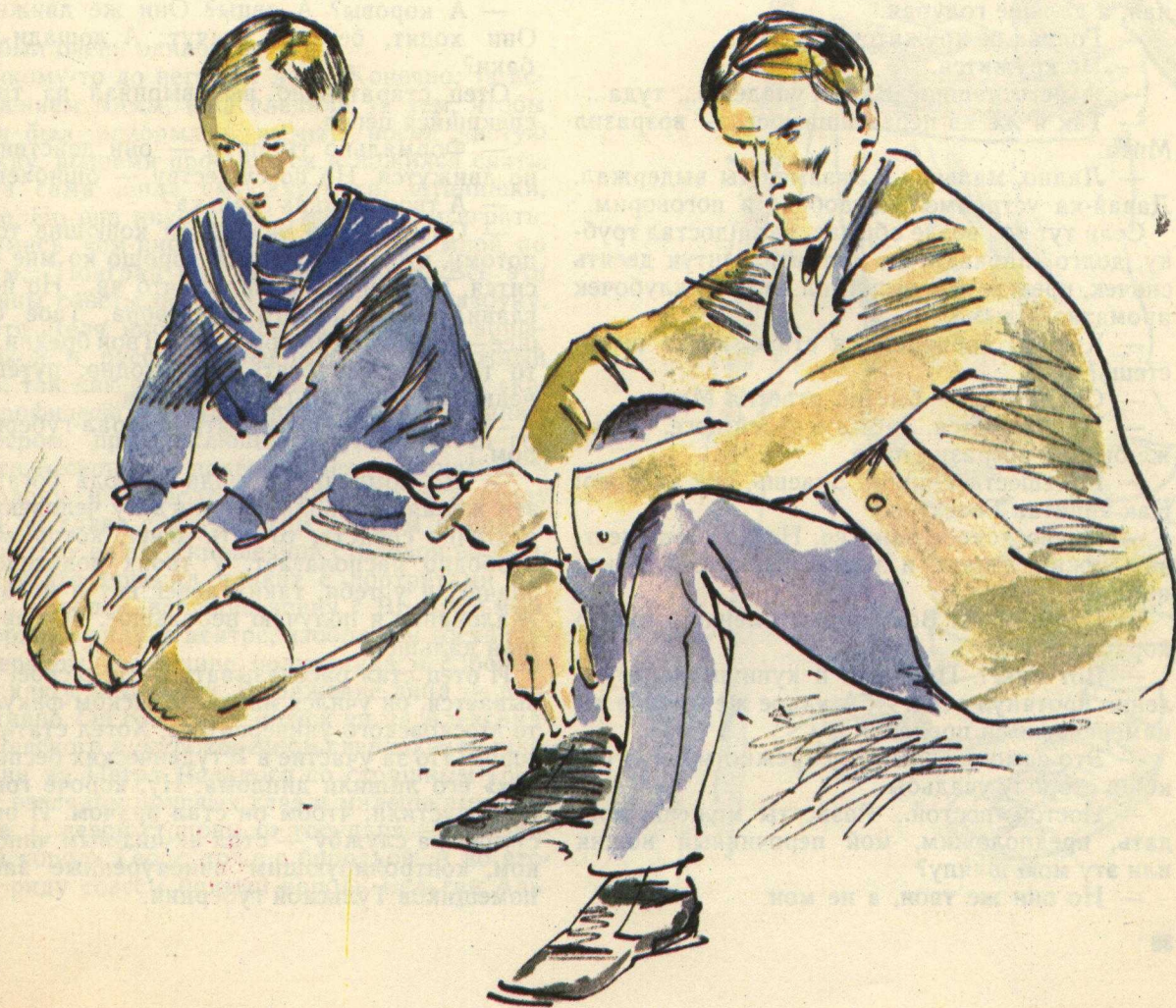
Фасадом к реке как бы разворачивалась деревня с немногочисленными избами под соломенными крышами, сараюшками и торчащими из земли грибовидными верхушками погребов.

— Вот и Тихвинка наша! — воскликнул Митя.

— Тихвинка, да только не наша, — возразил отец.

— Да там же и винокуренный завод, который ты... кон-тро-ли-руешь...

— Ну и что из этого? Это не мой и не твой завод.

Дорога карабкалась вверх и еще задолго до окраины села достигла наивысшей точки — самой головы холма со склоном, отвесно падающим вниз, к самому берегу Роски. Стоя на вершине холма, можно было наблюдать округу почти так же, как с колокольни или башни.

— Ты боишься высоты? — спросил папа.

— А чего ее бояться.

— У некоторых кружится голова, тошнота подступает к горлу. Ведь люди — не птицы!

— Летают же на воздушных шарах и аэропланах!

— Ну, это совсем другое дело... Значит, ты не боишься?

— Нисколько.

— Расчудесно, мальчик. И мы это немедленно проверим, — сказав так, папа шагнул к самому краю обрыва и, чтобы ветер не сорвал шляпы, снял ее, положил на траву и прижал тяжелой своей тростью... — Подойди сюда. Ближе, ближе... Стань рядом со мной и смотри вниз. — Папина рука привычно легла на плечо Мити.

«Пожалуйста, если ты хочешь, я буду смотреть вниз. Могу даже целый час смотреть, только тебе надоест стоять так долго», — подумал мальчик и стал смотреть вниз.

Ничего особенного, необычайного и удивительного он не увидел. Пылила дорога вслед за медленно двигавшейся телегой. По речному берегу там и здесь наклоняются к воде плакучие ивы. И вода у берега вроде бы темно-зеленая, а дальше голубая.

— Голова не кружится?

— Не кружится.

— А не страшно? Вдруг упадешь... туда...

— Так я же не перевешиваюсь, — возразил Митя.

— Ладно, мальчик... Экзамен ты выдержал. Давай-ка устроимся поудобнее и поговорим.

Сели тут же, возле обрыва, папа достал трубку, долго набивал ее, истратил штук десять спичек, прежде чем выпустил изо рта клубочек ароматного дыма.

— Кем ты собираешься стать, когда вырастешь?

— Солдатом, — быстро ответил Митя.

— Не получится. Забыл о своей ноге, — так же быстро возразил папа.

— Путешественником. Знаешь, как здорово! Как капитан Гаттерас.

— Превосходное занятие. Но для путешественника нужны деньги, и замечь, мальчик, деньги немалые.

— Подумаешь! Вот продам имение и куплю корабль.

— Вот как?! Продашь и купишь, — изумленно протянул отец. — А какое же имение ты намереваешься продать?

— Это самое, — Митя небрежно махнул рукой в сторону усадьбы.

— Постой, постой... Разве ты можешь продать, предположим, мой перочинный ножик или эту мою шляпу?

— Но они же твои, а не мои.

— Вот именно! Так почему же ты собираешься продать имение, которое принадлежит не тебе, а другим?

— Другим? Я же в усадьбе живу.

— Наша кухарка Авдотья тоже живет в усадьбе. И кучер Николай... И еще десятки людей.

— Они же прислуга, а я — барчук.

— Ты — остолоп! — вдруг рассердился папа. — Прошу тебя, послушай и запомни то, что я сейчас скажу, и постарайся не перебивать. Имение, в котором ты живешь, принадлежит Николаю Александровичу Елагину.

— Ну да, оно дяде Коле по наследству досталось. Я знаю. Мне мама рассказывала. И...

— Да помолчи ты... Итак, заруби на носу, что имение принадлежит не мне, не твоей маме, даже не твоей уважаемой тетушке Ольге Александровне, а именно их брату, офицеру Измайловского полка, проживающему в Санкт-Петербурге. Понятно тебе то, что я говорю?

— А флигель?

— Что «флигель»?

— Но флигель-то, в котором мы живем, наш? — с надеждой спросил Митя.

— Никким образом. Флигель — часть принадлежащего твоему дяде недвижимого имущества.

— Что значит недвижимого?

— Гм... Как бы объяснить тебе попроще? Земля, с ее полями, лугами, парками и садами. Постройки на этой земле...

— А коровы? А овцы? Они же движимые. Они ходят, бегают, скачут. А лошади и собаки?..

Отец старательно выковыривал из трубки спекшийся пепел.

— Формально ты прав — они действительно движутся. Но по существу — ошибаешься.

— А твоя лошадь Манька?

— Она стоит в усадебной конюшне только потому, что твоя тетушка хорошо ко мне относится. В роли приживалки, что ли... Но не это главная тема нашего разговора. Твое будущее — вот что меня тревожит. Твои бредни, буд-то ты сможешь стать кем угодно: путешественником, генерал-губернатором...

— Я вовсе не хочу быть генерал-губернатором...

— Да помолчи ты, ради господ бога! Все эти желания исполнимы, когда у человека достаточно средств, то есть денег, которыми он свободно располагает. У твоих родителей, а значит, и у тебя, таких денег нет и не будет. Жалование я получаю небольшое. Теперь слушай дальше.

И отец стал рассказывать Мите о себе. Оказывается, он учился на медицинском факультете Московского университета. Хотел стать доктором. Но за участие в «студенческих беспорядках» его лишили диплома. Ну, короче говоря, не допустили, чтобы он стал врачом. И он поступил на службу — стал ак-циз-ным чиновником, контролирующим винокуренные заводы помещиков Тульской губернии.

— Я не вечен, мальчик. Мне пятьдесят два года. Придет время, и ты останешься совсем один на этой земле. Поэтому тебе необходимо учиться. Хорошо учиться. И получить профессию...

Они молча возвращались в усадьбу. Папа впереди, небрежно опираясь на тяжелую трость, с трубкой в зубах. Митя чуть позади, вдыхая аромат легких клочьев табачного дыма. Он возвращался в чужую усадьбу, чтобы поспеть к обеду в чужой большой дом.

Правда, Митя еще спросил у мамы:

— Это не наш флигель, мама, в котором мы живем?

— Почему же, Митя, он не наш? — удивилась мама. — Конечно. наш, пока мы в нем живем.

И у бабушки:

— Скажи, бабушка, все, что кругом: двор, большой дом, палисадник, оба парка совсем, совсем не мои?

— Бог с тобой, Митюшенька! — воскликнула бабушка. — Ведь эта усадьба принадлежит Коле, а он твой родной дядя.

Но ответы эти, словно резиновый мячик от кирпичной стены, сразу же отскочили от всего, что рассказал ему папа.

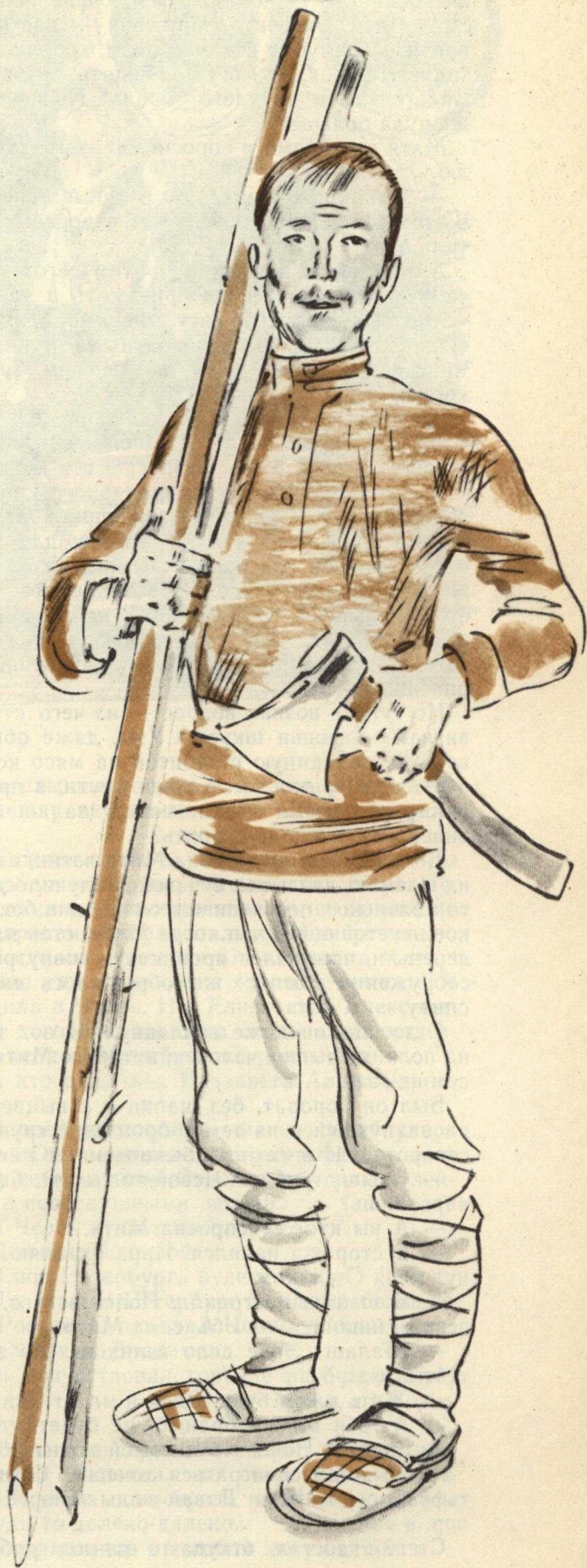
С тех пор Митя неловко чувствовал себя на этой ему не принадлежавшей земле. Каждый шаг, который он по ней делал, похож был на попытку тайно утащить из вазы лишнюю конфету.

Он был очень одинок.

Никому-то до него нет дела. Конечно, за исключением мамы. Она следила за тем, чтобы Митя был накормлен, вымыт, носил чистую одежду, вовремя просыпался и ложился спать. Мама сама шила ему курточки, штанишки, белье. Но она никогда не умела с ним играть. «Займись чем-нибудь... Не ходи за мной по пятам... Поиграй или возьми книгу». Все эти мамини советы он знал наизусть, как азбуку.

Тетя Леля иногда занималась с ним арифметикой и русским языком. Но не каждый день, так как дела усадьбы находились в «катастрофическом состоянии». Почему-то война с кайзером, продолжающаяся уже третий год где-то бесконечно далеко, имела отношение и к молоку, и к маслу, и к коровам, и к стаду овец во главе с круторогим черным бараном.

На одну из стен крошечной столовой во флигеле Митя повесил плакат с портретами царей и королей, ведущих войну с Вильгельмом. В верхнем ряду, в центре, изображен государь-император, в мундире полковника и с бородкой, как у дяди Коли. Выражение лица — растерянное. Он совсем не похож ни на Александра Невского в острокопечном сверкающем шлеме, ни на Петра Великого со страшным грозным взглядом круглых глаз и маленькими усиками. С левой стороны от государя — английский король Георг, тоже с бородкой. А во втором ряду совсем бритый король Бельгии Аль-

берт и два усача: сербский король Петр и черnogорский — Николай. Усачи очень понравились Мите. Он считал, что они — настоящие вояки. Почему же все они: цари, короли и президенты никак не могут победить сухорукого Вильгельма и дряхлого Франца-Иосифа? Их же куда больше!

Митя так прямо и спросил об этом тетю Лелю.

— Бездарные министры и тупые генералы. В этом все дело, — совсем как взрослому ответила она.

А с папой не поговоришь, этим летом он почему-то вовсе перестал приезжать в усадьбу.

Митя прочитал книгу Фенимора Купера «Пионеры» и решил превратиться в индейца Чингачгука и воздвигнуть «вигвам Одинокого Вождя».

Где? Ну, понятно, в верхнем парке, лучше всего на поляне, возле большой сосны. С трех сторон — стена буйно разросшегося кустарника. Бузина словно после проливного красного дождя — в алых бусинках. Орешник хорош для изготовления боевого лука. А место для вигвама — вот оно: под раскинутыми в разные стороны лапищами сосны. Ее медно-розоватый ствол в чешуйках подсохшей коры надежно оберегал тыл. Место для костра тоже нашлось — посередине полянки, совершенно безопасно.

Но тут же возник вопрос — из чего строить вигвам? Бизоньи шкуры? Увы, даже обыкновенную, содранную с забитой на мясо коровы ему никто не дал бы. Как ни крути, а придется строить самый обыкновенный шалаш. А кто знает, как его надо строить?

До седьмого пота рубил Митя ветки, втыкал их в землю, связывал бечевой. Получилось нечто маленькое, перекосившееся на один бок и такое неустойчивое, что когда Митя, став на четвереньки, попытался проникнуть вовнутрь, все сооружение тотчас же обрушилось ему на спину.

С досады он даже всплакнул. И вот тут-то на полянку вышел человек, которого Митя совсем не знал.

Был он бородат, без шапки и в выцветшей, распахнувшейся на темно-бронзовой груди косоротке. И в самых обыкновенных лаптях.

— Слышу, рубят... Чевой-то ты тут, барчук, варганишь?

— А вы кто? — спросил Митя.

— В сторожа нанялся. Парк охраняю. Кличет меня Степаном.

— Я шалаш построил... Полез в него, а он весь развалился, — объяснил Митя.

— Шалаш? Экое дело великое... Да зачем тебе шалаш?

— Жить в нем буду. Один.

— А тебя мамка бранить не будет?

— За что? Ночевать я домой ходить буду.

— Выходит, поиграться хочешь? Шалаш — тьфу. В сей момент. Давай сюды топор. Не топор, а оказия.

Степан достал откуда-то из-под рубашки

брусочек, поплевал на него и стал точить топор. Джик... джик... джик... Митя, как зачарованный, смотрел на быстрые и сильные движения тяжелых рук. Джик... джик... джик...

Степан попробовал острее на ногте, хмыкнул, постукал топором по стволу сосны.

— Подожди, барчук. Пойду шесты искать.

«В лесу раздавался топор дровосека...» Митя нетерпеливо ждал, уже предназначая Степану роль бледнолицего друга Одинокого Вождя.

Степан вернулся, придерживая на плече три длинных прямых шеста. Обтесав и заострив концы, он с помощью все того же топора врыл их в землю. Спросил:

— Велик делать шалаш аль поменьше?

— Ну, такой, чтобы помещаться. Может кто в гости зайти... Или от дождя спрятаться.

— Понятно. За веревочкой сходить придется.

— У меня есть бечева. Целый моток.

— Ишь, запасливый! Давай-ка ее сюды.

У дядки Степана руки, которых все слушается. И топор, и большой складной нож в деревянном черенке, и бечевка, и ветки, которые он кладет аккуратно, как карты в пасьянс. На глазах у Мити вырастает совершенно замечательный шалаш. И что самое удивительное, он похож на настоящий. Только крыт не бизоньими шкурами, а еловыми ветками и сверху еще дерном.

— Ну, как, Митрий, нравится тебе шалашок?

— Еще как нравится! Спасибо, дядя Степан. Я бы ни за что такой не сделал.

— Так я же в прежние-то времена плотничал. Ну, а после в солдаты забрали и на фронт. Германец меня в грудь пулей ранил. Почти до смерти. Я в госпиталях пять месяцев провалялся. А как поднялся — в чистую меня из-за повреждения легких.

Чтобы закрепить дружбу, Митя предложил развести костер.

— Так у индейцев положено. Сидят у костра и курят трубку мира, — пояснил он.

— Костерок запалить — дело плевое. А к трубке не привык. Да и тебе, барчук, трубка вред принести может.

— Да мы понарошке. Возьмем палочку, буд-то бы трубка мира.

Они сидели, сложив по-турецки ноги, друг против друга и смотрели на разгорающийся костерок.

— Расскажите мне о войне, — попросил Митя. — Как вы там германцев побеждали.

— Тут, брат, загвоздка, — задумчиво молвил Степан и даже почесал затылок. — Мы, конечно, их били, но и они долг с лихвой выплачивали. И понимаешь, дело-то какое... Он палит по нас без жалости, а мы с оглядкой. Потому, патронов маловато. Зато вшей в достатке. А насекомая не пуля. Ею немца не пришибешь. А офицеры ругаются и чуть что, норовят в личность кулаком заехать. А кулак в перчатке. Чтобы офицерские пальчики в целости сохранить...

Конечно, к обеду Митя опоздал и получил соответствующий нагоняй от мамы.

— Негодный мальчишка! Одно только беспокойство... Где ты пропадал?

— Строил вигвам. Вернее, дядя Степан мне его построил.

— Что еще за дядя Степан? — строго спросила мама.

— Он — сторожем в верхнем парке. Он и на войне был. Георгия за храбрость получил. — И видя, что морщинка на лбу у мамы разгладилась, тут же поторопился изложить ей свой новый взгляд на войну. — Это совсем не так, как на картинках... Понимаешь, мамочка, целыми месяцами сидят солдаты в окопах по пояс в грязи! И стреляют в немцев, если есть пули. А пуль-то, оказывается, очень мало... И за это офицеры бьют их по щекам или дают зуботычины. И еще там тысячи этих самых... ну, вошей!

Руки мамы взлетели к вискам.

— Боже мой, Митя! И все это рассказал тебе сторож?

— Но у него Георгий и пуля в легком. Он мой самый лучший друг.

— Как все-таки жаль, что у тебя нет сверстников!..

— Через несколько дней мы с тобой уезжаем в Чернь, — объявила мама совершенно обычным голосом, так, как если бы сказала: через час пойдем ужинать.

Митя слышал кое-что из разговоров на этот счет между взрослыми. Тетя Леля говорила маме:

— Поживи с Митей в Черни, тем более что ему пора уже серьезно учиться... А к лету... Ну, ты же сама видишь, что никто и ни от чего не гарантирован. Вчера спалили Мещерских...

— А где мы будем жить? — спросил Митя.

— Нас уже ждет очень хорошая комната. Я же ездила в Чернь. И с Елизаветой Александровной договорилась. Она согласилась подготовить тебя в первый класс реального.

— А кто она, твоя Елизавета Александровна?

— Скорее уже твоя, — мягко улыбнулась мама. — Она замечательная учительница, дает уроки у себя на дому. Строгая, но только с лентяями и непослушными детьми.

— А Чернь — большой город?

— Не очень большой.

— В пол-Петербурга будет?

— Ну, что ты! Петербург — самый большой город России. Столица. А Чернь — один из самых маленьких. Вроде села.

Митя почувствовал горькое разочарование.

— Значит, там и цирка нет? Мама, я в Чернь не поеду.

— А разве я спрашиваю тебя: хочешь или не хочешь? Сказала, что скоро едем, вот и все. — И мама посмотрела на Митю и сквозь него куда-то далеко-далеко.

— А солдатиков я с собой могу взять?

— Можешь. Отбери свои лучшие книжки и игрушки.

Недавно вечером, едва лишь погасла заря и небо стало ровным и темным, как раз в том месте, где спряталось солнце, вновь полыхнуло красным, как будто пламя костра то вздымалось и трепетало на ветру, то опадало, чтобы вновь с еще большей яркостью карабкаться по небосводу.

Митя уже раздевался, ибо приближался тот самый, нелюбимый им час, когда все должен был прервать сон.

Пришла мама. Лицо ее было бледным, голос непреклонным.

— Одевайся, Митя, и, пожалуйста, поскорее.

— А куда мы пойдем? — спросил Митя, торопливо зашнуровывая ботинки.

— Пока в большой дом. Где твоё кашне?

— А почему ты сказала «пока»? Значит, потом еще куда-нибудь?

— Перестань меня допрашивать. — Руки мамы, когда она укутывала шею Мити шерстяным кашне, дрожали. А в окне все, то вздымалась, то опадая, бушевала странная заря.

— Это у Урусовых. Подожгли. Ну, ты готов?

В гостиной собрались все обитатели большого дома.

— Лошади готовы, а Чернь, слава богу, не за горами. С мужиками, если они и к нам придут, буду разговаривать я, — сказала тетя Леля. — Надеюсь, и на сей раз все обойдется мирно.

Тут все заговорили разом, убеждая тетю Лелю не поступать безрассудно. Тетя Леля несколько не поддавалась и стояла на своем. Ку-

чер Николай несколько раз уходил на разведку и сообщал, что пока все спокойно. Перед рассветом тетя Леля приказала распрягать лошадей, и все разошлись по комнатам.

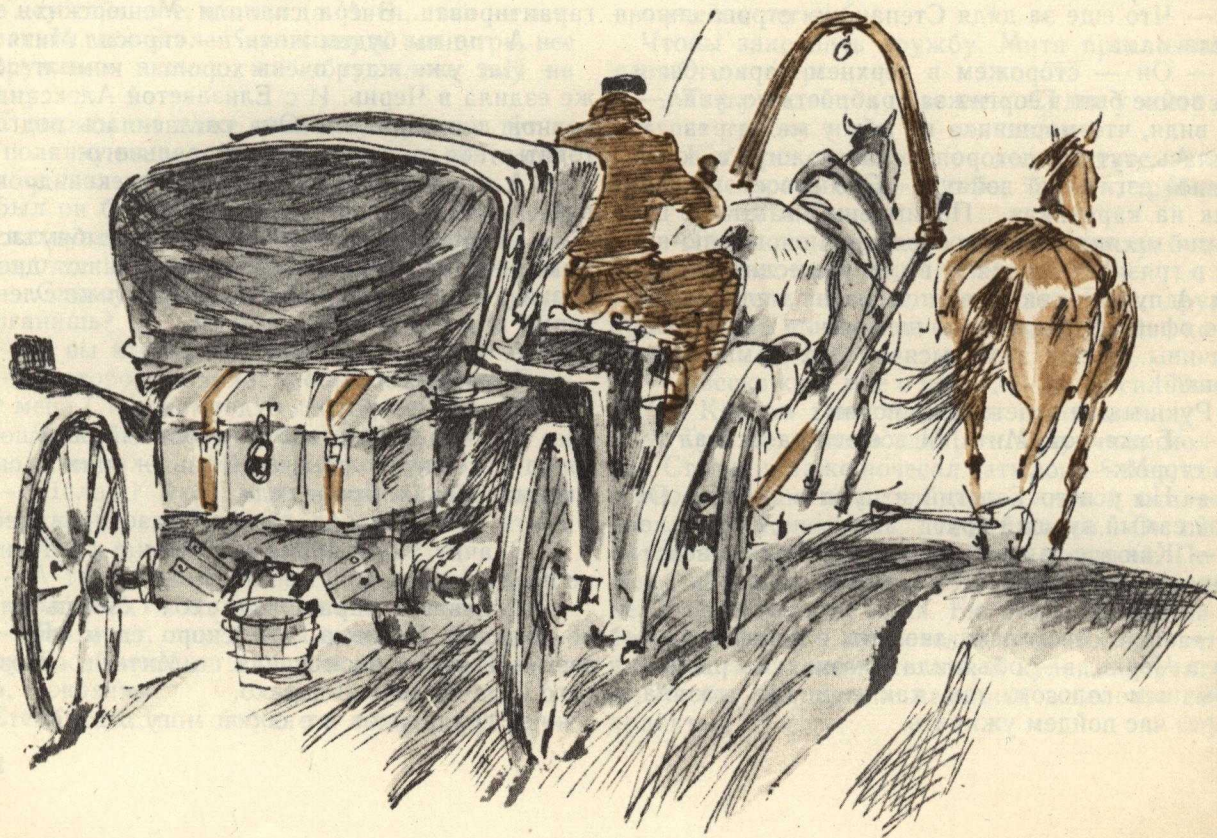
Но, как представлялось Мите, именно в этот вечер, вернее, в эту ночь, решился вопрос о переезде в Чернь.

...Августовский день, в утренние часы такой солнечный и прозрачный, неожиданно собрал все тучи, долго притворявшиеся простыми облаками, стиснув их в кулаке, обрушил на землю ливень.

Ехали в открытой коляске, а тут пришлось остановиться и поднять верх. Дождь барабанил по натянутой толстой коже оглушительно. Митя пробовал перекричать грохот, но мама прижала ладонь к его губам — лучше помолчи.

Так и въехали в Чернь, на первый взгляд показавшуюся Мите обыкновенной деревней. Грязища страшная. Лошади перешли с рыси на шаг и едва вытаскивали ноги из липкого глинистого месива. Попетляв по трем-четырем кривым и узким улочкам, коляска выбралась, наконец, на более широкую, с двухэтажными домами, среди которых были даже кирпичные. Замелькали вывески с наmaleванными на них громадными калачами, винными бутылками, отутюженными брюками. Левее соборной церкви, перед фасадом длинного приземистого амбара, грудились телеги, укрытые от дождя рядом, армяками и тряпьем. Лоснящиеся мокрые лошаденки стояли, уныло расставив ноги, а хозяева прятались под телегами. На базаре у прилавков с навесами сейчас не было никого.

По короткой поперечной улице поднялись чуть повыше, повернули направо и уже рысью,

с шиком подъехали к угловому дому, одноэтажному, кирпичному, с большими окнами.

— Вот и добрались, — сказала мама. И перекрестилась.

Какой-то он будет, этот дом, подумал Митя, выпрыгивая из коляски.

На крытое железом крыльцо вышли две женщины и мальчик. Женщины приветливо улыбались, а мальчик впился взглядом в Митю.

— Здравствуйте, здравствуйте, Софья Александровна... А мы уже думали, не приедете сегодня. Такой дождь!

— Здравствуйте, Лидия Эдуардовна... Это мой сын — Митя.

Митя шаркнул ножкой и склонил голову (уроки тети Лели!).

— О, да он у вас совсем взрослый мужчина. Шурик, познакомься с Митей. Надеюсь, вы будете дружить.

Митя пожал робко протянутую ему руку, нежно и слабо, как у девочек.

— А это — Наташа, — сказала Лидия Эдуардовна. — Она учит моего сына.

Стройная смуглолицая девушка весело, по-свойски улыбнулась Мите и тряхнула его руку.

Устраиваться почти не пришлось. Все уже было устроено. Комната оказалась просторной, угловой: одно ее окно как бы стало рамкой для церкви, а другое глядело на улицу.

Умывальник с тяжелой мраморной доской и такой же чашей стоял в углу так прочно и величаво, что показался Мите главным хозяином комнаты.

Вытирая руки, он спросил:

— Та, другая женщина, которую зовут Наташей...

— Натальей Алексеевной, — перебила мама.

— Я же просто забыл, мамочка. — Она... то есть Наталья Алексеевна служит у них гувернанткой?

— Ты имеешь в виду Шурика Функендорфа?

Да, Наталья Алексеевна служит у них гувернанткой.

— Значит, они богатые? Дом. Гувернантка...

— Никогда не считаю чужие деньги. И тебе не советую. Ты готов? Причешись.

Они ели обед из четырех блюд, приготовленных кухаркой под наблюдением Наташи... то есть Натальи Алексеевны. Все блюда показались Мите необыкновенно вкусными.

— Наташа — мастерица придумывать всякие соусы и подливки, — говорила Лидия Эдуардовна маме. — Суп из топора и то так приготовит, что пальчики оближешь! А мне совершенно, ну совершенно, Софья Александровна, безразлично, что кладется в мою тарелку. Я почти не ем.

— Доктора? — заговорщицки улыбнулась мама.

— Нет. Я здорова, но просто не люблю есть.

Вот тебе и раз, думал Митя, исподволь разглядывая хозяйку дома. Если она ничего не ест, то должна бы быть как мумия. А у нее и щеки и шея довольно полные, только какие-то бело-желтые. На лице ни одной морщинки; а глаза такие же большие, как и у Шурика, но тусклые... Очень неподвижное лицо! А вообще-то говоря, Лидия Эдуардовна — высокая, стройная, с прямыми плечами, а голову с гладкой прической светлых волос чуть закидывает назад... Молодая или не очень?..

Но тут Шурик едва слышно спросил:

— Будешь играть со мной после обеда?

— Буду, если только мама не заставит уstraиваться.

Мама услышала:

— Можешь поиграть с Шуриком. Обойдусь без твоей помощи.

И когда съеден был крем с подливкой из малинового варенья, Лидия Эдуардовна сказала:

— Можете играть в папином кабинете. А мы еще посидим.

Кабинет очень большой. Пол покрыт пушистым голубым ковром. На стене еще один ковер в белых и зеленовато-голубых разводах. Он спадает на широкую тахту. На противоположной стене развешено оружие: несколько охотничьих ружей, сабли, кавказские кинжалы... Но Шурик не дает Мите подробно рассмотреть весь этот великолепный арсенал. Ему не терпится.

— У тебя есть солдатики?

— Есть.

— И у меня есть. Много. А ты очень сильный?

Сказать, что очень сильный — значит хвастаться.

— Пудовую гирию выжимаю. Только... двумя руками.

— Ого! Давай поборемся. На перехват!

Схватываются. Шурик слабенький. Митя прижимает его к груди, перегибает и валит на лопатки. Ковер мягкий. Шурик несколько не обижен, хохочет и, вцепившись в Митю, катается по ковру. Чуть задышавшись, они встают.

— У тебя болит ножка? — сочувственно спрашивает Шурик.

— Совсем не болит. Она у меня такая от рождения.

— А бегать ты можешь?

— Ого! Еще как... Только не в такой обуви. В сандалиях или тапочках.

— А где твой папа?

— В Туле. Он там служит. А твой?

— Мой папа сейчас в бегах.

— Как это, в бегах? — Мите представился его отец, при бороде, в фетровой шляпе, ритмично помахивающий руками и бегущий по пыльной проселочной дороге... И он засмеялся.

— В бегах, и все тут, — с некоторой обидой в голосе пояснил Шурик. — Ведь мой папа полковник.

— А разве он не на войне?

— Нет. Он в бегах. От кого-то прячется. Так говорила мама.

Очень все это странно. Зачем бы взрослому человеку, да еще полковнику, прятаться?

— Смотри, сколько у него орденов, — говорит Шурик и подбегает к письменному столу в глубине комнаты. Смело открывает верхний ящик, роется в нем и выбрасывает на стол горсть разных орденов. Тут и Владимир, и Анны, и Станиславы.

— Видишь, сколько он их за храбрость получил?

Если он такой храбрый, то почему же не воюет? Совсем уже непонятно...

— У меня тоже один орден есть. Мой. Хочешь, покажу? — И Митя выбегает из кабинета и врывается в свою комнату. Мамы нет. Он открывает жестяную коробку с оловянными солдатиками и берет оттуда нечто тяжеленькое, старательно завернутое в бумажку. И опять в кабинет.

— Бухарская звезда, — уверенно говорит Митя, хотя, может быть, она и персидская, и

кладет на стол большущий серебряный орден с темно-зеленой эмалью, испещренный непонятными значками в центре. — Ее мне отдали, когда умер дедушка.

— Вот это да! — Глаза Шурика горят восхищением. — Можно?

Он прицепляет бухарскую звезду к своей коричневой бархатной курточке и гордо выпячивает грудь.

— Давай меняться. За твой я отдам тебе три, да хоть пять папиных крестов. Ну, пожалуйста!

Гм... Эти Владимир и Станиславы тоже довольно красивы.

— Но это же не твои ордена, а твоего папы.

— Папа же в бегах. А мама давно уже разрешила играть в его ордена.

— Ну, если только на время... — почти соглашается Митя.

— Можно и на время, а то и насовсем. Давай! — настаивает Шурик.

Сделка состоялась. На груди у Шурика остается большая серебряная звезда, а Митя прячет в карман одного Владимира, две Анны и два Станислава.

Потом они играют в Шуриных солдатиков и не замечают, как убегают низкие черные тучи, проходит дождь, и вот уже засверкала, заискрилась бухарская звезда на груди у Шурика, едва тронутая лучом солнца. И тут же за окном стук копыт.

— Мама, — говорит Шурик.

Они подбегают к окну. На сером в яблоках тонконогом коне, одетая в синий костюм и цилиндр Лидия Эдуардовна. В правой ее руке в белой лайковой перчатке уздечка, в левой — стек.

— На Ундине. Это арабской крови лошадь. Мама ее очень любит. Теперь до самого вечера не вернется... Тебе надоело в солдатиков? Может, порисуем или еще что придумаем? Я все один да один... С этой Наташкой.

— А разве она плохая? — Мите вспомнилось улыбающееся смуглое лицо с ямочками на щеках. — Мне показалось — веселая и совсем не похожа на гувернантку.

— Да, неплохая... Учат меня. Книжки вслух читает. А в солдатиков с ней не поиграешь. — И с мольбой в голосе: — Давай дружить! Очень тебя прошу.

И Митя великодушно соглашается.

— Как тебе понравился Шурик? Хорошо поиграли? — спросила мама.

— Понравился. Только очень уж слабенький. Я его мигом на обе лопатки бросил. — Митя выпотрошил карман и разложил перед мамой пять приобретенных крестов. — За одну мою бухарскую звезду. Здорово?

Но маме этот обмен решительно пришелся не по душе.

— Чьи эти ордена?

— Ордена Шурикова отца...

— Ну, видишь! Как же ты мог...

— Но его отец в бегах.

Мама недоуменно приподняла брови.

— На бегах? На каких бегах?

— Мамочка, ты не понимаешь... Он не на бегах, а сам в бегах, то есть от кого-то прячется. Мне все Шурик объяснил. Его отец — полковник. Как дядя Коля.

Мама чуть прикусила нижнюю губу и секунду думала.

— Сделаем так, — сказала она. — Я верну эти ордена Лидии Эдуардовне, извинюсь перед ней за твою... поспешность. А Шурик пускай поносит немного твою бухарскую звезду.

— Ему звезда, а мне фига с маслом?

— Ты дашь ему звезду только поносить. И неужели ты сам не понимаешь, что поступил неправильно, взяв у Шурика ордена?

Митя понуро опустил голову.

Иногда он гулял по городу вместе с Шуриком и Натальей Алексеевной, но чаще один.

До начала занятий оставались считанные дни.

Вернувшись как-то к обеду, Митя застал маму заплаканной.

— Случилось большое несчастье, Митя, — не дожидаясь вопроса, сказала мама. — Крестьяне сожгли усадьбу...

— И флигель?

— Все. Дотла.

Мама плакала. Заплакал и он.

— Теперь у нас, Митенька, осталось только то, что здесь.

Он подумал о сгоревшей плюшевой макее и о книгах, которые не взял с собой... Лодка «Наutilus», наверное, тоже сгорела...

— Приехала тетя Леля. Пообедаем и пойдем к ней. Она остановилась у Зеленовых.

В отличие от мамы, глаза у тети Лели были сухими и лицо словно из камня. Рассказывала подробно и совершенно спокойно, как все произошло.

Пришли поздно вечером. Около одиннадцати. И тихвинские, и воскресенские, и совсем чужие. У некоторых были винтовки. Тетя Леля вышла на крыльцо и спросила, что они хотят. Тихон Роднев, внук бабки Агафьи, сказал ей: «Тут, барышня, такое дело... Имению теперь конец. В наши руки оно переходит. Собирай, барышня, свой багаж. Но только поторопись, а то как бы чего не вышло!»

Тетя Леля стала уговаривать крестьян, чтобы не жгли постройки в усадьбе: «Вам же самим пригодится». Но уже выводили лошадей из конюшни и вытаскивали мебель из большого дома. Тетя Леля собрала кое-что из одежды, несколько фотографий из бабушкиной комнаты, ну и еще всякие мелочи. А Николай запряг Орлика, помог снести чемоданы, привязал их веревкой к дрожкам и поехали... И уже с горки, что перед Воскресенским, видны стали первые сполохи пожара, занявшегося за темной стеной старых лип.

Большие пожары не унимались. Вспыхивали то там, то здесь.

И так по всей России.

Лиза, Лиза, Лизавета,

Я люблю тебя за это,

И за это, и за то,

И за драпово пальто!

Двенадцать мальчишек разного возраста, чинно сидя за длинным столом, накрытым клеенкой в фиолетовых и синих чернильных разводах, пели эту песенку шепотом, едва шевеля губами.

Пел ее и Митя, сидевший по левую сторону стола с младшими: Сережей Гельфрейхом, длинношеим Колькой Душаком, у которого голова похожа на одуванчик, с Лешей Розенбергом — сыном аптекаря. Пел и сам пораженный своей отваге. Ведь Елизавета Александровна должна была вот-вот появиться.

За верхним, «красным» углом стола, в позах более небрежных разместились старшие: Жоржик Скребицкий, Сережа Палилов, братья-близнецы Рене и Пьер, настоящие французы, каким-то чудом оказавшиеся в Черни, и Стас Михайловский.

— Ты не очень-то, — дружески посоветовал Леша, чуть наклоняя чернявую голову к Мите. — Знаешь, какой у нее слух. Издали по голосу узнает и... оплеуха! — Леша Розенберг с первого дня принялся опекать Митю: когда выяснилось, что тот забыл завтрак дома, Леша по-братски разделил с ним свой: четыре огромных бутерброда с сыром и мясом и два спелых, наливных яблока.

«Школа подготовки в гимназии, реальные и коммерческие училища Е. А. Соколовой» помещалась в нижнем этаже серого деревянного двухэтажного дома. Дом стоял на главной улице и принадлежал купцу первой гильдии восьмидесятилетнему Ивану Ивановичу Соколову — мужу Елизаветы Александровны. Митя видел его однажды, когда шел на занятия; на скамеечке перед домом сидел старик в черном засаленном сюртуке и грелся на солнышке. У него длинные, совершенно белые волосы, ровненько подстриженные в скобу, и белая расчесанная борода. Он равнодушно глянул на Митю бледно-бирюзовыми глазами, затаившимися в морщинках и складках пергаментной кожи, спросил срывающимся тонким голосом: «К бабке идешь, мальчик? Вот уж пропишет она тебе ижицу!» Но в тот, в первый день начинающейся подготовки в реальное, «Лизочка» не только не «прописала ижицу», но даже ободряюще провела ладонью по Митиным волосам: «Не было у меня еще такого идиота, чтобы к экзаменам не смог подготовиться. Знаешь поговорку, что и зайца можно научить спички зажигать?»

Едва только малая стрелка больших настенных часов вонзилась в девятку, а большая дотянулась до цифры двенадцать, за стеной столовой послышались тяжелые шлепающие шаги. И двенадцать мальчишеских голов склонились над тут же раскрытыми учебниками.

— Здравствуйте, дети! — пробасила Лизочка, появляясь в дверях столовой.

Все встали и нестройно приветствовали гроз-

ную репетиторшу... Митя как новичок вытонулся в струнку. И она подошла к нему первому.

— Что у нас сегодня, Муромцев? Прилагательные, примеры на простые дроби и явление ангела Аврааму?.. Напиши-ка десять прилагательных к существительному... — она мгновенно осмотрела столовую выпученными серыми глазами, — к существительному «часы». Душак, запиши в тетрадь: твоя мать купила в лавке полфунта конфет. Посчитала, оказалось, что их семнадцать. Как их поделить поровну между тремя детьми?

— Так ведь я у нее один, Елизавета Александровна!

— Вот и слава богу. Что бы ей делать, бедной, с тремя такими дураками?!

Только с близнецами-французами вела себя Елизавета совсем по-иному. Подошла, заговорила по-французски. Да еще как! Пожалуй, лучше, чем Митина мама. Их смуглые, кареглазые и как бы двоящиеся лица растягивала задумчивая нежная улыбка. Точно каждому сунули в рот по любимой конфетине.

— Совсем хорошо, Рене. Только одна ошибка. У тебя, Пьер, две, но не очень грубые.

— Пр-р-равда, караша? — блеснул зубами Пьер. Он и Рене вполне прилично говорили порусски, но неизменно полоскали горло буквой «р», а «х» у них всегда звучало как «к».

— Врать, батюшка, не в моей привычке, — уже более сухо ответила Елизавета Александровна и стала объяснять французам что-то из области непостижимой пока для Мити алгебры.

Но вы только попробуйте представить себе эту картину! Дюжина лоботрясов за одним столом. И перед каждым своя, совершенно особая задача: Митя готовится к поступлению в третий класс Тульского реального училища, а Душак в прошлом году уже держал экзамен туда и провалился по всем предметам. Даже по закону божьему! Алеша Розенберг собирается поступать в коммерческое училище. Сережа Гельфрейх, ему пошел шестнадцатый, уже перешел в четвертый класс гимназии. Французы собираются поступать сразу в четвертый класс реального. Есть и еще три, менее выразительные личности: сын булочника Сенька Дмитриев и два его прихлебалы, Костик и Иван-левша. Здоровенные парни, но читают чуть не по складам, хотя в законе божьем во как сильны!

А она, Елизавета Александровна Соколова, — одна на всех.

Переваливаясь с боку на бок, как утка, шлепая вдребезги разношенными бархатными ночными туфлями, в выцветшей кофте-распашонке с засученными рукавами — хлоп по затылку — как это там у боксеров?.. Ага! И нокаут...

— Ты выучил стихотворение, Муромцев?

— Выучил, Елизавета Александровна.

Митя стал в позу и что есть мочи проорал:

— Я царь земных царей и вождь Ассаргадон...

Одиннадцать пар глаз оторвались от книг и тетрадей и уставились на него.

— Но ты же не Ассаргадон, а мы не твои подданные, — решительно перебила Елизавета Александровна. — В три раза тише и не столь выразительно.

— «Я исчерпал до дна тебя, земная слава», — менее уверенно и не слишком внятно сообщил Митя.

— Садись. Вижу, что выучил. Душак!

— Птичка... — Колька кашлянул и закрутил головой. Светлые редкие волосенки встали дыбом. Вот бы дунуть!

— Что же случилось с этой птичкой? — зловеще осведомилась Елизавета Александровна. — И не верти головой.

— Она... она... птичка божия... и... и... она, это самое, ни заботы, ни труда...

— Совсем как и ты, Душак. Садись. Единича.

До двенадцати слышался только скрип перьев: «№ 86», «полурондо», серебристо-белых, вроде кончика стрелы, и обыкновенных, тех, что быстро ржавеют и противно царапают бумагу. Легко шелестели переворачиваемые страницы. Кто-то пыхтел. А на Кольку Душак напала икота.

Но вот пробило двенадцать. Елизавета Александровна, переваливаясь, направилась во внутренние покои пить кофе, к которому питала непреодолимую страсть.

— Можете шуметь, но в меру. — И предупреждающе: — А то Иван Иванович очень рассердится.

Наступил долгожданный получасовой перерыв у двенадцати голодных волков. Стали терзать приготовленную мамами и бабушками пищу.

И тут Сережа Гельфрейх, едва не подавившись, крикнул:

— Надо немедленно собрать шайку «Черных дубин»!

Раздались голоса:

— Почему черных, а не голубых или желтых?

— Чер-р-ный флаг пиратов.

Это — Рене.

— Кор-р-сары Чер-р-ного мор-ря! — Это тотчас же откликнулся Пьер.

— Штаб на нашей горке, — воодушевился Колька. — Там и пещерка есть. Я буду есаулом.

— Эх, и ничего-то вы не поняли, — огорченно сказал Сережа.

— Мы кулаками обходимся, — пробасил Сенька Дмитриев. — У Ивана-левши кулак — что твоя дубинка.

Но так как полчаса, отведенные на полдник, истекли, а Елизавета Александровна никогда не опаздывала, решили вернуться к разговору о «Черных дубинах» после окончания занятий и в более подходящем месте — скажем, в скверике на Соборной площади.

Там-то и собрались после двух, сгрузив на скамейку ранцы, портфели и перехваченные ремешками кипы книг и тетрадей.

— Решайте, ребята, быть или не быть нашей

шайке? — обратился Сережа Гельфрейх ко всем собравшимся.

— А может, лучше банда? — подал голос Иван-левша.

— Банда — сборище бандитов, а разве мы бандиты? — возразил Сережа.

— Благор-р-р-одные р-р-азбойники, — сказал Пьер.

— Р-рыцарский ор-р-рден благор-родных юношей, — эхом откликнулся Рене.

— А что мы вообще-то будем делать? — спросил Колька Душак.

— Что делать? Как это, что делать? Ну, организуемся, будем всегда вместе. Будем ходить по городу... Мало ли что может случиться! — горячо говорил Сережа.

— Может, лучше бы племя команчей? Они ведь очень отважные, эти команчи, — предложил Митя.

— Эка, выдумал! Это детишки в индейцев играют.

— Да не орите вы все сразу, — пробасил сын булочника Дмитриев. — Вот что я вам сейчас скажу... У нас тут развелось столько бродячих собак, что и не сосчитать. А они опасные. Даже бешенство вызывают. Вот шайка «Черных дубин» будет их уничтожать. А я у вас атаманом буду.

Наступило молчание. Да, чего-чего, а бездомных собак в Черни сотни! Мохнатые, гладкошерстные, огромные псы и крошечные шавки...

— Дельно сказал Сенька! Пришибем десятка два, да и оттащим шкуродеру. Он и денег даст, — одобрил Иван-левша. — С таким атаманом, как наш Сенька, не пропадем, ребята!

Пьер и Рене вскочили со скамейки, словно бы их кипятком ошпарили.

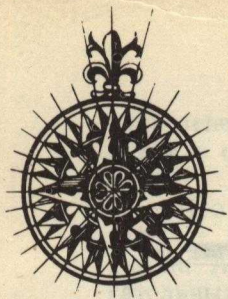
— Убивать бедных животных! Какая мерзость! — воскликнул Пьер. — Рене, пойдем. Пусть шкур-р-одеры решают свои кр-р-овавые дела без нас. — Близнецы схватили свои портфели и ушли, даже не оглянувшись на удивленно примолкших ребят.

— Одно слово: фран-цу-зы, — презрительно протянул Костик и шмыгнул носом.

А Сережа, точно конь, схваченный под уздцы сильной рукой и остановленный на скаку, стоял молча, недоуменно разведя руки.

Что касается Мити, то его обуревали противоречивые чувства. В воображении своем он был бесстрашным и хладнокровным. Сколько львов, в том числе и самых свирепых, чернотелых, сколько тигров, носорогов и ягуаров подстрелил охотник Робинзон! Сколько бледнолицых и трусливых аропахов отправил на тот свет меткой стрелой или страшным ударом томагавка вождь Твердое Сердце. Но в реальной жизни все обстояло иначе. Ах, эта галка... Три года, пожалуй, прошло с той непоправимой минуты, а все перед глазами... Он увидел в малинике галку, обыкновенную сероголовую галку с блестящими встревоженными глазками-пуговками. При его приближении галка хотела улететь, но, как-то неуклюже взмахнув крыльями, побежала по земле. И Митя решил ее догнать. Зачем? Ну, просто так... Может быть, даже взять на руки и хорошенько рассмотреть. Хотя, говорят, они здорово клюются. Он побежал, чуть прихрамывая, за галкой. Но она быстрее засеменила лапками и обогнула куст малины. Кажется, галка тоже прихрамывала, но всякий раз, когда Митя хотел нагнуться и схватить ее, птица жалобно вскрикивала, увертывалась и убегала. И Митя уже не помнил, как, потный, схватил какую-то палку и швырнул в птицу. Она пискнула, заметалась, попыталась спрятаться между кустом бузины и остатками старой кирпичной стены, когда-то охранявшей малинник. И попала в ловушку. Куст бузины спрятал свои корни под кирпич стены и так плотно к ней прижался, что галка не смогла оттуда выбраться. А Митя все тыкал и тыкал концом палки в отверстие, куда забралась птица. Яростно. Изо всех сил. И вдруг на конце палки Митя увидел кровь и прилипшие к ней черносиние перышки и пух. И это было все. Он отшвырнул от себя палку, точно то была отвратительная жаба или что-то еще более противное... Упал на траву и разрыдался.

Так как же будет с собаками? Разве он сможет убить собаку?

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

БОМБЫ

Это было в августе 1941 года. Фашисты окружали Ленинград и двигались уже по направлению к Москве. Каждую ночь они бомбили наши города, а советские летчики отвечать им тем же не могли: фашистам с захваченных аэродромов летать близко, а нашим самолетам до Берлина не достать — на обратный путь не хватило бы бензина.

Но вот, посчитав, наши летчики обнаружили, что есть один такой аэродром на нашем острове Эзель в Балтийском море, откуда можно долететь до Берлина и вернуться назад. И они нанесли по Берлину первый удар, а потом — второй. Стали бомбить столицу гитлеровской Германии!

Но скоро случилось так, что на этом аэродроме кончились все бомбы, подвезти никак было нельзя. Фашисты перерезали железную дорогу Ленинград—Таллин и вышли к южному берегу Финского залива. Нет бомб — и не летают наши самолеты на Берлин. Тогда послали из Кронштадта два корабля с грузом бомб. Но они оба подорвались в пути на минах и затонули. А летчики ждут.

Тральщик № 203 только что вернулся с боевого задания, и командир его отдыхал. Приходит вестовой: срочный вызов в штаб. Командир пришел в штаб, а там приказ: «Не считаясь с потерями, доставить на остров Эзель срочный груз...» Ясно, какой груз: бомбы. Погрузили их на тральщик тридцать штук, здоровенные — по пятьсот килограммов и по тысяче! Бомбы эти матросы прямо на палубе уложили, словно бревна, и закрепили. А детонаторы, взрыватели то есть к бомбам, командир в своей каюте в сейф за-

крыл. Каюту запер и ключ — в карман.

Вышли в море. У острова Лавенсаари видит командир, что над тральщиком фашистский самолет-разведчик «рама» летает. Кружит, рассматривает тральщик, наверное, своим сообщает. Комиссар говорит командиру: «Ну, командир, фотографирует нас этот чертов фриц. Сейчас бомбардировщики прилетят...»

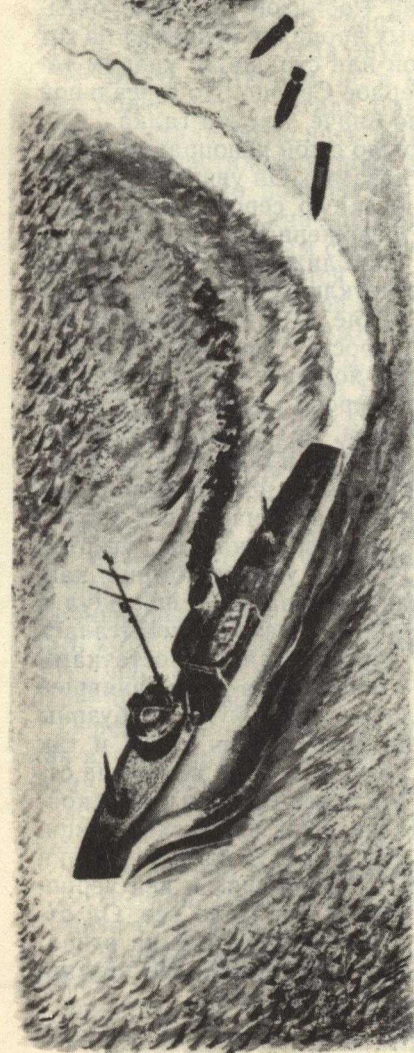
Командир молчит. На море смотрит. А на море — ни тумана, ни облачка, ни дымки. Видимость полная. Тральщик — как на ладони. Не спрячешься.

И верно — прилетели вражеские бомбардировщики. Много, парами идут и поодиночке. Сколько их было — и не считали. Семнадцать атак тральщик выдержал. Самолет за самолетом, триста бомб сбросили фашисты. Носовое орудие тральщика стреляло, стреляло и вдруг замолчало. В чем дело? Докладывают командиру: «Снаряды кончились. Остались одни практические...» Это значит — болванки, которыми по учебным целям стреляют... Командир приказывает: «Огонь практическими!»

Сигнальщика на мостике убило, комиссара ранило. Остался один командир, от копоти черный, как головешка. Одна бомба возле борта ухнула, так, что компас из карданова подвеса вылетел! Но тральщик уже к Таллину подошел и стал на рейде под защиту зенитных батарей — бомбы выгружать.

Бомбы на катера перегрузили и дальше на Эзель повезли.

И снова наши летчики бомбили Берлин. Пехотинцы говорили тогда: «Раз летчики долетают — и мы дойдем!»

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

НАЙДЕНА ЯХТА АМУНДСЕНА

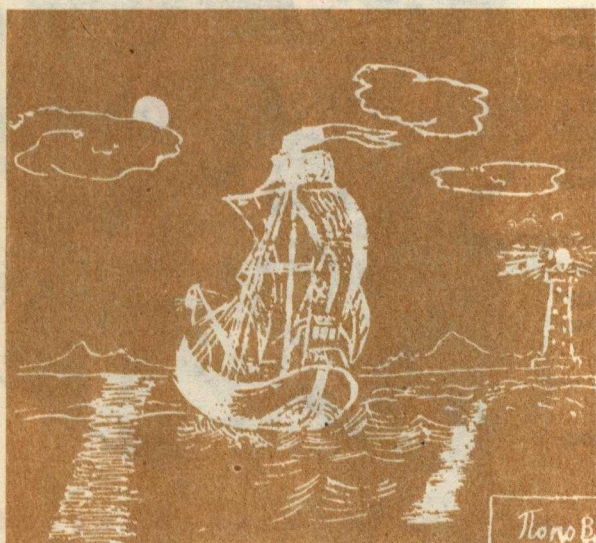
В Сан-Франциско, среди старых заброшенных кораблей найдена яхта Амундсена «Йоа». На этом корабле Роальд Амундсен впервые в истории прошел Северо-западным проходом от берегов Гренландии до Берингова пролива. Путешествие продолжалось с 1903 по 1906 год. Это был подвиг, равный открытию одного из полюсов! Теперь прославленный парусник будет восстановлен и поставлен в Музее кораблей в норвежском городе Осло.

БУРА

Сгущалась тьма, и ветер, воя,
Летел на северо-восток.
Свернал под водами приборя
Морской прилизанный песок.
Волна булящая начала
Корабль у ветхого причала,
И ветер резний, леденящий,
И белой чайки крик звенящий
Слились в тоскливый, долгий вой...
Бушуй, реви и плачь, прибой!

Надя Десницкая, 13 лет,
Ленинград

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

СТАРИННЫЙ ПАРУСНИК НОЧЬЮ
Коля Попов, Ленинград

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Наш отряд называется «Поиск». Мы разыскиваем материалы о морях-черноморцах, героях Великой Отечественной войны. Часть собранных нами материалов хранится в музее Краснознаменного Черноморского флота в Севастополе.

У нас — праздник: недавно из Москвы в адрес отряда пришла награда — вымпел Советского комитета ветеранов войны. А руководитель отряда, бывший моряк-разведчик Алексей Александрович Чхендзе удостоен Почетной грамоты комитета.

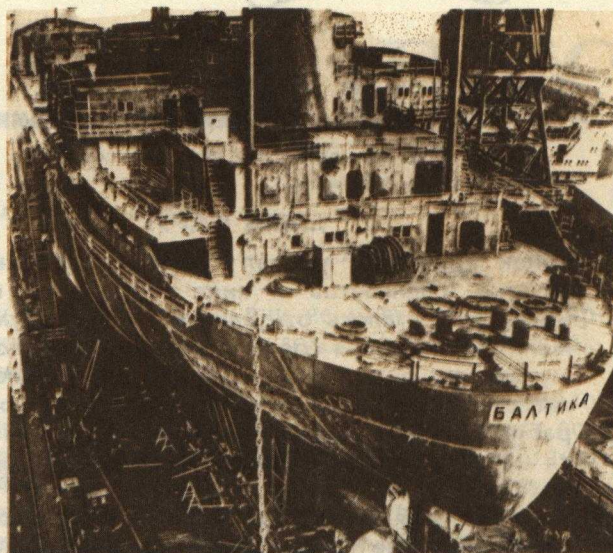
Отряд продолжает поиск героев...

Юнкоры «Морской газеты», члены отряда «Поиск» —
Лена Янюшкина, Наташа Чистякова, Коля Кулагин,
Данки, Московская область

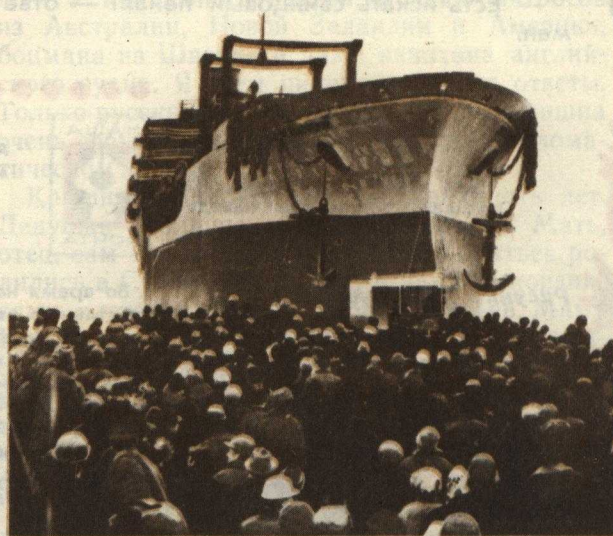
первый электрод

В своей заметке в «Морскую газету» Витя Иванов писал из Ангарска: «У нас в Забайкалье зацвел шиповник, начался ход карасей, выплыли золотобокские лини и чебак-рыба... Рыбаки выходят на лов».

Так Витя стал нашим юнкором. Писал о «морских» делах ангарских ребят. Прошло четыре года. Витя приехал в Ленинград и поступил в судостроительное училище № 14.

Учиться было нелегко: электротехника, металловедение, устройство корабля. И электросварка — мудреное дело: ткнешь электродом в металл, электрод прилипнет — не оторвешь... Или наваришь толстенный кривой шов — стыдно смотреть... Настоящий сварщик работает быстро и электроды бережет, а работа тонкая — расписаться может швом по металлу... Теперь экзамены позади. Витя Иванов — электросварщик Балтийско-

го завода. Витя принес в редакцию фотографии «Спуск теплохода» и сказал: «В корпусе этого судна есть сварной шов, который я сделал своим первым электродом».

СООБЩЕНИЯ С КОРАБЛЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Конечно, Быстроходов говорил о якорь-кошке. Кошка — это небольшой четырехлапый якорь. При помощи кошки отыскивают затонувшие предметы.

Экипаж «Ласточки», Ленинград

Из названий на корабле, сходных по звучанию с названиями зверей, рыб и птиц, знаем утку — деревянная двурогая планка, служащая для за-
вертывания на нее снастей.

Экипаж турбохода «Венеция», Мурманск

Заканчиваем постройку модели глубоководного исследовательского аппарата «Север-2». С его помощью будем разыскивать остатки корабля у острова Питкерн.

Экипаж шхуны «Север», Пушкин

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЭКСПЕДИЦИИ

Боцман опустился за борт в акваланге и поплыл над береговой отмелью, как вдруг...

...КАК ВДРУГ

Как вдруг он увидел среди коралловых глыб остатки шпангоутов и киля старинного корабля. «Все, что осталось от „Баунти“...» — подумал боцман. Он подобрал среди обломков кораллов шесть мушкетных пуль, бронзовый гвоздь и уключину от спасательного вельбота. Исследовав обломки корабля и ничего больше не отыскав, боцман поднялся на поверхность. Капитан Быстроходов осмотрел находки.

— Все это очень интересно, — сказал он, — но все-таки это не то, что нужно. Ведь Робинзон упоминал о свинцовом пенале с важными документами... самого главного, значит, мы не нашли...

— На этом корабле больше ничего нет, — сказал боцман, — я осмотрел все тщательно. Может быть, попытаться поискать на отмелях вокруг острова? Возможно, «Баунти» не единственный корабль, затонувший у этих берегов?..

— Так это или не так, — сказал Быстроходов, — но мы будем искать свинцовый пенал.

— Есть искать свинцовый пенал! — ответил боцман.

ВСЕМ ЭКИПАЖАМ

Как называется наука, изучающая подводные находки?

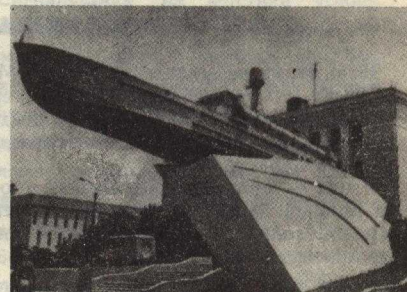
Мы уже несколько лет дружим с экипажем теплохода «Бодайбо». Мы бывали в гостях на теплоходе и рассказывали морякам о наших успехах.

Экипаж «Варяга», Мамакан Иркутской области

Рисунки А. Курушина

Во время нашей игры мы выпускали стенную отрядную газету «Вокруг света». В газету мы помещали разные заметки и рисунки, которые писали и делали сами ребята. Посылаем вам фотографию из десятого номера нашей газеты. Это памятник героям-катерникам, штурмовавшим Новороссийск.

Экипаж «Ивана Франко», Новороссийск

НАД НАМИ КАНОПУС

ИЗ ДНЕВНИКА УЧАСТНИКА ЭКСПЕДИЦИИ

С. Степаньянц

(Окончание)

Рисунки Ю. Клыкова

КРЫСТЯ

Архипелаг Фиджи. Триста маленьких точек на карте Тихого океана. На самом большом острове Вити-Леву, на берегу тихой бухты стоит столица архипелага — золотистая Сува. Узкой косой вдается сувинская земля в воды моря Коро, и кажется, что пальмы вдоль косы растут прямо среди волн. Над Сувой часто

идут дожди, но и они не могут омрачить ярких красок — даже в дождь Сува кажется солнечной.

Еще недавно Фиджи были британской колонией. А сейчас колониальный период для островов — пройденный этап. В октябре 1970 года Фиджи объявлены независимым государством. Мы стоим на палубе и вдыхаем удивительные ароматы, не совсем понятные для новичков. Это — запах копры, неповторимый и манящий аромат кокосового молока.

На «Канопус» интересно посмотреть всем. Всякий стремится проникнуть на палубу, в кают-компанию, рубку и даже в каюты — интересно посмотреть, как живут русские моряки.

Появился на «Канопусе» и Кришна. Он показал свою записную книжку с разными адресами.

— У меня много друзей. Я знаю матросов из Австралии, Новой Зеландии и Америки, боцмана из Швеции и даже капитана английского судна. Я всем пишу и получаю ответы. Только русских друзей у меня нет... — Кришна очень серьезен, держит себя как на дипломатическом приеме.

Кришна — индеец, ему четырнадцать лет. Дедушка Кришны живет в Мадрасе. Мать, отец, сам Кришна и все шесть его братьев родились в Суве. Отец торгует в лавочке корзинами, плетеными из пальмовых листьев. Мама Кришны — мастерица. Она умеет делать красивые бусы из тропических раковин. Сделает и продает их на базаре туристам. Кришна тоже служит в лавочке. Он — бой, то есть мальчик на побегушках. Работать приходится по одиннадцати часов в сутки.

Каждый день после работы, а в выходные дни с раннего утра Кришна приходит к нам. После работы он ужинает на «Канопусе». Часто приходит пообедать. Кришна худенький, и мы стараемся подкормить его. Вот только от мяса он решительно отказывается — запреще-

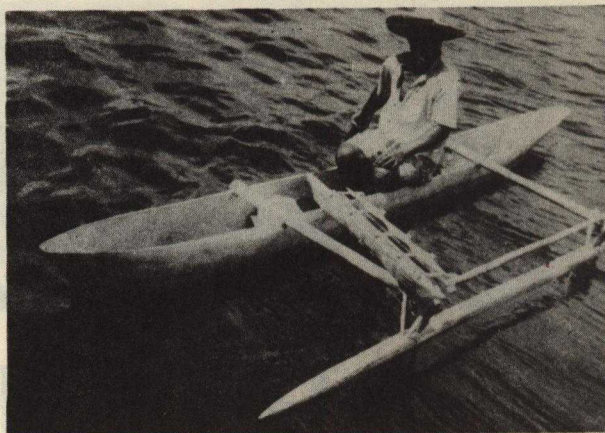
Маленький житель Соломоновых островов

но религией... Вася очень недоволен отсталостью нашего нового знакомого. Он решил перевоспитать мальчика. Как только Кришна садится за стол, возле него появляется самая соблазнительная порция душистого флотского борща с огромным куском мяса. Вслед за тарелкой борща вырастает поджарка с гречневой кашей. И сам Вася, в белой куртке, преисполнен профессионального достоинства. Вася держит речь.

— Ты, Крыстя, брось эти глупости! Бога-то никакого нет! Понимаешь, нет! Где он, твой бог? Давай ешь борщ и мясо, а то вон какой худой... Слышь, Крыстя?

Вася почти кричит. Васе кажется, что так Кришна скорее его поймет — ведь он не знает русского языка... Кришна слышит и, пожалуй, понимает Васю. Но отодвигает поджарку, а борщ съедает целиком, только мясо остается нетронутым в тарелке.

После месяца работы мы снова заходим в Суву за пресной водой и за продуктами. Кришна ждет нас у причала. Он стоит на набережной и машет, машет приближающемуся «Канопусу». Потом спрыгивает на палубу — границы для него не существуют, Кришна свой человек... и мы не узнаем нашего индийского приятеля. Тот же маленький темнокожий маль-

Каноз с балансиром

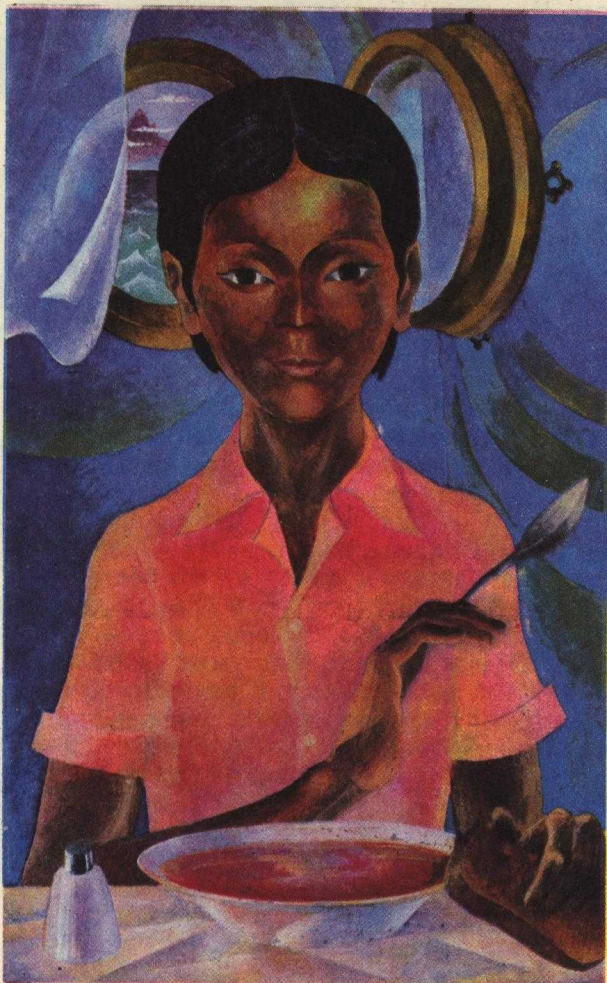
чик, так же аккуратно одетый, но какой-то непривычно круглолицый, с толстыми щеками, распухшими губами и заплывшими щелочками на месте глаз.

— Кришна, ты ли это? Что с тобой? Заболел?

Позже мы узнали, что Кришна подрался. Ему досталось от ребят, а за что — не сказал. А мы подумали — может, за то, что он один пользовался привилегией свободно приходить в гости на «Канопус».

Кришна всюду бродил с нами по городу, по пляжам, помогал ловить насекомых, собирать гербарий тропических растений. Вечерами мы рассказывали ему о Ленинграде. Ведь раньше он и не слышал об этом городе... Рассказывали о Дворце пионеров, о ТЮЗе, о северной зиме со снегом.

Кришна знает несколько языков. Он говорит на фиджийском и английском языках. Он, конечно, знает свой родной язык — хинди. А теперь, должно быть, Кришна учит и русский язык, потому что русские — его друзья.

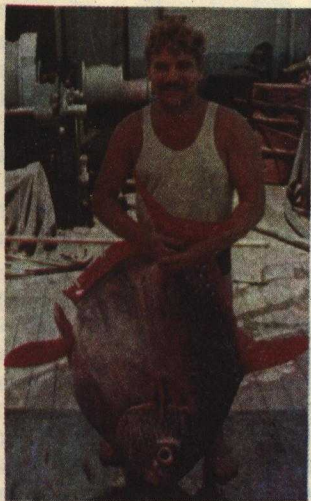
ХОДЯЩИЕ ПО ОГНЮ

На зеленом поле, неподалеку от Национального музея, для туристов устраиваются платные представления. «Вилавилайрево» — ритуальные пляски на раскаленных камнях.

Среди трехсот островов архипелага есть один очень маленький остров Мбекуа. Только здесь владеют тайной Огненного шествия.

Для участия в церемонии требуется восемьдесят человек во главе с лидером Бете. Их выбирают по два-три из каждой деревни. За две недели до совершения ритуала участникам запрещается всякое общение с людьми. Им даже нельзя есть кокосовые орехи... А это для фиджийца все равно что для нас не есть хлеб.

На месте, где состоится Вилавилайрево, вырывают большую круглую яму. Ее заполняют крупными камнями, а поверх них раскладывают огромный костер. Зажигают костер за шесть часов до начала церемонии.

Нет, не зря лампра зовется „королевской рыбой“

— О-вуло-вуло... о-вуло-вуло... — слышится монотонное пение.

Это мужчины с длинными шестами и петлями из виноградных лоз счищают угли с камней и поют свою заунывную песню. Когда раскаленные камни разровнены, Бете прыгает на них босиком и делает несколько пробных па. Ему сообщают, что связки листьев и болотной травы готовы... Все в порядке. Мужчины усаживаются плотным коль-

цом вокруг ямы и оставляют лишь узкий проход для участников шествия.

— Вуту-о-о-о! — гортанно кричит Бете и указывает туда, где сейчас должны появиться «ходящие по огню».

Десять человек гуськом приближаются к яме, прыгают в нее и начинают скакать на месте, где еще недавно полыхал костер... Их босые ноги топчут раскаленные камни... И странно — лица совсем спокойны. На них ни тени страдания от адского жара. А зрители хранят гробовое молчание.

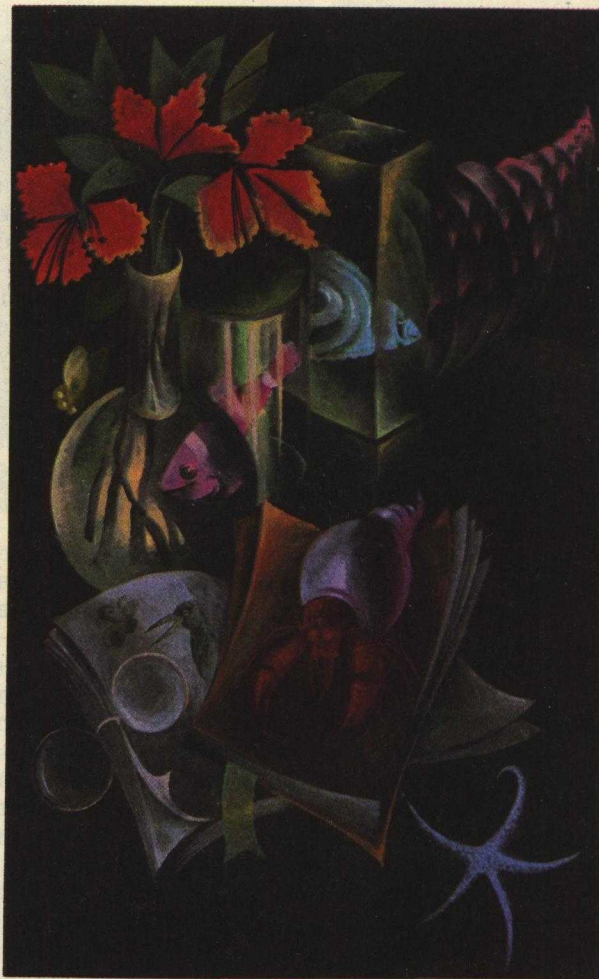
Но вот раздается крик — сигнал, и со всех сторон в яму летят связки листьев и травы. Танцоров обволакивают клубы дыма. Слышна только заунывная песня.

Так совершали мистическую церемонию предки. Так совершается она на Мбекуа по сей день.

И как все оказывается просто после представления! Танцоры мирно позируют туристам. Каждому зрителю хочется сделать кадр на память. Полный важности Бете — толстый седой фиджиец в юбке из красных, желтых и зеленых лент, с венком из красных гибискусов на шее устало сидит на корточках, почти не реагируя на туристов. Туристы прыгают вокруг него со своими фотокамерами, пробуют

Самоанская хижина-фале

на ощупь яркие ленты его меке и, дай им только волю, готовы пощупать ступни ног, в надежде увидеть чудовищные следы ожогов. Но нет — ступни абсолютно чистые и гладкие, кожа на них даже несколько светлее, чем на самих ногах.

ТАМ, ГДЕ ПОХОРОНЕН ТУСИТАЛА

На морских путях из Америки в Австралию, к западу от Таити и восточнее Фиджи лежит архипелаг Самоа. Тринадцать вулканических островов, из которых только три довольно большие, а пять даже не населены.

Наш путь — к острову Уполу, главному среди островов, принадлежащих независимому государству Западное Самоа.

Остров Уполу совсем невелик — около 2000 квадратных километров, а его столица Апиа скорее поселок, чем город. Правда, здесь 25 тысяч жителей, есть дом правительства, кафедральный собор, гостиница, больница, городская библиотека, несколько школ, почта, телеграф и рынок. На главной улице расположились торговые фирмы, банк, транспортное бюро. И все же Апиа не воспринимается как

город. Почти нет каменных зданий и очень мало машин.

— Мануйа! Будь здоров! — бросает тебе первый встречный прохожий.

И ты начинаешь думать, что все в этом поселке друг друга знают.

Как люди вежливые, мы отвечаем на приветствие и оторопело смотрим на встретившего мужчину, потому что на нем надета... юбка. Немного погода замечаем, что юбка — обычный мужской костюм самоанцев. Ее носят и полицейские, и монахи, и гражданское население. Делается юбка необычайно просто: кусок пестрой ткани запахивается вокруг бедер и закалывается на поясе. Мальчишки тоже бегают в юбках. И одежда женщин не совсем обычна: два платья сразу. Одно — до колена, а из-под него второе — длинное и обязательно другого цвета.

Самоанцы одеваются так же, как когда-то одевались их отцы и деды. И это — не единственная национальная традиция, сохранившаяся на островах. Мы заходили в фале — самоанскую хижину. Фале стоит на каменном фундаменте и не имеет стен... Просто на двадцати столбиках держится крыша из пальмовых листьев. А под крышей — лежанка, пара стульев да несколько циновок — весь небогатый домашний скраб. Если холодает, пространство между столбиками завешивается циновками — тогда в доме появляются стены...

Фале можно встретить всюду. Хижины стоят в центре столицы. Даже Законодательная Ассамблея разместилась в огромном фале на центральной площади Апия. В окрестностях города и по всему острову мы видели большие и маленькие деревни, а в них фале, многочисленные жилые фале и фале-школы, фале для сходов, фале — моленные дома.

В густых зарослях незнакомых тропических растений я решила собрать коллекцию насекомых...

Я вооружена до зубов: сачок с длиннейшей

—Вуту-о-о-о!—гортанно кричит вождь, и появляются „ходящие по огню“

складной ручкой, морилка с эфиром, пергаментные пакетики для бабочек, коробочки для прочих насекомых да еще гербарная сетка для сбора растений. Необычное зрелище! Взрослая женщина машет сачком, бросается то в одну, то в другую сторону, подпрыгивает, временами выкрикивает что-то нечленораздельное.

Вокруг растет толпа ребятишек. Зачем эта тетенька делает то, что полагается делать ребятам, если они не очень заняты более важными делами?.. Зачем ей бабочки, стрекозы и жуки? Наконец, все решают помочь мне. С криками и хохотом ношусь я, носятся мальчишки и девчонки и даже мои солидные спутники. Мы мечемся по лесу, а у обочины начинают собираться взрослые обитатели деревень. Трофеи складываем в банку с эфиром. Я терпеливо разъясняю каждому, что насекомых отвезу далеко, в СССР (не все знают, где это...), в Ленинград, в Зоологический институт, где каждую бабочку, каждого малюсенького жука и стрекозу будут изучать русские ученые.

В пригороде Апия, в небольшом особняке Вайлима жил когда-то английский писатель Роберт Льюис Стивенсон. Кто не знает его знаменитую книгу «Остров сокровищ»? На Самоа Стивенсона привела болезнь легких. Здесь он прожил пять лет, здесь и умер. Самоанцы очень любили Стивенсона. Они дали ему самоанское имя Туситала и часто приходили поделиться своими горестями, радостями, просили совета. Похоронили писателя на горе Ваза, среди прекрасного тропического леса, который очень любил Стивенсон. Дорога к могиле названа «дорогой любящих сердец», а на надгробье написано:

«Здесь его дом, его давний маяк,
Из долгих скитаний вернулся моряк,
Охотник из чащи лесной...»

СЮРПРИЗ ДОКТОРА КАТАЛА

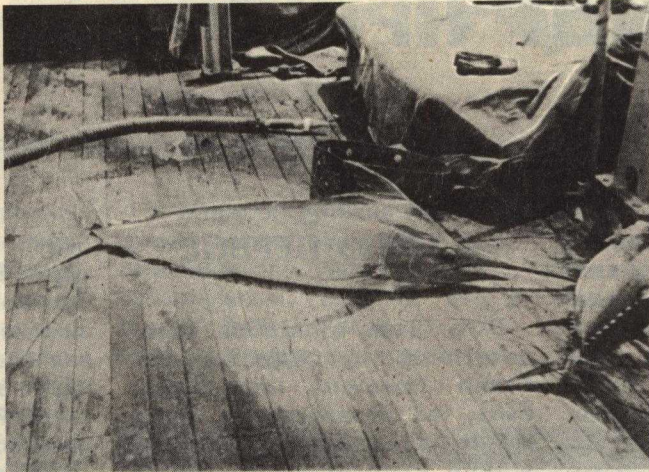
«Ка-гу, ка-гу!» — слышим мы рано утром по местному радио, ошвартовавшись у причала. Этим гортанным криком радио Нумеа начинает свои передачи. Нумеа — столица Новой Каледонии. А гортанное «ка-гу, ка-гу» кричит пернатый абориген острова, хохлатая птица кагу. Она водится только здесь и когда-то густо населяла остров. Сейчас птиц осталось очень мало, главным образом, в горных лесах.

Мы едем в морской аквариум. Это — главная достопримечательность Нумеа. Аквариум основан в 1956 году доктором Каталастуки на собственные средства. Сейчас он считается одним из лучших в мире. Все обитатели аквариума выловлены исключительно в водах, омывающих новокаледонский риф.

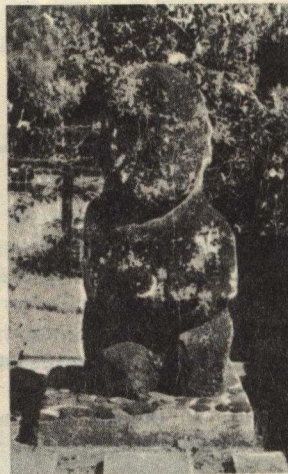
Нас встречает доктор Катала, как тепло называют в Нумеа организатора и владельца ак-

Юбка — обычный мужской костюм самоанцев

Длинноносый марлин — желанная добыча рыбаков

Тики — древний таитянский бог

вариума. Он проводит нас в свою лабораторию и рассказывает историю создания своего детища.

— Мы с мадам Каталастуки долго готовились. К счастью, у нас были помощники. Даже возникла группа энтузиастов — «Друзей аквариума»...

Идем осматривать аквариум. Его коллекция размещена в двух залах. Здесь нужно провести не один час, чтобы увидеть всех обитателей, присутствовать при кормлении животных и, наконец, чтобы увидеть сюрприз доктора Катала...

В аквариуме живет множество кораллов — строителей рифа, живут мягкие кораллы, актинии, всевозможные раки, моллюски, звезды и ежи. Здесь содержатся такие «трудные» животные, как каракатица, и такие необыкновенно редкие, как наutilus. Жемчужный наutilus, головоногий моллюск, родственник обычных кальмаров. Родственников имеет обычных, а сам... живое ископаемое. Это потому, что он, почти не изменившись, существует 350 миллионов лет... Много пришлось постараться друзьям аквариума, прежде чем им удалось поймать это морское чудо.

Больше всего в аквариуме рыб. Каждая из них чем-то знаменита.

Рыба-хирург, например, называется так из-за острых «ножей» по бокам от хвоста. Ножи могут складываться как перочинные, а могут выставляться. В случае опасности владельца ножей принимает оборонительную позу — хвостом вперед.

Рыба-защелка имеет особое устройство из спинных шипов. Если она спряталась в норку, вытащить ее невозможно. Нужно знать секрет защелки: сожмешь рыбку в определенном месте, и один из шипов возвращается в специальный желобок. Тогда защелку легко вынуть руками. А еще она громко хрюкает...

А теперь нас ждет сюрприз... Доктор Катала ведет нас в следующий зал. Открываем дверь и попадаем в темноту. Здесь никогда не вклю-

чается электричество, сюда не проникает дневной свет. В зале собрана коллекция живых кораллов, и они светятся, флюоресцируют под воздействием ультра-фиолетовых лучей. В темной комнате не видно аквариумов. Посетитель попадает в царство магического свечения невидимых существ. Здесь рождается необыкновенная гамма красок. Всевозможные акропоры, монтипоры, галаксеи, поритесы и фунгии по воле доктора Катала играют всеми оттенками синего, красного и желтого, мерцают, потухают и вспыхивают вновь.

ДОРОГА ДОМОЙ

Все имеет конец. Кончается и наша экспедиция. Осталось сделать несколько станций — позади их 250, поставить последний ярус — их было 100. До Владивостока — около 6000 миль, а пройдено их больше 35000! «Канопус», конечно, устал. Мы тоже очень устали, очень соскучились по дому.

В лаборатории пока еще висит карта. Смотрю на нее и вижу — плавали не зря. Вот заштрихованные пространства — здесь обнаружено много планктона, а рядом кружочки, это — большие уловы тунца. Мы обнаружили районы скопления тунцов и марлинов. Наши данные будут еще не один раз проверены, и, если они подтвердятся, сюда пойдут промысловые флотилии. И это — главное.

Ящики, которые я везла сюда, были заполнены пустыми банками. Сейчас все они полны. В Ленинград поедет около тысячи банок с животными. В океане собран планктон, на островах коллекции прибрежных морских животных — обитателей кораллового рифа, мангров. Собрана коллекция наземных растений. В Ленинград отправляются экзотические насекомые.

Тетради полны записей, а голова — самых фантастических впечатлений.

АЛЕКСАНДР КРИКУНОВ, ВОЖАТЫЙ

Илья Сергич

История Челябинска крепко связана с историей Челябинского тракторного завода.

Первые советские пятилетки разбудили, заставили жить не один захолустный городишко, и когда в тридцатых годах в старом городе Челябине началось строительство тракторного гиганта, было уже ясно, что Челябинка перестала существовать, а начал жить и расти новый социалистический город Челябинск.

Наверное, не каждый представляет, что же такое ЧТЗ. Ведь это настоящий город в городе. Неизвестно даже, что больше: завод или сам Челябинск. А завод не перестает строиться. Это Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Рядом с заводскими корпусами жилой городок тракторостроителей. Хотя какой это городок? Ведь в нем двадцать пять современных школ и еще тридцать пять детских садов. И театр, и Дворец культуры, Дворец спорта, бассейн. Нет, никак не назовешь это городком.

А завод?

Я шел по бесконечному кузнечному цеху, как по огненному мосту, соединяющему заводской двор с другой бесконечностью, конца цеха не видно, — цехом сборки. Я удивился: а как рабочие попадают на свое рабочее место? Оказалось, автобусами, остановки есть, как на улице.

Чувствуете, чтобы рассказать о ЧТЗ, надо целую книгу написать! У меня задача была другая: встретиться с Сашей Крикуновым, инженером-испытателем, вожатым и руководителем радиокружка в школе № 39. Поговорить с ним, с его товарищами о делах школьных и пионерских. Хотя, как сказала Людмила Шрейбер, старшая пионервожатая этой школы, «о нем одним словом не расскажешь».

СЛОВО ПЕРВОЕ

В тот день, в октябре семьдесят второго, воздух был особенно тяжелым или, может быть, так казалось ему, потому что велосипед шел в гору и ноги каждым своим мускулом ощущали тяжесть велосипеда, горы и собственного тела. Он оглянулся. Сзади и сбоку были его, с ЧТЗ, парни. Пожалуй, они отстают, так что опять, возможно, тракторозаводцы выйдут победителями. Впереди Комсомольская площадь, затем спуск... «Вот он родной, — подумал он. — Ближе уже...»

Но — что это? Взлетела, сверкнув на солнце, и прямо под колеса его велосипеда угодила бутылка. «Увернусь! Влево, только влево, и скорость, скорость!» Но слева и чуть впереди, закусив губу, согнувшись дугой над рулем, рвался к победе какой-то незнакомый парень. «Сомну в лепешку... нельзя, никак нельзя влево...»

Мастер спорта Александр Крикунов пролежал в больнице три месяца.

СЛОВО ВТОРОЕ

— А как они там без меня? Ребятишки мои? Так хотелось пойти к ним... Ну, конечно, я бывал у них не с утра до вечера. Но все же часто, — вспоминает Саша.

— А не появилось разочарования после истории с бутылкой? — спрашиваю я. — Мол, возишься, возишься с ребятами, а они — на тебе!

Улыбка у Саши скупая, а тут вдруг улыбнулся всем лицом. — Бутылка — ерунда. Мои такого не сделают. И вообще таких шалопаев единицы...

Саша продолжает.

— В прошлом году возил правофланговый отряд, сейчас

5«б», на заводскую туристскую базу. На озеро Кисегач. Это вроде премии было им в зимние каникулы. Конечно, вначале стеснялись, а потом вдруг взяли и сделали из меня снеговика. Вот с чего дружба началась...

Он вспоминал озеро Кисегач, а я думал о разговоре с пятиклассниками Леней Шестоперовым и Викой Шулаковой. Они рассказывали о той поездке, как будто каникулы вчера были. Но главное, что им понравилось, — Саша человек веселый.

И не только им. Три года он учит ребят радиodelу. Сам радистом стал в армии. Для радиокружковцев он тоже «наш». Туристы его своим считают. Почти ни одна школьная затея без него не обходится. Саша, можно сказать, общешкольный человек.

СЛОВО ТРЕТЬЕ

Каждый день с конвейера сходят десятки тракторов. Отсюда, от заводских ворот разъезжаются они по всему белому свету. Их можно встретить в Арктике и на экваторе, в пустыне и в горах. Мощные машины. А скоро станут еще мощнее. У тракторов Т-130, Т-330 мотор заменяет не одну сотню лошадей.

— Главное в тракторе — мотор, — убеждает меня инженер-испытатель Саша Крикунов. — И чем он сильнее, тем лучше. Чем дольше работает, тем выгоднее. В нашей лаборатории испытываем моторы новой конструкции. Мотор — сердце машины. Когда врач исследует сердце, он измеряет давление крови, берет анализы. Для этого у него приборы есть. Мы тоже создали такие, которые показывают работу сердца трактора. Как по телевизору. И мотор для этого разбирать не надо...

С ЧЕЛЯБИНСКОГО ТРАКТОРНОГО

Фото П. Зайнулина

Идем с Сашей по вечернему городу. Саша пытается толковать мне, в чем же суть его работы. Мелькают слова: «цилиндр», «газовая смесь», «транзисторы», «производные»... Я стараюсь понять эту премудрость, но мне трудно. Для этого надо не только институт кончить, и потом еще учиться. Ну, и, конечно, любить свое дело.

Я слушаю его и вспоминаю, как он как-то сказал, что не увлекаться, жить без цели недостойно человека.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

Вовка Крылосов ростом не вышел. Потому, как и все они такие, неусидчив и верток. На занятия кружка первым явился. Покрутился там-сям. Решился заговорить со мной. Конечно, о хоккее! Обсудили мы с ним спортивные проблемы. Поохали, поахали. Потом я спрашиваю:

— Зачем тебе азбука Морзе?

Он на меня посмотрел, как будто я какую глупость сказал.

— Как зачем? Да я в армии первым человеком буду. В радиосхемах начал разбираться. И, короче, интересно мне, и все.

Он обидчиво отвернулся.

Меня «спасла» Галя Гельмианова. Медленно так вошла, задумчиво в окно посмотрела, затем на меня, вежливо улыбнулась и плавно так на стул села. О ней я слышал уже от Саши. Он как-то сказал: «Есть у меня девчушка Галя Гельмианова. Рука у нее такая легкая, что ключ, как скрипка, поет!»

— А тебе нравится в кружок ходить? — спросил я.

— А как же! — и замолчала Галя надолго, вплоть до прихода Саши. Даже с другими ребятами не говорила.

У радиста должна быть не только легкая рука, но и великодушный слух. Можно сказать, музыкальный. Потому что у каждой буквы, когда ее отбивают на ключе, своя мелодия.

десятки вожатых с завода. И таких, как Саша Крикунов, у нас немало. Например, Юра Пашнин, который был награжден значком ЦК ВЛКСМ «Пионерскому вожатому», или Нина Го-

Александр Крикунов с ребятами

Саша сел за пульт. Ребята вытащили блокноты. Занятия начались...

Потом Саша ходил вдоль стола и проверял, кто как справился. Вот он наклонился к Гале и что-то тихо сказал. Галя заулыбалась, вся подтянулась и что-то быстро стала говорить... Вот тебе и молчунья!

СЛОВО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ

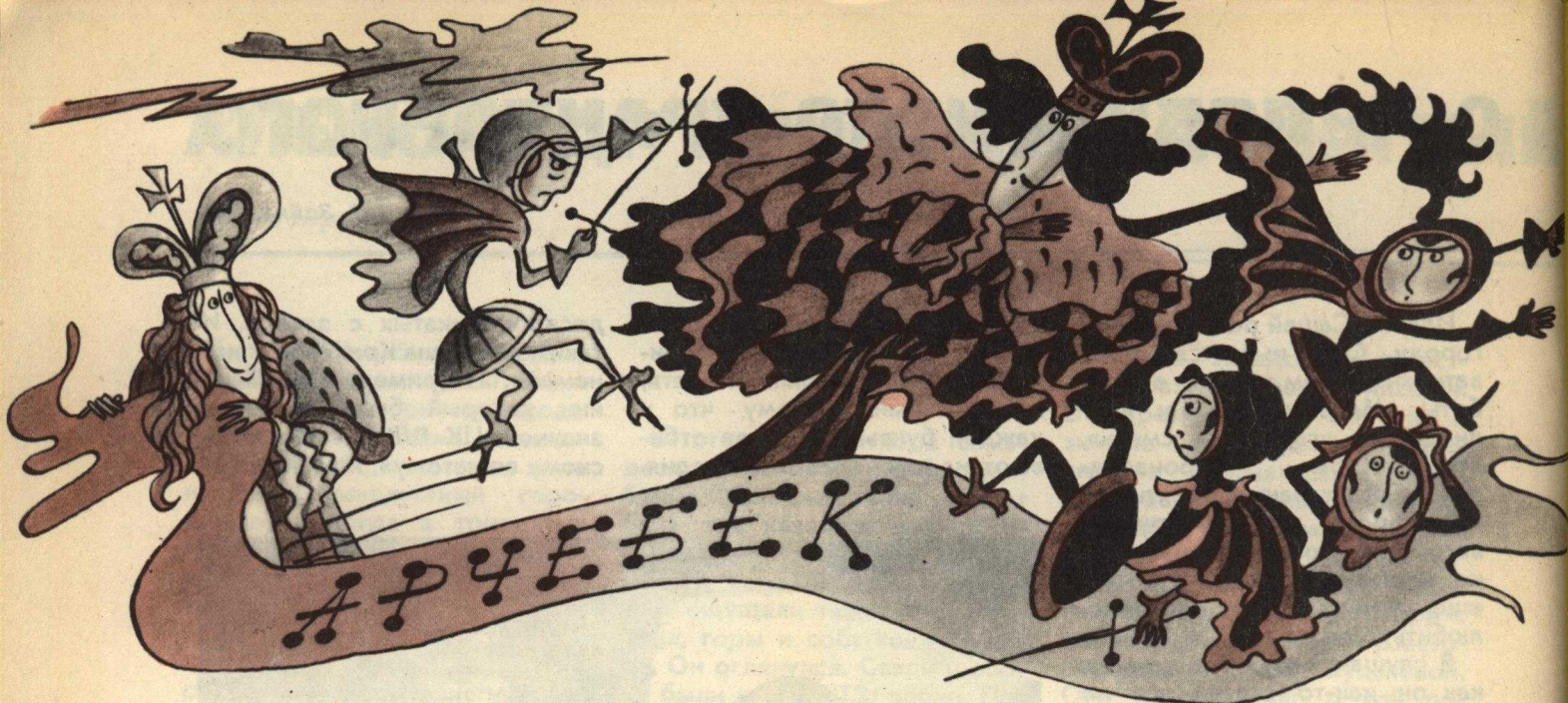
Говорит секретарь комитета ВЛКСМ ЧТЗ Олег Мажаров:

— На ЧТЗ работает около 8000 комсомольцев. У нас 12 подшефных школ. Работают

рюнова. Но мы не только бываем в школах. Пионеры частые гости у нас. Всегда участвуют в наших субботниках на стройке. У нас большая дружба.

Говорит секретарь РК ВЛКСМ Тракторозаводского района Валя Галкина:

— О Саше можно долго говорить. Но главное: у него свое отношение к девчонкам и мальчишкам. Он старше их и в то же время кажется ровесником. Мир для него так же полон тайн, как и для любого мальчишки. Он зовет открывать тайны вместе...

ИДЕТ ТУРНИР!

Сегодня — призовой тур. Он выявит имена доблестных рыцарей, достойных награды. Кто может в нем участвовать? Все финалисты!

Как учитываются результаты? Каждая позиция оценивается десятью баллами. 30 шахматистов и 30 шашкистов, набравших больше баллов, будут награждены памятными призами. При равном числе баллов преимущество отдается получившим больше очков в разрядных турах.

И еще важный пункт: тот, кто в разрядных турах не добрал до нормы 10 очков, возместит их, если решит все шесть позиций призового тура.

А теперь — на старт!

Турнир шахматистов.

А. Белые: Kpd2, Ла5, Ле7, Сf7, Ке6, пп. b4, g3, g4, h3; черные: Кре4, Се2, Кf6, пп. a4, b7, f3, g6, h7.

Б. Белые: Kpg1, Ca1, Кf6, п. h6; черные: Kph8, Сb7, п. g3.

В. Белые: Kph4, Лd4, Сс2, Ке8, пп. d5, e3; черные: Кре5, п. h6.

Г. Белые: Kpc2, Лd1, Ке4; черные: Кра1, Кb1, п. a2.

Д. Белые: Кра7, Фg4, Лh6, п. b4; черные: Kpb5.

Е. Белые: Kpd1, Лb5, Лb8, Се4, пп. a4, c5; черные: Кра6, Сd5, пп. a5, a7, d2.

А — мат в 3 хода. Б — во сколько ходов белые смогут дать мат? В — мат в 4 хода, Г, Д, Е — во сколько ходов белые смогут дать мат?

Турнир шашкистов.

А. Белые: Дh2, пр. f4, g1; черные: пр. b4, f6.

Б. Белые: c1, c3, d2, d6, e1, f2, h6; черные: a5, b4, c5, d8, f4, f6, f8, g7, h2.

В. Белые: a3, b2, d2, e3, g1, h4; черные: a7, c5, e5, e7, f2, g7.

Г. Белые: пр. a7, f4, h4, h6; черные: Д. a1, пр. c7, d8, h8.

Д. Белые: пр. a5, g7, h6; черные: Д. a7, пр. d8.

Е. Белые: b2, b4, c1, c3, e3, f6; черные: a3, a7, b8, c5, c7, d6, d8.

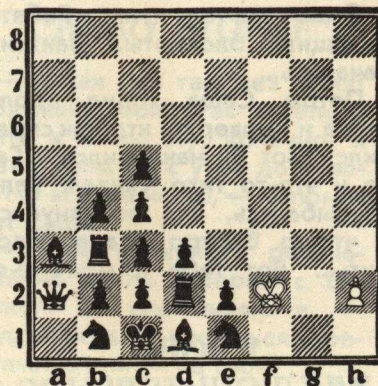
Где белые могут выиграть? Где — сыграть вничью? Где должны проиграть? (Б — И. Прибыльский, Е — А. Гуральник)

ЧУДЕСА В ШАХМАТНОМ РЕШЕТЕ

Уважаемые рыцари! Перед вами я — всемирно известный факир-маг На Ду Валкин и мой ассистент — Автомат. Демонстрирую обыкновенное чудо, основанное на остроте ума.

Беру простую шахматную доску. Из левого рукава достаю восемь черных фигур и ставлю их так, как на диаграмме.

Из правого рукава достаю восемь черных пешек и ставлю их так, как на диаграмме.

А теперь внимание! Из особого карманчика достаю белого короля и маленькую беленькую пешечку. Ставлю их, ну хотя бы сюда. Вы думаете, они обречены? Минутку...

Ты скажи мне, Автомат:

Кто кому поставит мат?

Все ясно: **белый король и маленькая пешечка** не только спасаются, но и побеждают короля черных — дают ему мат в 16 ходов!

Кто сумеет это сделать, уважаемые рыцари?

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕДИ!

Внимание: боевое задание!

Ты заканчиваешь сражение, которое вел почти год. Сейчас ты можешь получить последние 5 очков, решив задачу — белые: Kpg5, Фd7, Сс5; черные: Кре5, п. g6. Мат в 2 хода.

Сначала отправишь рапорт. Затем пошлешь просьбу о переводе в рыцари и приложишь свой «Листок учета» с отметками о набранных очках. После этого жди ответа шахмат-адмирала Ферзьбери.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так.

Происшествие. Победные поля — a1, a3, a4, a5, b4, b5, c4, c5, d5, e1, e2, e3, e4.

Оруженосцы, шаг вперед! 1. Лd7! с угрозой мата на a7.

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

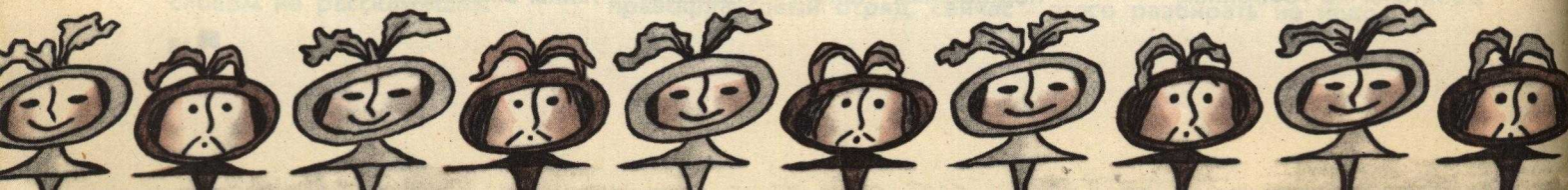
§ 1. Рыцарям и оруженосцам прислать рапорты до 1 декабря.

§ 2. Рапорты, написанные небрежно, не принимать.

§ 3. Жюри — подвести итоги по турнирам рыцарей и оруженосцев.

§ 4. Всем участникам турниров объявить благодарность!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

БЕЛКА, КУКУШКА И ЖАБА

ЭСТОНСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Давным-давно жили-были три сестры. Жили они в глухом лесу. Сидят они как-то вечером. И мечтают.

— Я бы, — говорит старшая, — хотела бы стать такой, чтобы за мной все толпой ходили.

— А я бы, — говорит средняя сестра, — хотела бы стать такой, чтобы к моему голосу все прислушивались.

— И я бы, — говорит младшая, — хотела бы кем-нибудь стать. Чтобы все дивились.

А мимо дома в это время проходила волшебница. Она услышала разговор трех сестер и превратила старшую сестру в белку, за которой все гоняются, среднюю — в кукушку, к которой все прислушиваются, а младшую — в жабу, которой все удивляются.

8

УГОЛЁК №10

Уголёк давно дружит с Тяхеке — Звёздочкой. „Тяхеке“ — журнал эстонских ребят. Как всегда, Тяхеке привезла в подарок Угольку стихи и сказки.

МОЯ ЗВЕЗДА

Майму Линнамяги

На груди моей звезда
красная горит
и как будто бы всегда
что-то говорит.

Говорит моя звезда,
красная, лучистая:

— Должен ты иметь
руки чистые,
глаза чистые,
сердце чистое!

Не велит моя звезда
лгать нигде и никогда.
И велит всегда, везде
помогать друзьям

в беде.

Говорит моя звезда
тихо и мечтательно:

— Если будет так всегда,
будет очень хорошо,
очень-очень хорошо,
просто замечательно.

КОШКА

ЭСТОНСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Раньше кошек не было. Как ни печально, но их действительно не было.

Мыши делали что хотели. Они бегали и танцевали прямо на глазах у людей.

Как-то в одном доме обедали. Вдруг выскакивает на середину пола мышка. Маленькие дети даже вскрикнули.

Рассердился тогда хозяин. Схватил скатерть со стола и кинул ее в мышку.

И вдруг совершилось чудо. Скатерть превратилась в кошку. Кошка поймала мышку и съела.

Так появилась кошка. Но так как она появилась из скатерти, то до сих пор любит сидеть на столе.

Рисунок Т. Капустиной-Хонен

5

Оливия Саар

Торопился ветер, торопился,
он хвостом за крышу зацепился.
Что за ветер — ветер без хвоста!
Спрятался. Шуршит внутри куста.

Рисунки

Яана Таммсаара

4

ДЯДЯ СПИЧКА

Эллен Нийт

Отчего дядя Спичка такой худенький? Потому что он каши не ест. Почему дядя Спичка, как спичка? Потому что рыбьего жира не пьет. Дядя Спичка сжимает зубы и мычит: „М-м-м!“

Дядя Спичка, когда ты разговариваешь по телефону, будь осторожен, не лезь в телефонный провод. Ой, плохо живется в телефонном проводе!

Боязно мне за тебя, дядя Спичка, когда ты моешься в ванне. Ведь с мыльной пеной тебя может засосать в водопроводную трубу. Ой, как там страшно! Знаешь, как долго придется плыть по трубам к морю! А разве можно жить в водопроводной трубе?

Дядя Спичка, отчего же ты не ешь? Разве ты не хочешь стать крепким и вырасти большим?

2

ФОТОКАРТОЧКА

Майму Линнамяги

Фотокарточка есть на столе у меня. Две косички — девчонка глядит на меня. Если грустно бывает, в глаза ей смотрю И становится легче, я вам говорю.

Две косички — девчонка глядит со стола. Ей известны мои озорные дела. Если радостно мне, я в глаза ей смотрю, И мы вместе смеемся, я вам говорю.

Тихо смотрит девчонка из рамы своей. Это — старая карточка мамы моей. Мы ровесники с ней, я в глаза ей смотрю. Хорошо нам обоим, я вам говорю.

Рисунок
А. Орлова

7

ВОЛГА И ВОЛГА

Эно Рауд

Жили-были машины-близнецы. Одинаково красные — не отличишь. И звали их тоже одинаково — Волга.

— Поди разберись, — говорили другие машины, — кто из них Волга, а кто из них Волга!

Да и машины-близнецы грустили, оттого что их все время путали. Бывало, проедет Волга на красный свет светофора, а нажмут за это не ее, а Волгу. А когда Волга стала победительницей автогонок, приз совершенно незаслуженно вручили Волге.

— Подумать только! — жаловалась Волга. — Волга безобразничает, а отвечать кому? Мне!

Но и Волга была недовольна:

6

— Хорошенькое дело! За все мои достижения хвалят эту Волгу!

И вот они вместе поехали к мудрому старому автобусу. Тот после долгого молчания наконец сказал:

— Мда-а-а...

И добавил:

— А не повесить ли вам номера, как у других?

— Верно! — обрадовалась Волга.

— Большое спасибо! — сказала другая.

Им прикрепили по два номера: спереди и сзади. Отныне их нельзя было перепутать, и все машины говорили с удовлетворением:

— Совсем другое дело! Теперь всякому ясно, кто из них Волга, а кто Волга!

Перевели с эстонского Б. Михайловский,
Н. Мохова, И. Сергич, Б. Штейн, А. Яаксо

3

В СТЕКЛЯННОМ ДОМИКЕ НАД ПОЛЕМ БИТВЫ

ЗАМЕТКИ
КОММЕНТАТОРА

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С ВЕШАЛКИ, А РЕПОРТАЖ С ТРОЛЛЕЙБУСА

В день хоккейного матча, часов в пять вечера, я выхожу из Ленинградского Дома радио, что на Манежной площади, прохожу по Малой Садовой до Невского проспекта и сразу же втискиваюсь в толпу хоккейных болельщиков. В троллейбусах первого и седьмого маршрутов, которые едут ко Дворцу спорта «Юбилейный», разговор идет только на хоккейные темы.

Актер обычно приходит на спектакль минут за сорок пять до начала, гримируется, настраивается... Я наблюдал однажды за известным мастером сцены Иннокентием Смоктуновским: за несколько минут до выхода он через щелочку в занавесе поглядывал в зал. Он хотел увидеть лица зрителей, увидеть тех, для кого он будет сейчас играть.

Так же комментатор. Разве можно передать настроение, волнения болельщиков, не увидев их, не почувствовав! И для меня троллейбус и служит той «щелочкой», через которую Смоктуновский смотрит в зал.

...Троллейбус быстро пустеет. Навстречу слышно: «Нет ли лишнего билетика?» Любят хоккей в Ленинграде; в дни

матчей обладатель билета в «Юбилейный» считается счастливым. Для журналистов вход отдельный, там же, где и для игроков, тренеров, арбитров, врачей, массажистов — в общем, всех тех, кто участвует в хоккейном представлении и его подготовке. Теперь мне надо зайти в судейскую, сверить составы, переговорить с тренерами, со знакомыми игроками.

Подготовка к репортажу... Это ежедневное чтение всей прессы о хоккее, это личные встречи, беседы с руководителями, с тренерами, игроками, арбитрами. Ведь для того, чтобы узнать, например, что у хоккеиста А сегодня день рождения, необходимо иметь данные обо всех игроках. Приходят на помощь справочники, но и они не всегда полные. Нужно вести свою картотеку, вроде каталога в библиотеке.

Надо успеть показаться и режиссеру телевизионной передачи. Оговорить с ним некоторые детали: на ком сегодня дольше задержать камеры, кого выделить. Обязательно перекинуться парой слов с операторами. В эфире звучит только голос комментатора, но участвуют в репортаже из Дворца спорта 9—10 человек. Правильно подмечают, что если в телевизоре пропадет звук, то на экран все равно будут смотреть, а вот если пропадает изображение, а звук останется, то можно не со-

мневаться, что желающих слушать такой «телерепортаж» будут единицы.

За всеми этими обязательными встречами, консультациями пробегает время. До начала матча остается 20 минут. И теперь спешу под крышу Дворца, туда, где расположены комментаторские кабины — стеклянные скворечни. Здесь уже трудятся техники. У меня два помощника: один — звукорежиссер, который на протяжении всего матча будет держать руки на пульте и регулировать звук так, чтобы вы слышали и шум зала, и то, что буду говорить я. Хотя мы сидим в разных кабинках, но вместо стенки между нами большое окно, через которое мы видим друг друга. Есть еще и техник, который готовит оборудование в моей кабине: два микрофона, монитор (обычный телевизор, на котором я вижу ту же картину, что и все телезрители), специальный вращающийся стул, как в самолете. Стены кабины метровой толщины — для звукоизоляции.

...И ВОТ МНЕ ДАНА МИНУТНАЯ ГОТОВНОСТЬ

Очень важно четко и толково сказать первые слова, а в этот момент, конечно, всегда волнуешься.

Я стал спортивным комментатором радио и телевидения не так уж давно (до этого учился, играл в футбол в команде мастеров ленинградского «Динамо», занимался журналистикой). «Выводил» меня в эфир

Как я готовился к матчу с «Крыльями»? Выучил наизусть целые куски репортажа. Мне казалось: ну, теперь будет все в порядке. Однако так и не понадобились мои «домашние заготовки». Дело все в том, что рассчитаны они были на случай, если бы мои земляки выиграли. Однако «Крылья Советов» жестоко обыгрывали ленинградский СКА.

Итак, «домашние заготовки» оказались несостоятельными. Но это не значит, что их не должно быть. Какие? У каждого они разные. Я, например, за-

ИЗ ПАПКИ „СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО“ № 8

Прошлый сезон стал уже историей, но в памяти он остался как сезон неожиданностей. В советском хоккее последние 10—15 лет был единоличный лидер — ЦСКА. И только трижды за этот период спартаковцам удалось отобрать у земляков-армейцев титул чемпиона. И вдруг прошлый год все перевернул. С первых матчей тур-

Фото
В. Галактионова

Рисунок
П. Кузнецова

Матч СССР—Швеция

В. Харламов, Б. Михайлов, В. Петров

Николай Николаевич Озеров. В Ленинграде играли ЦСКА и СКА. Николай Николаевич провел первые два периода, а затем, сказав: «Не волнуйся!», уступил кресло. Матч транслировался и на Москву, поэтому совет Николая Николаевича не волноваться я выполнить никак не мог. Честно говоря, мне даже трудно что-либо вспомнить из того репортажа. Техники ничего не могли понять — вместе с моим голосом в эфир шел какой-то гул. Только спустя несколько дней мы определили, что гул этот создавал я — своими ногами стучал по проводу, как по футбольному мячу. Нервничал. А вот второй репортаж я уже запомнил до малейших подробностей. Ленинградский СКА принимал «Крылья Советов» из Москвы.

Возу «досье» — папки с заметками на каждого заинтересовавшего меня футболиста или хоккеиста. Эти папки — с биографическими сведениями, вырезками из газет и журналов, заметками после игр и записями личных бесед. «Святая святых» залог того, что в будущих репортажах мне удастся поделиться с вами интересными для вас сведениями. А до поры до времени они — моя производственная тайна, вроде тех папок, на которых в приключенческих фильмах ставится гриф «Совершенно секретно».

Однако кое-чем из запасов своей личной информации я готов поделиться с читателями «Костра».

Только, чур, уговор: это должно остаться между нами — вами и мной.

нирную таблицу возглавили «Крылья Советов» (Москва). И именно этот клуб добился замечательного успеха, выиграв первенство, и Кубок СССР. Сенсация или закономерность? Это мы узнаем в нынешнем сезоне. Но, безусловно, хоккеисты «Крыльшек» достойны самых хвalebных строк. И в первую очередь я бы хотел выделить из них вратаря Александра Сидельникова.

Часто говорят «вратарь в хоккее — полкоманды». Защищает уверенно голкипер свои ворота — уверенность эта передается остальным игрокам. Пропустил вратарь легкую шайбу, — у нападающих его команды опускаются руки.

Саша Сидельников провел детство в подмосковном Тушино, с утра до вечера пропада-

на местном стадионе «Красный Октябрь». В 1962 году Саша пришел в хоккейную секцию. Как часто бывает, все вакансии в команде юношей были заполнены и Сашу определили в нападающие. В 1967 году тренеры В. Егоров и А. Кучевский пригласили Сидельникова в команду мастеров, в «Крылья Советов». Выяснилось, что мечта у нападающего... быть вратарем. Решили попробовать. Так в «Крылышках» появился 18-летний вратарь Сидельников.

Сколько же пришлось ново-

— Так ведь, выкатываясь, я закрываю большее пространство, остается меньше щелей, — объясняет Сидельников.

А вот еще два ответа вратаря «Крылышек», которые раскры-

ИЗ ПАПКИ

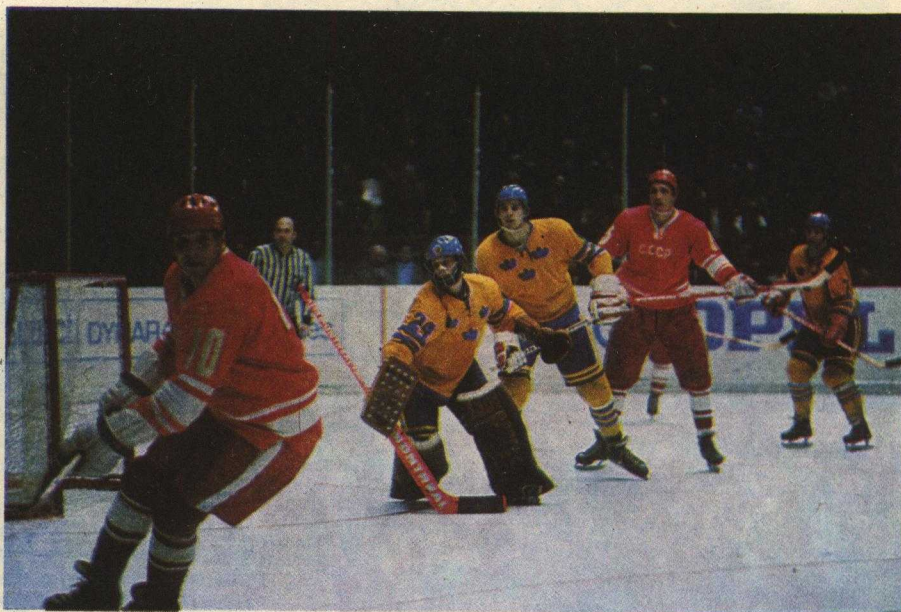
„СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО“

№ 11

Четыре года назад в ЦСКА появилась молодежная тройка: Ю. Лебедев—В. Анисин—А. Бодунов. Все трое ровесники, рождения 1951 года, начинали играть вместе в юношеской команде армейского клуба. Поиграв сезон—полтора в основном составе, вдруг неожиданно перешли в «Крылья Советов». Для многих это было сюрпри-

В. Анисин

Матч СССР — Швеция

явленному стражу ворот провести часов на льду, чтобы освоить технические приемы ловли шайбы? Кто из вас надевал доспехи хоккейного вратаря, тот поймет состояние новичка. Мы можем только предполагать, как тяжело было Сидельникову... Прошло всего пять лет с той начальной поры, а сейчас Сидельников дважды чемпион мира. Хотя Сидельников и считает сам лучшим вратарем Владислава Третьяка, однако многие тренеры, игроки (и я) сходятся в мнении, что прошедший сезон Александр провел лучше Владислава. Есть в его манере отличительная черта: Сидельников, пожалуй, как никто другой «далеко» выезжает навстречу нападающему с шайбой.

вают в какой-то степени характер Сидельникова.

— Что чувствуете вы, когда пропускаете шайбу?

— Прежде всего досаду на себя. Значит, ошибся, что-то сделал не так.

— Влияет ли пропущенная шайба на вашу дальнейшую игру?

— Раньше влияла. Настроение падало, мог разнервничаться, наломать еще больше дров. Сейчас практически не влияет. Научился брать себя в руки. И злость появляется. «Нет, думаю, больше не пропущу».

Вот эта злость на себя — замечательное качество. И им наделен сполна Александр Сидельников. Плеяда хоккейных вратарей пополнилась еще одним мастером.

зом. Тренер ЦСКА А. Тарасов пояснил на одной из пресс-конференций, что Анисину он предлагал остаться, а вот-де Лебедев и Бодунов малоперспективные хоккеисты. Но Анисин не бросил друзей-партнеров. И под руководством наставника Бориса Павловича Кулагина эта тройка буквально расцвела. Вот некоторые статистические данные прошедшего спортивного сезона.

Приз газеты «Труд», вручаемый самой результативной тройке, выиграли нападающие «Крылья Советов» В. Анисин, А. Бодунов и Ю. Лебедев, которые, выступая вместе, забросили 64 шайбы.

Приз газеты «Известия» завоевал нападающий команды «Крылья Советов» В. Анисин, который набрал по системе

«гол плюс пас» 48 очков (22 очка и 26 результативных передач). На одно очко от него отстал динамовец А. Мальцев.

Что говорят цифры? Что главную роль в атаках «Крылышек» играет В. Анисин. Вячеслав — очень техничен, любит сыграть в пас, сделать все, чтобы партнер после его передачи мог забросить шайбу. Ну, а если у самого под клюшкой окажется шайба и ворота соперни-

ка в 5—6 метрах, тут уж никакой Третьяк не спасет положение.

Анисина называют мыслящим хоккеистом. Таким эпитетом в свое время награждали В. Александрова, Б. Майорова, А. Фирсова. И вот теперь Анисин. На чемпионате мира в Хельсинки Анисина причисляли к сильнейшим хоккеистам планеты. Между прочим, руководители канадского профессионального хоккея, выискиваю-

щие таланты в Европе, включили Анисина в число игроков, которых они хотели бы заполучить.

МИКРОФОН ВКЛЮЧЕН!

Теперь начинается основная часть работы. О ней рассказывать не буду: она у вас на виду, точнее, «на слуху». Работа не из легких, но интересная, а это, наверное, — главное.

Геннадий Орлов, мастер спорта, комментатор Ленинградского телевидения и радио

Рисунки
И. Латинского

Сколько времени может держаться спортивный рекорд? Пять лет, десять, ну, положим, двадцать. Но существовал в Англии рекорд, которому чуть было не стукнуло полтора века.

В один прекрасный день 1811 года два удалца из графства Беркшир принялись стричь баранов, а через 13 часов 20 минут шерсть упомянутых животных уже превратилась в отличный камзол.

Минуло 149 лет. Наступила суббота 18 июня 1960 года. Ровно в 8 часов утра два бравых шотландца и шесть баранов заняли место на старте. Были включены секундомеры, и баранов стали стричь, а через 6 часов 10 минут владелец ткацкой фабрики в городе Перт надел спортивный пиджак из великолепной шотландской шерсти. Вокруг бляели голые бараны, корреспонденты диктовали в телефоны отчеты об установлении нового рекорда мира.

Известный русский фигурист Н. Панин-Коломенкин, разделивший со шведом Ульрихом Сальховым славу сильнейшего фигуриста IV Олимпиады 1908 года, все самые ответственные фигуры всегда исполнял не на правой, а на левой ноге.

Возникновение этой привычки Панин объяснил весьма оригинальными обстоятельствами. «Будучи семилетним мальчиком, я по-братски делился с сестрой своими коньками. Ей — правый, себе — левый. Так мы и катались, отталкиваясь свободной от конька ногой. Это впоследствии отразилось на моем физическом развитии».

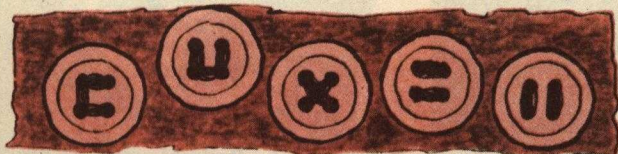
У футбольного клуба «Колombo рейнджерс» в республике Шри Ланка есть один болельщик, который с особым энтузиазмом приветствует каждый успех своей команды. Его голос перекрывает шум трибун. Это молодой слон по кличке Джампл. Когда нападающие «его» клуба забивают гол, он тотчас поднимает хобот и победно трубит.

34 семья
печатами

«НА КРЫШКЕ РОЯЛЯ»

1. Голос низкого диапазона. 2. Немецкий композитор. 3. Французский композитор. 4. Музыкальное представление, основанное на танце. 5. Знак понижения ноты на полтона. 6. Ударный инструмент. 7. Немецкий композитор. 8. Русский композитор. 9. Русский народный музыкальный инструмент.

«ТРИЖДЫ ПЯТЬ». Головоломка Тани Гунченко из с. Жарык Казахской ССР. Кто угадает первые три буквы, тот узнает сразу по пять слов, заключенных в рамки.

?	—БОЙ —БОР —ВАЛ —МЕР —ПЕВ
?	—ТОК —ТАН —ТЬЕ —КАТ —ФОН
?	—АСЬ —ЕТА —МАН —НИЗ —ТОН

Кстати, все ли знают, что пуговицу на куртке и на пальто надо пришивать так, чтобы она не прилежала плотно к материалу? Для этого можно, например, приложить к пуговице вязальную спицу и затягивать нитки поверх спицы. Потом спицу надо вынуть, пуговицу оттянуть и образовавшуюся под ней «ножку» из ниток плотно обмотать оставшимся концом нитки, перед тем как закрепить ее.

В сочинении Демьяши можно насчитать 32 ошибки.

A stylized illustration within a square frame. It features a hammer with a long handle and a claw head, a pair of pliers, two round balloons tied together, and a hand saw. The drawing is done in a simple, illustrative style with dark outlines and some flat coloring.

«ВИЛОНОЖНИЦЫ». ЧАЙНЫЙ ПРИБОР НА ЧЕТВЕРЫХ. Автор — Наташа Г., г. Белово Кемеровской области.

Выставка будет продолжена в следующих номерах журнала.

СЕРДИТЫЙ ОСЕЛ

Жил на станции осел.
 Был осел ужасно зол.
 И любой его боялся
 Потому, что он лягался.
 В настроении плохом
 Он подрался с петухом,
 А когда улегся пух,
 Голышом стоял петух.
 Вот каким он был сердитым,

И не в шутку, а всерьез!
 Как-то он своим копытом
 Так ударил паровоз,
 Что состав остановился
 И обратно покатился.
 С той поры густой травой
 Паровозный путь зарос:
 Это место стороною
 Объезжает паровоз.

Перевел В. Орлов

Рисунок П. Швеца

СОДЕРЖАНИЕ

Мамино знамя	
рассказ А. Левиной	
рисунки В. Топкова . . .	3
Сказка о хохломском	
мастере	
стихи Д. Кикина	
рисунки Б. Семенова . .	7
Германской Демократиче-	
ской Республики—25 лет	
фотоочерк	8
Витька Мураш—победитель	
всех	
повесть Ю. Томина	
рисунки А. Пахомова	10
Зея	
очерк Л. Потаповой	
рисунки И. Латинского	24
Живые и мумии	
очерк Г. Георге	27
Барабан	
журнал юнкоров	30
Ветер в старых липах	
главы из повести	
В. Дмитриевского	
рисунки	
В. Бескаравайного . . .	34
Морская газета	46
Экспедиция „Вокруг света“	48
Над нами Канопус	
из дневника участника	
экспедиции	
С. Степаньянц	
фото автора	
рисунки Ю. Клыкова	49
Александр Крикунов,	
вожатый с Челябинского	
тракторного	
очерк И. Сергича	54
Арчбек	
шахматы, шашки	56
Уголёк	
журнал для малышей	57
В стеклянном домике над	
полем битвы	
заметки спортивного	
комментатора	
Г. Орлова	
фото В. Галактионова	
рисунки П. Кузнецова	59
За семью печатями	
кресворды, ребусы,	
головоломки	63

Обложка Т. Оболенской

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина (и. о. отв. секретаря), А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. гл. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлинский Технический редактор В. И. Мецатунова Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются

М-28340. Сдано в набор 5/VII 1974 г. Подписано к печати 29/VIII 1974 г. Формат 60×90 мм. Печ. л. 8+обл. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 550 000 экз. Заказ 3014. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.

ПУТЕШЕСТВИЕ КОСТИ ТЕРКИНА НА ВЕЛОСИПЕДЕ ВРЕМЕНИ

В 1975 год

1. „Путешествие будет недолгим, — подумал КОСТЯ ТЕРКИН, — поэтому сяду-ка я не в машину времени, а на велосипед“.

Крутанул педаль — промелькнули октябрь, ноябрь, декабрь! Теперь притормози, КОСТЯ, — ты уже катишься по страницам «Костра»-75.

2. — Это чей там смех веселый! — спросил КОСТЯ у первого встречного пионера. — Чьи глаза огнем горят!

— Это отряды юных следопытов ведут поиск, участвуют в акции «Салют, Победа!».

3. КОСТЯ салютнул следопытам и хотел ехать дальше, КАК ВДРУГ... Огромная волна захлестнула его. «Значит, в 75-м году продолжается ЭКСПЕДИЦИЯ „ВОКРУГ СВЕТА“!» — хотел крикнуть КОСТЯ, но получилось только...

4. БУЛЬ-БУЛЫ! И тут он вспомнил..

«Они успели проплыть через заросли кораллов. Теперь под ними была бездонная черная бездна, а наверху, очень высоко, безнадежно высоко разливалось солнечное сияние».

«Это ведь приключения Гены Стратофонтова из повести В. Аксенова „Мой дедушка — памятник“. Уж не дал ли велосипед задний ход в 1970 год!» — едва успел подумать КОСТЯ, как увидел:

5. «Летательный аппарат на парусиновых крыльях перелетел через Неву, и теперь явственно были видны две человеческие ноги, свисающие с пилотского сиденья».

Читатели «Костра» снова встретятся с Геней в новой повести В. Аксенова «Сундучок, в котором что-то стучит».

6. — И многие из них смогут стать такими же сильными и ловкими, как Гена, — заметил спортсмен, продельвающий своеобразное упражнение, — на спортивных страницах рассказано будет о том, как овладеть приемами самовнушения и самоконтроля.

7. «Что ж, остается только пригласить всех читателей совершить путешествие в «КОСТЕР»-75! — решил КОСТЯ ТЕРКИН».

Рисунки Г. Ясинского

25 к.

Индекс 70445